

ЛЕВ ПУЧКОВ

ИСТОРИИ
34 476 462

СПЕЦЫ

34 476 462

ЛУЧШАЯ ПРОЗА О БОРЬБЕ С НАРКОМАФИЕЙ

34 476 462

кровавая война

СПЕЦНАЗ. СПЕЦИАЛЬНОЕ ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Лев Николаевич Пучков

Спецы: лучшая проза о борьбе с наркомафией

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178920

Спецы: лучшая проза о борьбе с наркомафией: Эксмо; М.; 2009

ISBN 978-5-699-33626-5

Аннотация

Команда полковника Иванова называется «Экспертно-аналитическое бюро». Но ее стихия – война. Безжалостная, бескомпромиссная, кровавая война с наркомафией. Особенность этой войны еще в том, что на «мероприятия» бойцы Команды отправляются, как правило, без оружия. Впрочем, это не мешает им побеждать. И все бы шло своим чередом, но тут в борьбу с наркомафией вмешивается какая-то третья сила. Цели у нее вроде бы те же, что и у Команды, но вот методы «работы» просто шокируют. Полыхают коттеджи наркобаронов, на подступах к городу безжалостно уничтожаются наркокурьеры, стучат пулеметные очереди – это без суда и следствия расстреливают торговцев «дурыю». Но самое любопытное, что в самом городе идет легальная торговля легкими наркотиками. Команда полковника Иванова пытается раскрыть двуличных

«мстителей» и приступает к своей самой рискованной и самой жесткой операции...

Состав сборника:

Жесткая рекогносцировка

Тактика выжженной земли

Триумфатор

Содержание

Жесткая рекогносцировка	5
Пролог	5
Глава 1	52
Глава 2	85
Глава 3	139
Глава 4	182
Глава 5	227
Глава 6	268
Конец ознакомительного фрагмента.	281

Лев Пучков

Спецы: лучшая проза о борьбе с наркомафией

Жесткая рекогносцировка

Некоторые события, описанные в книге, выдуманы.

Названия ряда населенных пунктов, учреждений и организаций намеренно изменены.

Изменены также многие фамилии, встречающиеся в тексте.

Пролог

«Cool! Cool! Cool!!!»

«...Жизнь прекрасна.

Нет, это не просто цитата из классики. Это вполне емкое и исчерпывающее определение текущего момента.

Мне восемнадцать. Я абсолютно здорова, умна, недурна собой...»

– Да ладно скромничать, ты у меня просто краса писаная!

«Это папа. Папа неадекватен: оценивает меня оч-чень

даже необъективно. Я для него – свет в окошке, это понятно. Эмм... Ну и понятно также, что у меня прекрасные родители, потрясающие перспективы и просто фантастическое будущее...»

– Брось свой дурацкий диктофон и прекрати кормить кота со стола! У него диета, ему нельзя мидии!

«Это мама. Потрясающе хороший человек, но очень эмоциональна. Да и не мудрено: шутка ли, такой дом держать на своих хрупких плечах!

Так... Угу... Угу...

А, вот: особенно отчетливо ощущаешь, что жизнь прекрасна, когда в праздничный день, солнечным утром, неспешно завтракаешь с семьей в зимнем саду. Повариха Матильда подсматривает с кухни, расплющила нос о дверное стекло. Три минуты назад спросила горничную Дусю, понравились ли маме кексы. Дуся не смогла дать вразумительного ответа, теперь Матильда переживает...»

– Матильда, не переживай! Кексы – фантастика! Хи-хи...

«Так, Матильда удрала. Графиня в страшном смятении бежит к пруду... Хи-хи... Эмм... А, да: Восьмое марта, весна, солнце. Вижу: по двору слоняются секьюрити, тот, что ближе к оранжерее, – Миша, он по мне тайно вздыхает. Хи-хи... Дурачок...»

– Кто вздыхает?!!!

«Это специально для папы: проверка реакции. Папа – брось. Неужели не понятно: слуги всегда тайно хотят дочь

босса, даже если она корявая, хромая и горбатая. А уж если у нее все на месте и от нее не воняет протухшими памперсами... Гхм-кхм... Ну, в общем, понятно: это ведь азы психологии...»

– Ну-ну, я присмотрюсь. Если что, всю вздыхалку повыдираю, под самый корень!

«Папа, папа... Все хочет составить дочурке счастливую партию. Спит и видит, как бы удачно пристроить свое неразумное дитя за какого-нибудь принца...»

– Кстати, насчет партии. На сегодняшнем балу тебе надо быть обязательно...

«Ну вот, началось! Балы, ассамблеи, премьеры, бенефисы... Боже мой, какая жуткая скукотница! Все каменно и чопорно, все друг друга ненавидят и картонно улыбаются, хотя каждый прекрасно понимает: это фикция. Зачем?!?! Неглупые ведь люди, неужели не жаль так бесславно тратить свое драгоценное время? Решительно не понимаю, зачем этим монстрам, динозаврам, рулящим страной, все эти маскарадные сборища...»

– ...Президент будет!

– И что с того? Президент не в моем вкусе. Мне больше нравятся полные курчавые брюнетки с большими влажными глазами.

– Пфф... Кто-то спросил про твои вкусы? Что ты можешь понимать в таком возрасте?!

«Эх, мама... Мама, видимо, надеется, что президент

мгновенно мною пленится, загорится, воспыхает, бросит Первую Леди и женится на мне. Да, признаю: выглядит это весьма заманчиво. Вот это точно – хорошая партия...»

– Вот дуреха-то, прости господи... Ну ты только послушай, что ты несешь! Вот прокрути назад и послушай!

«Мама негодует. Раздувает ноздри, взор ее сверкает. Мамочка, не надо, не стоит оно того...»

– Слушай, брось это свое идиотство! Я его сейчас об пол тресну!

– Мам, это не идиотство. Это я к курсовой готовлюсь. А диктофончик все-таки немало стоит. Не бог вещь какие – но все же денежки. Ты лучше скажи, хотела бы президента зятем? Как тебе такая перспектива?

– Боже, дай мне терпения...

– Окси, не ерничай, – вовремя вмешался глава семьи. – Мама упомянула про президента исключительно для того, чтобы подчеркнуть особый формат мероприятия. Особый статус. Там будут люди очень высокого полета.

– И что мне эти ваши люди?

– Ну как – что?! Надо пользоваться случаем. Ты у нас уже не ребенок, пора потихоньку устраивать свою будущую жизнь.

– Ага... Удачная партия?

– Ну, партия не партия... Но – осмотреться, показаться, оценить обстановку... Тебе в июне уже девятнадцать будет...

Оксана укоризненно покачала головой и вздохнула.

«Осмотреться, показаться, устраивать жизнь...» Что за бред? Разве можно тратить время на всю эту нудистику, когда каждый твой день и без того до отказа насыщен жизненно важными и совершенно неотложными делами? Учиться, самообразовываться, набираться ума (это три совершенно разные вещи) для великих свершений, срочно переделывать наш неправильный мир, который от этой своей неправильности в любой момент может рухнуть, и вообще существует до сих пор только ввиду какого-то чудовищного недоразумения...

– Ну что ж, глубокоуважаемые предки... У меня для вас две новости.

– Боже мой, доченька... Ты...

– Успокойся, мама, это совсем не то, что ты думаешь!

– Да, это не то, – с ходу выловил суть мудрый папа, спокойно подливая себе чаю. – Она просто не поедет с нами на бал.

– Да, не поеду. У меня мероприятие.

– Какое мероприятие? Что у тебя может быть за мероприятие, которое важнее этого? – удивилась мама.

– Поверь мне, мое мероприятие стократ важнее этого вашего бала. Я бы даже сказала так: вопрос жизни и смерти. Тебе лучше как:дохлая дочка на балу или живая-здоровая, но вне бала?

– Да что там за мероприятие такое?! – мама растерянно всплеснула руками. – Ты понимаешь, в какое положение ты

нас ставишь?! Куда это ты собралась – на важное такое? Это кто такие вообще?

– Четыре вопроса. Акцентов приоритета не уловила – все равноправно и одинаково сумбурно. В какой последовательности отвечать?

– Ну ты уж совсем-то из меня дуру-то не делай! Думаешь, если мать без высшего образования, так над ней и глумиться можно?!

– Мам, ну что за глупости? При чем тут образование?

– Куда ты собралась?!

– Лучшие по успеваемости студенты нашего курса собираются в «Поземке». С руководителем и всем деканатом в полном составе.

– Что-то я не поняла... Откуда у тебя такая любовь к сокурсникам? То они для тебя – «биомасса», то ты ради них готова вдрызг разругаться с родителями?

– Поясняю. «Биомасса» здесь ни при чем, если ты прослушала, уточняю: там будет наша профессура. И я буду делать научный доклад, как раз по этой теме, которую набалтываю на диктофон. Теперь понятно?

– Ну... Час от часу не легче... А чего это – Восьмого марта?

– А чем этот день лучше других?

– Так праздник же!

– Это у вас праздник. Такой ваш тупой совковый праздник, который придумали ваши тупые коммунисты для заби-

тых, затурканных судьбой женщин. Триста шестьдесят четыре дня в году ты – скотина и быдло, а сегодня, так и быть, на тебе, почувствуй себя человеком.

– Ну что ты опять несешь!

– Правда всегда нелицеприятна, мама, это закон жизни! Посмотри на Европу, для нормальных людей 8 Марта – обычный день, ничем таким особым не примечательный.

– Ну вот... Гхм-кхм... Даже и не знаю...

– Моя порода, – одобрительно крякнул папа. – Врет и не краснеет. Да еще как вдохновенно врет!

– Что значит «врет»? – тревожно вскинулась мама.

– Врет, врет! Глумится над нами. У нее сегодня вечернее randevu с «Народным ополчением».

– Это кто?!

– Это – «что», Машенька, а не «кто».

– И что это?

– Шайка юных бездельников, мнящих себя спасителями мира.

– Антиглобалисты, что ли? Буйные, нет?

– Да ну что ты, Машенька, какие антиглобалисты... Ничего такого, о чем можно было бы беспокоиться. Я же сказал – бездельники. Пустое место...

– Сами вы пустое место! Что вы можете понимать в таких вещах?!

Оксана обиженно хлопнула ресницами и испепелила папу взглядом.

– Родители-то у них хоть приличные, нет? – озабоченно уточнила мама.

– Увы, ничем утешить не могу. Самый крутой папа там – завуч в общеобразовательной школе.

– Боже мой! Да как же... Кто допустил... Как с такими отбросами... Ты на какой свалке их откопала?!

– Сами вы свалка!

– Не выражайся!!!

– А по Интернету, по нему, родимому. До этого все – в чате да на форуме, потом – по телефону. А сегодня, стало быть, у них первая встреча. Знаешь песню: «Первая встреча – последняя встреча...»

– Тупая песня!

– «Утро туманное», старинный русский романс. Не оскорбляй классику...

– Я тебя туда не пускаю! – решительно подбоченилась мама. – Не для того я загибалась-горбатилась, дочь растила, чтобы она со всяким сбродом...

– А я тебя и не спрашиваю! Я совершеннолетняя! Дождетесь – соберу сейчас вещи и уйду от вас!!!

– Совсем сдурела?! Чего это на тебя нашло?!

– Спокойно, Маня, спокойно... На полтона ниже, пожалуйста... «Если у вас проблемы с родителями-ретроградами, мы дадим вам приют, обогреем и накормим...» Ага?

Оксана опять испепелила папу взглядом и растерянно прикусила губу. Черт, а не папа! Есть ли в мире информа-

ция, которой он не владеет?! Везет же некоторым: папы у них простые олигархи или тупоголовые губернаторы, которые и со своими делами разгрестись не успевают, не то что отслеживать какие-то левые телодвижения отпрысков...

– Папа – гад. – Папа ловко утянул из-под носа расстроенного чада диктофон и нажал запись. – Испортил, гад, всю малину. А так было бы все славно... Вопрос: на что вообще рассчитывала?

– В смысле?

– Все табельные маршруты утверждены на неделю вперед, по любому изменению – немедленный доклад. Никого из этой шатии в те места, где ты бываешь, даже на пушечный выстрел не подпустят. Ну, допустим, в ту же «Поземку». Никак, начальника охраны охмурять собралась?

– Да больно надо! – Оксана забрала диктофон, отложила в сторону, подальше от папы, и, непримиримо выровняв спину, скрестила руки на груди. – И вообще, можешь не волноваться: никакой малины ты не испортил.

– То есть?

– Куда хочу, туда и пойду. И без всякой охраны. Они ведь мне руки вязать не будут?

– Не будут, радость моя. И ноги – тоже. Они к тебе пальцем не смеют прикоснуться, и ты прекрасно это знаешь.

– Господи, Оксанка, да что с тобой сегодня...

– Хватит, мама! Попили моей кровушки, и будет. Иду куда хочу – и все тут! Что вы мне сделаете – из дому выгоните?

Да на здоровье! Уйду с большим удовольствием!

– А куда уйдешь, если не секрет? – деловито уточнил папа.

– Не ваше дело! Куда хочу, туда и уйду.

– Очень приятно, – папа поманил пальчиком притаившуюся в углу горничную Дусю. – Притащи из кабинета мобильник.

– Который?

– В коричневом чехле из крокодиловой кожи.

– Сию секунду...

– Значит, так, – папа, непримиримо выровняв спину (это, вообще, его манера – а дочка просто невольно подражает) и скрестив руки на груди, глянул исподлобья. – Идти тебе некуда. Все, с кем ты общаешься, в курсе, что почем и каким концом потом им достанется. Остается один вариант: вот это идиотское «Народное ополчение».

– Оно не идиотское...

– А я сказал – идиотское! Дебильное – тупоголовое – дегенеративное!! Пока ты с ними общалась по сети и телефону, я терпел. Можешь продолжать и далее в таком же духе, это не возбраняется.

– Вот спасибо!

– Пожалуйста. Но я не допущу, чтобы ты общалась с ними непосредственно, «вживую».

– Да ну! И что ты сделаешь?

– Я их уничтожу...

Тут как раз явилась горничная и притащила телефон.

– Погоди... Что ты имеешь в виду? В смысле – морально?

– А вот это понимай как хочешь, – папа дважды пикнул кнопками и задержал палец на «вводе». – Сейчас ты дашь мне слово, что никогда не будешь с ними встречаться. Ты ведь мой ребенок и слово держать умеешь.

– А если не дам?

– Тогда я дам.

– Что ты дашь?

– Команду. Прямо сейчас, при тебе. И до исхода сегодняшнего дня от этих ублюдков останутся одни воспоминания.

– Погоди-погоди... Ты чего так сразу – с места в карьер? – не на шутку разволновалась Оксана. – Давай поговорим об этом, обсудим...

– Не собираюсь я это обсуждать! У тебя есть двадцать секунд, чтобы принять решение.

– Нет, ты мне скажи: что значит – «уничтожу»? В каком плане – «уничтожу»?!

– Я сказал – понимай как хочешь. Все, засекаю время...

Так... Ну и что теперь делать? С ходу, не задумываясь, дать слово – потом ведь держать придется. Это значит, все грандиозные замыслы и прекрасные идеи отодвигаются на неопределенный срок. По телефону и сети – это, конечно, здорово... Но главное ведь – это личное общение! Чтобы понять, что стоит за безликими никами и стандартными телефонными голосами, надо смотреть людям в глаза, видеть их

рефлексии, дать своей интуиции поработать на живом материале: правильные ли это люди, стоят ли они того или ну их к черту...

– Десять секунд...

А если дать и не держать? Нет, понятно, что всю жизнь держала, чего бы это ни стоило – воспитывали так, с самого детства, всегда ставили личную надежность и внутриклановую честь во главу угла... Но ситуация-то какова?! Ведь это из ряда вон, никогда ранее ничего подобного не было!

Не держать – опасно. Во всех отношениях. Оступишься, словчишь раз, другой – все равно рано или поздно отследят и доложат. Вот ведь позор будет!

Но позор – это всего лишь ее личное дело, траченное репутации, моральные минусы...

А реальная опасность в том, что ее папа, без всяких скидок и условностей, может ВСЁ. Думаете, от нечего делать прицепилась: «...что значит – „уничтожу“? В каком плане – „уничтожу“? Да как бы не так! Если в двух словах, то речь в данном случае идет не о том, чтобы „разогнать и осложнить жизнь“ (папа на такие мелочи просто не будет размениваться), а устроить неприятности в диапазоне от „состряпать уголовное дело и надолго усадить в тюрьму“ до убийственно простого „устранить физически“. Все понятно, нет?

Ну и как теперь выкрутиться из ситуации?

– Время вышло. Решение?

– Слово.

– Конкретнее?

– Я не буду пытаться с ними встречаться. Достаточно?

– Так... Ага, понял. Думаешь, хитрее всех?

– А что тебе не нравится?

– То есть ты, конечно, пытаться не будешь... Но если вдруг тебя застукают с кем-нибудь из этой шатии, всегда можно будет сослаться на форс-мажор. Они подошли сами, заговорили со мной, а я даже без понятия – кто такие...

– Погоди...

– Не пойдет!

– Ну а что ты хочешь?

– Смени формулировку.

– Хорошо. – Оксана тяжело вздохнула и выдала требуемое: – Я не буду с ними встречаться. Ни при каких обстоятельствах.

– Слово?

– Слово.

– Ну вот и славно, – папа поманил пальчиком горничную и сдал опасный телефон. – Умница!

И принялся как ни в чем не бывало помешивать остывший чай. Хотя заметно было – украдкой облегченно вздохнул и слегка расслабился.

Хорошо, когда дочь – умница. Не надо лишний раз давать команду, чтобы кого-то несправедливо упекали за решетку или вовсе уничтожали физически. Зачем без надобности грех на душу брать?

Плохо, что умница чересчур впечатлительна и склонна к самокопаниям. Сидит сейчас с потухшим взором, бездумно смотрит в окно и тихо ненавидит всех подряд...

– Ты пойми, я ведь это не из вредности. Да я за тебя умереть готов, горе ты мое! Просто есть вещи, которые тебе в твоём возрасте пока что не понять...

– Прекрати, папа! Оставь это для своих тупоголовых дуболомов, ладно?

– Ну хорошо, хорошо...

– Так ты едешь с нами на бал, или как? – осторожно поинтересовалась мама, совсем потерявшаяся в этой внезапно налетевшей буре страстей.

– МА-МА!!!

– О боже... Да чего я такого сказала-то?!

– Не трогай ее, Маня, – мягко посоветовал мудрый папа. – Какой, на фиг, бал? У нас траур, надо ждать, пока рассосется.

– Ну и что теперь, будешь в праздник дома сидеть?

– Маня...

– Чего – «Маня»? Сорок пять лет уже Маня! Съездила бы хоть в «Поземку» эту вашу, развеялась...

– А что – хорошая идея, – в потухшем было взоре Оксаны появился какой-то нездоровый проблеск. – Поеду, развеюсь... Нажрусь там, как свинья, перебыю всю посуду, драку устрою, опозорю вас на весь свет!

– Господи, да какая муха тебя сегодня укусила?! – У мамы от огорчения даже губы затряслись – сейчас заплачет.

– Да на здоровье, – папа хладнокровно пожал плечами. – Это ты себя опозоришь. Мы в твою «Поземку» не ходим, мнения ее завсегдатаев нам глубоко безразличны, ты человек взрослый, отвечаешь за себя сама...

– Ага! Насчет этого, значит – «взрослый»?

– Угу, взрослый. Так что – приятного вечера, радость моя...

* * *

Интересно, почему эти дебилы всегда врубают музыку на полную мощность?

Децибел тут – чересчур. Как зайдешь, с непривычки на уши давит – жуть! Хочется тут же выскочить обратно. Светоэффектов тоже через край. В глазах рябит, двоится и тропится. Нужно долго привыкать, чтобы хоть как-то ориентироваться во всех этих сполохах, вспышках, заревах и протуберанцах. Пока отыщешь взглядом знакомые лица, глаза сломаешь: людей тут полно, они не просто сидят, а активно перемещаются, и от этого кажется, что их в два раза больше!

И вообще, всего тут много, и все тут почему-то очень бес толково.

«Поземка» – «элитный» ночной клуб. Тусуются тут дети первых людей страны и разные именитые знаменитости. Могли бы, наверное, как-то все организовать поприличнее, на более достойном уровне. Или, может, это некий отголосок

«социальной справедливости»? В смысле, в стране бардак – и у элиты на вечеринках то же самое?!

Так, а вот и сокурсники – почти половина группы собралась, несколько столиков сдвинули вместе.

– Привет, биомасса!

– Привет, синий чулок.

– Кх-а-аа! Кх-то прише-ел!!! Кха-кхая чесьь для нашшего болота!

– Окси! О-о-оуу! Оу-кси! Ну все!

– На рейв-парти у нас нынче тетка – первый класс! И вооще, блин, вооще – сегодня полный расколбас!!!

– О-о-оуу!!!

– Ксю-ха! Ксю-хха!! Ксю-кхы-кхы...

– Ага... Уже наширялись?

– Нет, тебя ждем.

– Совсем мозги кончились? Когда это я с вами ширялась, придурки?

– Да, ты у нас не такая. Но ты, не такая, только намекни – мы тебе...

– Ага, все бросила, помчалась намекать... Чего там у нас сегодня в меню?

– Да так – все как обычно...

С сокурсниками Оксана не церемонится. Смысла нет. Это она для них, оперируя понятиями папиного круга, – прекрасная партия. А они для нее – никто, мелочь пузатая. По табели о рангах даже в один разряд никто не попадает. При-

мер: «Поземка» охраняется как режимный объект, секьюрити тут высшей категории, контролируется каждый квадратный метр, хозяева отвечают за безопасность гостей в буквальном смысле головой. Первое правило режима: охрану посетителей в клуб не пускают. Плечистые хлопцы и накачаные девицы с резиновыми мышцами дисциплинированно ожидают предписанные к хранению тела в дорогих машинах на утыканых камерами слежения парковках. Есть небольшое исключение: с охраной в клуб имеют право зайти ровно пять человек в мире. Билл Гейтс и Джордж Буш в этот список не входят, на первом месте там стоят дочери президента, а на четвертом – Оксана Зубова. Кроме того, ее охрана может потребовать пересадить посетителей из-за любого столика, если они затрудняют наблюдение за объектом с целью обеспечения его полной безопасности.

Вот вам разница в разрядах.

Но дело, в принципе, даже не в табели о рангах. Ребята из «Ополчения», по определению папы, – «пустое место», однако Оксана общается с ними с большим удовольствием. Потому что они умные, нестандартно мыслят, имеют твердые намерения сделать мир лучше, и хотя бы уже за это их можно уважать.

А за что уважать этих бездарных детей вельможных родителей, которые сами по себе, без пап и мам, ровным счетом ничего собой не представляют?

Вот Петя Иванов, сын министра, холеный ленивый краса-

вец, неформальный лидер их группы и полнейший бездарь (уже год как капает слюной в сторону Оксаны, все какие-то там планы строит, дубина!). Вот выдержка из разговора Оксаны с Петей по существу вопроса:

– Петя, ты чего себе вообразил?

– Ну че, я те вообще, что ли, совсем не нравлюсь, ннэ?

– А ты еще чего-нибудь можешь, кроме как «зажигать, отрываться, тусоваться, оттягиваться»?

– Ну, ты понимаешь, Окси... Мммэ... Ну, мы сейчас, типа, молодые, надо все успеть...

– Нет, ты мне ответь конкретно-прямо: на что ты способен?

– Ну, я че-то не понял, вообще, че ты имеешь в виду... Я че, слабо упакован, ннэ?

– Петя, барахло, бабки и крутые тачки – это не твое. Это тебе папа дал. Этого добра у нас у всех – сынков и дочек – хватает. А вот конкретно тебя: в одних трусах, на лужайке, без всего, что тебе предки дали, – за что тебя, голого Петю, можно не то чтобы любить, а хотя бы просто уважать как личность?

– Ну, Окси, ты че-то загнула...

– Если ни одной извилины нет, я тебе сама отвечу: не за что, Петя! Без своего большого папы ты – полный ноль. Ни-чтожество. До папиного уровня тебе не подняться – папиных мозгов нету, значит, будешь всю жизнь пользоваться его за-слугами, паразитировать и впустую коптить небо. Ну и на

фиг ты мне нужен, такое недоразумение ходячее?!

Ну вот, примерно в таком ключе. Уважать не за что, скрывать свое отношение нет смысла. Да и приятно это – лениво хамить тупоголовым вельможным отпрыскам, заведомо зная, что проглотят, как миленькие: удачно и едко парировать – мозгов нет, а грубить никто не посмеет, потому что можно тут же, «не отходя от кассы», огрести от охраны...

Сегодня Оксана вела себя примерно. Всем приятно улыбалась, сверх меры не хамила, общалась со знаменитостями и «звездами» (тут этого добра едва ли не больше, чем сынков и дочерей) и потихоньку налегала на французское шампанское. Не то чтобы исправилась или вдруг в одночасье поменяла мировоззрение... а просто был у Оксаны на этот вечер весьма определенный план.

План простой и бесхитростный: в общих чертах – нализаться в доску и устроить дикий скандал с битьем посуды и всех подряд противных рож, что подвернутся под руку; а также конкретная задача номер два: под шумок крепко отдубасить Петю Иванова.

Насчет Пети сомнений не было: он длинный, но дохлый, на физкультуру давно забил, злоупотребляет кокаином и регулярно глотает «экстази». А Оксана, напротив, давно и регулярно потеет в популярном среди «верхов» клубе айкидо, ничем не злоупотребляет и, вообще, имеет довольно крепенькую статью.

То есть Петю сделать – раз плюнуть. Пусть потом обте-

кает, сволочь: тоже мне, красавец, с девчонкой не мог справиться!

А приятно улыбалась всем и вела себя паинькой для того, чтобы усыпить бдительность окружающих и своей охраны. Внезапный удар будет особенно хорош, когда вся эта золотая биомасса нажрется, наглотается, обнюхается и начнет благодно гукать и пускать розовые сопли. Вот тогда я вам устрою, сволочи!

Откуда бы это у нее? Сама родом из того же инкубатора, от остальных-прочих отличается лишь рангом папы, личным повышенным трудолюбием да чрезмерной вдумчивостью... Спроси сейчас кто – вряд ли даст внятный ответ. Просто, сколько себя помнит, презирала и терпеть не могла всю эту тупоголовую «золотую молодежь» и трущихся вокруг нее «звезд», алчных до подачек и дармового угощения. Считала почему-то, что на их месте должны быть другие, одаренные и талантливые, которые действительно заслужили право вести такой образ жизни...

В зале, где «зависала» Оксанина группа, нельзя было разговаривать по телефону: шум вокруг стоял – как на каком-нибудь металлургическом комбинате в самый разгар производственного цикла. Трижды Оксана выходила в просторное фойе поболтать: два по двадцать – для души, с «Ополчением», раз на полторы минуты – по делу, поругаться с мамой.

– Ты там с шампанским полегче! Третий фужер уже

пьешь!

– Мама, я совершеннолетняя! Что хочу, то и пью! Сколько хочу, столько...

– Будешь продолжать в том же духе – все брошу, приеду и вставлю там всем вашим подавальщикам-барменам! Пусть тебе будет стыдно, что люди из-за тебя пострадали!

– МА-МА!!! О, боже... Да когда, в самом деле, вы уже прекратите мне нервы трепать...

И в таком духе – еще шестьдесят секунд. До красных пятен на щеках и до еле контролируемого желания с размаху шваркнуть телефон о паркет.

Обычное явление: охрана доложила о ходе культурного мероприятия. Предатели. В обе стороны работают. Неплохо было бы, если бы, допустим, какие-нибудь террористы напали да перестреляли всех к известной матери. Вокруг – трупы, а она – совсем одна. Свобода!

Оксана вернулась в зал, со злости осушила свой на две трети наполненный фужер, сделала официанту пальчиком – «повторить», нащупала взглядом примостившихся через два столика телохранителей и показала им нехороший американский жест. До большего опускаться не стала: бессмысленно. Работа у них такая. Вот помрут папа с мамой, будет она хозяйкой, тогда они будут ее слушаться и докладывать о каждом шаге ее чада. Если таковые чада вдруг образуются когда-нибудь...

Пока гуляла туда-сюда, многие однокашники, судя по по-

ведению, нюхнули, да не по разу, а некоторые и вовсе приняли общеизвестной дряни с выраженными эффектами. Вели себя как заведенные кем-то механизмы с ограниченной программой: не по-человечьи бодренько отплясывали, дергаясь, как ужаленные в причинные места, жутко потея и поглощая лошадиные дозы напитков, непринужденно орали, изливаясь потоками труднопонимаемого косноязычия (а полчаса назад многие двух слов связать не могли – только мычали да «чекали»), реготали неестественными голосами, причем ни с чего, на ровном месте – что называется, «с пальца перлись».

Ну за что их уважать, скажите? Такого рода мероприятия Оксана посещает редко, но каждый раз – одно и то же. Через полчаса после начала все нанюхаются-наглоотаются, и обстановка начинает напоминать хлев.

Есть мнение, что великие художники и прочие незаурядные творческие личности принимали наркотики, чтобы раскрепоститься, полнее раскрыться, дать своей великой фантазии вольно воспарить над ограниченной плоскостью реальности. И якобы они в эти минуты были просто прекрасны, великолепно, неподражаемы и, вообще, богоподобны. Очень может быть, очень может быть... если есть чему раскрываться и парить.

А если там, внутри, пусто? И мало того, не просто пусто – вакуум, а пустота эта до отказа наполнена душевным мусором, всевозможным хламом и грязью?!

Вот и представьте себе, что будет, если это чудо-юдо па-

по-мамино вдруг сглотнет «колесико» да раскроется, раскрепостится в компании себе подобных.

Короче – быдло, оно и есть быдло...

Так... В общем, Оксана залпом осушила свой фужер, услужливый мальчик притащил другой, повертела его за ножку (фужер, а не мальчика), пытаясь стряхнуть негативные эмоции, оставшиеся от разговора с мамой... И вдруг поняла, что с ней происходит нечто странное и необъяснимое.

Кто-то прибавил звук – не музыки, а вообще всего вокруг: отчетливо слышно было, что орут танцующие и люди за столиками. А музыка неузнаваемо трансформировалась: мелодия потерялась, аранжировка пропала, остался один лишь ритм. Дум-дум-дум... И колошматил этот ритм, казалось, в самое сердце, как будто какой-то неутомимый работяга лупил по мембране молотком. Дум-дум-дум... Ноги произвольно дернулись несколько раз, как судорогой свело – хотели ноги танцевать, сами, без участия остального тела. Краски сделались резче и ярче, причем красный преобладал – как будто местный светотехник чего-то там нахимичил с фильтрами.

– А-а-а, рожи!!!

Да, рожи... Рожи однокашников за сдвинутыми вместе столами как будто приблизились, стали крупнее, отчетливее, рельефнее... Даже в полумраке, в ослепляющих сполохах стробоскопа хорошо различимы веснушки на вспотевшем лбу сидящего рядом Пети Иванова. Глазки масляные,

хитрые, смотрит как-то выжидающе, с прищуром, как кот на мышку... А так ничего себе рожи... Даже нет, скорее – лица. Рожи бывают у плохих людей, а тут все свои, родные... И вовсе они не противные, как обычно, что-то с ними сейчас случилось, этакое приятственное, изменились они в лучшую сторону... Улыбаются, смотрят приветливо, гыкают... Да вообще – милые ребята!

– Гы-гы... – непроизвольно выдала Оксана, впадая в общий контекст. – Гы-гы-гоо...

– Ну, как самочувствие?

– Ой, су-у-уки... – шибануло вдруг откуда-то изнутри остатком здравого смысла. – «Экстази» в шампанское подмешали...

– Ну, подмешали, – честно признался Петя Иванов. – Гы-гы... ну а че те – плохо, что ли?

– Мне? Гм... Уфф... Не, не плохо.

– Ну вот, и тащись, как все приличные люди. Все намана?

– Намана... – Оксана облизнула пересохшие губы – слюны во рту вдруг не стало, язык прилипал к нёбу – и потянулась за фужером.

– Окси, ты брось это – на шампань не налегай, – предупредил опытный Петя. – Лучше колу пей. Алкоголь того – типа, того, усиливает...

– Да ну, какая фигня, – Оксана залпом опрокинула фужер и тут же отняла у Пети початую бутылку фанты. – Дай-ка...

– Ну че, пошли подергаемся?

– Па-а-ашли!!!

И пошли.

Танцевать, оказывается, это просто здорово. Оксана, танцевавшая редко и по жизни равнодушная к развлечениям подобного рода (пустая трата времени, в мире есть масса гораздо более интересных и полезных дел), почувствовала себя вдруг как минимум королевой бала. И не важно, что при этом она всего лишь прыгала на месте, высоко подбрасывая колени и отчаянно мотая головой. Оксана была занята важным делом: пыталась руками поймать ритм, который стал подобен некоему материальному стержню, вонзавшемуся в нее под разными углами со всех сторон. Ритм ловко ускользал – Оксана чертыхалась и весело визжала от избытка чувств. Если бы в горле не сохло да нижнюю челюсть не сводило бы судорогой, – вообще все было бы здорово!

– Побольше пей, – Петя, исчезнув на минуту, вернулся с большой бутылкой колы, – и все будет наман. Ну как ты?

– На-ма-на!!!

– Ну и молоток. Поцелуемся?

– Только не взасос. А то в харю тресну. Ммм-ммм... Фу, соленый какой-то...

– Гы-гы-гы!!!

– Ты потише прыгай – людей задеваешь...

– Да че там люди! Смотри, как могу: ы-ыхх!!!

Оксана, ловко сгруппировавшись, сделала безукоризненное сальто назад. Как учили. Приземлилась, в общем, удачно.

но, но одного товарища задела ногой да на завершающей стадии приземления крепко саданула второго товарища локотком. Неумышленно – тесно ведь. Публика восторженно заорала, захлопала.

– Только один раз – и только для вас! – Оксана изобразила книксен и манерно раскланялась.

Ушибленные товарищи попробовали было заявить о своих правах, но Петя быстро их поправил:

– Куда прете, скоты, не видите – кто?! Еще слово, и вас тут закопают!

Петя – душка! И вообще, все так классно, все так здорово!

– Шампанского! – завопила Оксана от избытка чувств. – Гарсон, ведро шампанского людям! Йю-ххууу!

– Ты потише ори, – озаботился Петя. – Вон, смотрят...

– И что?!!!

– Да нет, твои смотрят. Гляди, загоношились...

Точно, телохранители стоят, плятятся озабоченно, начальник охраны направляется в фойе, на ходу доставая телефон. Стучать побежал, сволочь!

– Ну е-мое! – не на шутку обиделась Оксана. – Я кто – швея-мотористка, что ли?! Мне теперь че – и поорать нельзя?!

– Да можно, все можно, – горячо поддержал ее преданный Петя. – Уж если тебе не поорать, то кому же? Но только не здесь.

– А где?

– Хочешь, свалим отсюда, тут рядом местечко есть – че хошь мона делать, хоть на голове ходить.

– Нереально. Охрана вон, глаз не спускают. Потом, тут у них камеры везде понатыканы...

– Я знаю, как можно выйти. Давай, двигай потихоньку наверх, на антресоли.

– И?

– Постой рядом с диджеем, я сейчас – быстренько все организую.

– Хорошо, давай...

По дороге зацепила из бара две бутылки шампанского – все равно охрана уже доложила, хуже не будет, – пристроилась рядом с кучкой поклонниц диджея, оперлась о перила, чтобы не выпадать из поля зрения телохранителей, а то ведь наверх попрутся! Стояла так и дергалась в такт музыке, опасно постукивая бутылками о благородный мореный дуб перил, одно неверное движение – и внизу кто-нибудь получит травму...

Потом откуда-то возник сноровистый Петя – почему-то с мокрыми волосами, приволок из гардероба Оксанино соболье манто (как пронес по лестнице – не понятно, то ли охрана по какой-то причине не отреагировала, то ли чертовски ловок, гад!), зашептал жарко на ухо:

– Давай, потихоньку, не торопясь, два шага назад... Так... А теперь – быстро!

И вприпрыжку помчались по верхнему коридору в даль-

ний конец. А сзади что-то зашумело, заверещало: спохватившиеся телохранители протискивались на антресоли сквозь плотный строй облепивших перила девчат.

– Быстро, быстро...

Выскочили наружу: балкончик из металлического прута, пожарная лестница, под козырьком – аж целых три камеры слежения, тревожно подмигивающие красными огоньками.

– Камеры же!

– Да и хрен на те камеры, – Петя, не поворачиваясь лицом к камерам, принял бутылки, завернул их в манто. – Давай. Удержишься?

– А то!

– Пошла, пошла...

Внизу уже ждали трое однокашников: две девчонки и Женья, друг Пети, – подпрыгивая и повизгивая от нетерпения и переполнявших их чувств, приняли Оксану на руки, тут сверху кулем рухнул Петя, накиннул на плечи королеве бала манто, бутылки сунул к себе в карманы, и вся компания дружно припустила за угол.

Короче, удрали. Камеры, конечно, все это безобразие зафиксировали, но разбор полетов будет завтра, когда поймут. А сегодня – СВОБОДА!!! Держите меня трое, и прячься в панике, родной город! Ух, теперь-то я вам тут устрою...

До того чудесного местечка, где, как обещал Петя, было все можно, добирались пешком.

– Тут три квартала, прогуляемся...

Впервые в жизни Оксана гуляла по ночному городу абсолютно без какой-либо охраны и вообще была предоставлена сама себе.

– Свобода! Сво-бо-да!!!

Дула шампань из горла, неумело свистела и вопила в полный голос – компания единодушно ее поддерживала, не слушая уговоров благоразумного Пети малость обождать и добраться все-таки до безопасного места.

Напоролись на одинокого прохожего – какой-то мучившийся бессонницей старичок вышел прогуляться, скакали вокруг него, как туземцы вокруг белого миссионера, орали, визжали, пытались угощать шампанским. Бедолагу чуть кондратий не хватил. Потом белугой ревели спартаковскую речевку (Женя научил – он фанатеет по футболу) и дружно послали в известные места какого-то паршивого интеллигентика, взывавшего из форточки к порядку.

– Тоже мне – спать ему хочется! Да мы те все окна переколотим, сволочь! Ты че, скотина, не в курсе, что страна гуляет?!

А время было как раз без пятнадцати час.

Интеллигентик оказался негодяем – вызвал милицию. А может, она сама вызвалась или просто ехала по маршруту, но, в общем, вскоре наши гуляки узрели мигалку «лунохода».

– Ничего, один звонок – и они тут все строем будут топтать. – Оксана полезла было за телефоном.

– Сдурела, что ли? – образумил ее многоопытный Петя. – Какой звонок – первым же делом предкам сдадут! Ходу!

Удирали от милиции по подтаявшим сугробам, как заправские хулиганы, прятались в каком-то проходном дворе, перебежками просочились через темную улочку, потом рвали во все лопатки через широченный яркий проспект, чуть под машину не угодили – машина жутко скрежетала тормозами, стукнулась в столб, там оказались какие-то кавказцы, хотели драться, но были они какие-то толстые и не догна-ли...

Ух! Вот это житуха!! Вот это приключения!!!

– Кул, кулл, кулл!!! – сипло верещала охрипшая от переполнявших ее эмоций Оксана. – Я вас всех люблю, мерзавцы!!! Вот она – свобода...

Да, верно, следовало все же слушаться опытных товарищей. Так получилось, что из всей компании никто, кроме Оксаны, шампанское не пил: ребята давно приноровились к популярным в их кругу «витаминкам», не раз испытали разные побочные состояния и выработали некую своеобразную этику: если «торчишь» – алкоголь по минимуму или вообще

без него.

В общем, пока добрались до места, Оксана, мучимая не проходящей жаждой, высосала обе бутылки шампанского. Прибавьте – в клубе, до этого, выпила почти бутылку и суммируйте: для непьющего человека, даже без всяких «таблов», этого вполне достаточно, чтобы надежно стоять на бровях.

Так что детали интерьера того чудесного местечка, куда они в конце концов попали, Оксана воспринимала как декорации некоего футуристического спектакля, который, к тому же, показывали через крашеное стекло. И вообще, все вокруг так здорово ехало и плыло, что она с большим трудом представляла себе, что с ней происходит и где она находится...

Судя по всему, это был подвал, спортзал или какой-то спортивный клуб: несколько помещений, в одном – баскетбольные щиты, сетка по стенам, в другом – борцовский ковер, маты – почти новые и совсем непыльные, в третьем – ринг, груши, какое-то железо на стойках и кронштейнах, опять маты.

Да, люди тоже были. Людям было нескучно: играла музыка, кто-то дико хохотал, где-то что-то пели, бегали, топоча как слоны, надсадно визжали, и так далее. Развлекались, в общем. Туалет тоже был, и даже не загаженный. В общем, все сносно.

Петя... Петя – славный парень. Завел в небольшую комна-

ту, где стояли тренажеры и стеллажи с гантелями, уложил на маты, пристроился рядом, мычал что-то на ухо, потом жарко дышал в затылок, надсадно сопел... Почему в затылок? У Оксаны джинсы тугие. Долго терзал джинсы (Оксана от хохота чуть не уписалась), едва сумел стянуть до колен, потом бросил это безнадежное дело, перевернул, уложил животом на маты, а сам взгромоздился сзади. Хи-хи...

Потом Петя переживал и душевно содрогался. Кровь увидел. Ну да, не надо делать круглые глаза, у Оксаны это было первое грехопадение(!!!) – недаром однокашники дразнят «синим чулком». Петя, хоть и двинутый порядком, это дело оценил: долго пускал слюни, всхлипывал, обещал, что никому ее не отдаст, всех за нее убьет и готов, в принципе, если надо, умереть сам. Хи-хи! Ну и ладно...

Потом чего-то курили и глотали, после этого все вокруг надолго провалилось в вязкий сиреневый сумрак...

Когда к Оксане вновь вернулось более или менее отчетливое мироощущение, действительность была настолько нехороша, что хотелось как минимум опять нырнуть в тот сиреневый сумрак, а в идеале – быстро и безболезненно умереть.

Взгляд застлала густая красная пелена, мир перед глазами ритмично дергался, тонко подвывал, временами взрыкивая как тигр, и вонял каким-то приторно-сладким сиропом. Сердце бешено стучало, лупило со всего маху о грудную клетку, грозя в любой момент выскочить наружу. Пронзительно и остро болела голова, как будто в нее воткнули

раскаленный штырь – каждый удар сердца штопором ввинчивался в виски.

Катастрофически не хватало воздуха. Оксана в буквальном смысле задыхалась, придавленная сверху какой-то непонятной тяжестью. Посмотрела вправо, влево, помотала головой, пытаясь добиться ясности панорамы...

Слева, уткнувшись лицом в мат, спал Петя без штанов. Вернее, штаны на нем присутствовали, но были спущены до колен. Пете было трудно в таком положении, он пускал пузыри и надсадно храпел: в помещении было душно, топили тут, как в бане. Справа, лениво зевая и смоля какую-то длинную сигаретку, возлежал Петин друг Женя. И был он не просто без штанов, а совершенно голый.

И при ближайшем рассмотрении оказалось, что вовсе это не мир перед глазами дергается, а взгромоздившийся на Оксану какой-то совершенно незнакомый парень. Нет, скорее – мужик, глубоко за тридцать, толстый, курчавый и совершенно смуглый! Национальность – фиг разберешь, короче, представитель нерусского оккупационного корпуса. Без штанов, но в черной толстовке с товарищем Че на животе.

Нельзя сказать, что курчавый получал от этого дела особое удовольствие: глаза у него были стеклянные, подвывал он вполне ритмично, как бы на автопилоте, и вообще больше всего был в этот момент похож на работа некоего гнусно-целевого назначения.

– А-а-а-ааа!!!

Мгновенно миновав стадию недоумения и душевных мук, Оксана с ходу свалилась в боевой транс: с не женской силой оттолкнула курчавого, свела ноги вместе и, издав воинственный клич, мощно лягнула его в грудь!

Курчавый рухнул на пол, скрючился, как зародыш, и, суча голыми ногами, начал смешно разевать рот, пытаясь вдохнуть.

– Уп-пью, с-скот...

Оксана встала, пошатываясь и кренясь на бок (голова – как будто чугунная, гудит, раскалывается, ровно держаться не желает), двинулась к курчавому. На ходу зацепила со стеллажа гантель полегче... А самая легкая была в пять кило, видимо, неслабые ребята тут тренировались.

– Нн-на!

Курчавый в последний момент дернулся – гантель, просвистев в паре миллиметров от его головы, долбанула в пол, вылуцив длиннющую острую щепу.

– Ты че, совсем дура?!!! – удивился голый Женя.

– Нн-на!!!

Увы, вторая попытка тоже не удалась: курчавый справился со спазмом и бодро отполз, да тут еще сзади подскочил Женя, вцепился, начал руки крутить.

– Убью, гады!!! – истошно завопила Оксана, пытаясь развернуться и укусить Женю, – все айкидо почему-то вылетело из головы. – Я вас всех!!! УНИЧТОЖУ!!! А-а-а-аа!!!!

Тут проснулся Петя. За несколько секунд въехал в ситу-

ацию (а ведь не совсем debil, соображает быстро), принял-ся помогать Жене. Подключился курчавый, втроем они ми-нуты три боролись со своей беснующейся забавой, которая за это время впала в полноценный приступ берсеркской ярости. Оксана бешено рычала и билась головой об пол, изо рта у нее шла пена, а глаза так налились кровью, что, казалось, вот-вот лопнут. Из соседних помещений на шум явились лю-ди: кому-то поломали кайф, кого-то просто разбудили. Люди тупо тарасились на происходящее, а одна укуренная девица с блуждающим взором начала орать, чтобы срочно вызывали «Скорую». А то, мол, может помереть.

– Да ты совсем е..., дура!!! – горестно взвыл Петя. – Ты знаешь, что с нами со всеми сделают, если ее в таком виде «Скорая» заберет?!!

– Держите, я сейчас... – Курчавый передал свой фронт ра-бот (Оксанину правую ногу) инициативной девице и не со-всем проснувшемуся лысому юнцу с физиономией задумчи-вого жирафа и куда-то убежал.

Вернулся он довольно быстро, уже в штанах, притащил пятикубовый шприц с каким-то раствором и жгут.

– Давай, навалитесь все разом, надо руку зафиксировать.

– Зачем?

– Надо ее в веняк двинуть.

– А чем? – озабоченно уточнил Петя.

– Чем-чем... Гердосом, естественно!

– Ты че, дурак?!

– Сам дурак! Она у вас «стимула» переела. А опиаты в данном случае – своего рода антагонисты.

– Чего переела?

– Ну, это уж вам виднее, чего вы там ей пихали – «колеса» или «марки».

– «Витаминки».

– Ну вот. По-любому – стимуляторы. А у герыча – обратный эффект.

– А хуже не будет? – засомневался Петя.

– Да куда уж хуже, – буркнул курчавый. – Вообще, метод проверенный. Когда я еще плохо жил, мои знакомые «винтовые» с «отходняка» только так и «снимались».

– Так она же не с «винта» едет!

– Разницы нет, там и там – стимулятор. Вообще, смотрите – дело ваше. Тут больница в двух кварталах, хотите – тащите. Если только она по дороге вас не загрызет или от разрыва сердца не кончится...

– Ар-ррр!!! – В этот момент Оксана, почуяв слабинку (инициативная девица с лысым юнцом, заслушавшись умных людей, утратили бдительность и ослабили хватку), высвободила ногу, лягнула юнца и, вывернувшись змеей из захвата, шустро и целенаправленно поползла к роковой гантели.

– Навались! – рявкнул курчавый.

Ну и навалились. Бросились всей кучей, поборолась маленько, припечатали к полу, зафиксировали левую руку. Курчавый быстро наложил жгут, с первой попытки вогнал

иглу (кожа тонкая, борьба нешуточная, вена – вот она), безо всякой стерилизации, жгут – долой, «контроль», надавил поршень, вводя раствор...

– А че, спирта нет? – недовольно засопел Петя.

– Да ну брось ты, какой спирт... Ну вот, видите!

– Видим, – Петя растерянно хлопнул ресницами и устался на Оксану, – не понял... Чего это, а?

Оксана, едва курчавый вытянул иглу, сразу обмякла и, си-
няя лицом, безвольно уронила голову набок.

– Не понял... – Курчавый с недоумением осмотрел шприц, как будто в первый раз видел эту загадочную штуковину, отбросил его в сторону и, схватив Оксану за плечи, принялся изо всех сил ее трясти:

– Э... Э! Как звать?!

– Кого?!

– Да ее, б..., ее!

– Оксана.

– Промеж себя как зовете?!

– Окси.

– Ну так зовите!

– Зачем?!

– Ну, б..., идиоты! Не видите – передоз!!!

– Ты, сука, ты че!.. Ты же сказал... – страшно зашипел Петя, хватая курчавого за грудки.

– Слушай, давай мы ее малехо откачаем, потом будем разборки лепить! – с холодным бешенством процедил курча-

вый, отшвыривая Петю в сторону и вновь принимаясь трясти Оксану. – Чего вылупились?! Зовите, б..., зовите – хором!!!

– Окси... Окси!

– Громче, б... орите, на...! Прямо в уши!

– Ок-си!!! Ок-си!!! ОК-СИ...

Если бы кто-нибудь в этот миг зашел в помещение, то наверняка бы подумал, что тут какие-то молокососы-забавники проводят спортивные соревнования.

– Ок-си!!! Ок-си!!!

Окси соревноваться ни с кем не хотела. Лежала, синяя, на полу, дергаясь, подобно тряпичной кукле, от реанимационных процедур, и упрямо не желала открывать глаза.

– Ок-си! Ок-си!!!

Курчавый трудился со скоростью и сноровкой заправского санитаря: яростно тер ей уши, что есть силы лупил по щекам, тряс за плечи, стучая головой об пол... Во взглядах окружающей публики, сорвавшей голоса от крика, застыло тупое отчаяние, приправленное слабенькой надеждой, – смотрели на курчавого, как на волхва, вроде бы утратившего связь с богами: в принципе, чудо явить может, но особо рассчитывать на это не стоит...

– Ок-си! Ок-сиии...

– Да ну вас в ж..., придурки! – не выдержала наконец инициативная девица. – Все, звоню в «Скорую»!

– Погоди, погоди – секунду... – курчавый, разуверившись в действенности обычной интенсивной терапии, затравленно

посмотрел по сторонам – ну да, смотри не смотри, помощи ждать неоткуда, затем склонился над Оксаной и... что есть силы вцепился зубами ей в ухо.

– «Хрусть!» – нежно выдал насквозь прокушенный хрящик.

– Вы ч-че-е так-хие нут-ные? – еле слышно прошептала Оксана, скривив лицо в гримасе жуткого разочарования. – Вы п-плин, так-хой кайффф оп-пламали...

– А-а-а!!! – восторженно завопила публика. – Получилось! Получилось!!!

– Да куда ты, на хер, денешься, – устало буркнул курчавый, промакивая портретом товарища Че обильно вспотевший лоб. – И не таких откачивал, блин...

И тотчас поставил задачу инициативной девице с юнцом:

– Натягивайте на нее штаны, подымайте, водите.

– В каком плане – «водите»?

– Берите ее и таскайте по коридору! – раздражился курчавый – вот же дилетанты, ни фига не знают! – Говорите с ней, трясите, бейте по щекам – короче, уснуть не давайте. Глаза должны быть постоянно открыты. Чего встали – шевелитесь!

– Давай, я этим займусь. – Петя взял джинсы Оксаны и принялся ее одевать.

– Пш-шел вон! – Оксана вяло отбрыкивалась. – Дай-те посс-спать, уроды!

– Я кому сказал этим заниматься?! – рывкнул курчавый, отпихивая Петю. – А вы с Жекой бегом одевайтесь.

– Зачем?

– Поташите ее в больницу.

– Чего это...

– Да тут рядом, два квартала.

– Не, зачем вообще в больницу? Вроде бы – все...

– Ни хрена не все! Надо срочно в больницу. Чего вылупились – одевайтесь, я сказал!

– А почему пешком? У тебя там тачка стоит, давай...

– Не хватало мне еще там свою тачку светить... – буркнул курчавый. – Я сказал – пешком! Ее надо прогулять по свежему воздуху – полегчает маленько.

– А ты че, с нами не пойдешь?

– Нет.

– Между прочим, это ты ее ширнул, – напомнил молчаливый Женя. – Из-за тебя передоз получился.

– Ага, а вы ее колесами перекормили – чуть лыжи не сдвинула! Небось первый раз, а?

– Ну, понимаешь...

– Понимаю. Колесо в клубе, наверх – литр шампани, колесо – здесь... Не слишком ли круто для первого раза?! Я вообще удивляюсь, как она у вас сразу не сдохла!

– Ну, понимаешь...

– Понимаю. Не поставь я ей гердоса, загнулась бы от сердечного приступа или от инсульта. Так что вы мне по гроб жизни должны, это даже без базара!

– Ну, в общем...

– Короче: шевелитесь, доходяги! Сдать с рук на руки дежурной – это обязательно, понятно?

– Да понятно, че там...

– Нет, ты запомни: ни в коем случае не бросать под дверь, именно с рук на руки! Представляться не обязательно. сдадите – и бегите оттуда. Все молча. Ясно?

– Ясно.

– Ну все, одевайтесь и дуйте... Эй там, че вы ее гладите? Заснет – опять реанимировать придется! Я сказал – бить и трясти, б...!!!

Спустя несколько минут Петя с Женей уже тащили Оксану к сто двадцать четвертой городской больнице, что располагалась в двух кварталах от «уютного местечка».

Шевелить ногами вредная королева бала категорически не желала, то и дело роняла голову на грудь и норовила отключиться. Приходилось ежеминутно останавливаться и производить предписанные опытным курчавым процедуры: трясти, шлепать по опухшим от ударов щекам и шипеть в ухо всякие гадости, провоцируя вялое возмущение.

Слава богу, на улице было пусто: близилось утро, столица, отплясав свое и выпив праздничную норму, постепенно отходила ко сну, лишь редкие такси везли домой подгулявших граждан.

Когда до ярко освещенного парадного больницы оставалось метров сто, осведомленный Женя (он тут вырос, это его родной район) начал притормаживать.

– Ну ты че, я не понял?! – возмутился взмыленный Петя. – Не тормози, чуть-чуть осталось!

– Там это... – Женя замялся. – Ну, короче, там охрана. В вестибюле мент сидит. Или даже два...

– И что?

– Ну так это... Они же там постоянно, опытные. Сразу поймут, что Окси под кайфом.

– Так... – задумался Петя.

– Ну и чего будем говорить?

– Так... Нет, с ментами нам говорить не о чем, это понятно... А точно там менты? Ты когда там был в последний раз?

– Ну... Эгм-кхм...

В настоящий момент Женя, как и Петя, состоял на учете в ЦКБ, а местную больницу в последний раз посещал, когда ему было лет семь.

– Ну, короче, мой кореш тут недавно был. Они одного приятеля привезли с травмой, на рэйсинге влетел, хотели сдать по-тихому, а там менты сидели. Пришлось, короче, отмазываться...

Петя затравленно глянул в сторону парадного и судорожно вздохнул. Да, вот это новость... одно дело – сестра, фельдшер, врач там, на худой конец... И совсем другое – милиция. Общаться с милицией сейчас нельзя ни в коем случае, это даже не вопрос...

– Вот же влипли... Ну и как нам теперь сдать это сокровище?

– Ну, вариант один: подтащим к самым дверям, поставим – и ходу!

– Двери стеклянные, по бокам витрина, свет... Короче – увидят. Побежим, так сдуру могут и пальнуть.

– Ну, тогда давай дадим им на лапу. Какие проблемы?

– А если не возьмут?

– Да ну, на фиг! Менты – и не возьмут?!

– Да не в том дело, что не возьмут совсем, – могут просто прикопаться, чтобы подороже содрать. Начнут крутить, документы потребуют...

– Ну и какие проблемы? Покажешь им студенческий, скажешь, кто ты, – они тут же и обхезаются от страха...

– Совсем идиот?! Сразу же бате доложат! А за такие фокусы он меня собственноручно пристрелит, даже не станет ждать, как отреагирует ее пахан...

– Ну, короче, в любом случае остается одно: очень быстро бежать.

– В смысле?

– Подведем ее вдоль стены к самому крыльцу. Сбоку, прижмемся к стене, не видно будет. На первую ступеньку поставим – и ходу.

– Да она самостоятельно и двух шагов не сделает, – покачал головой Петя. – Как поставишь, так и обрубится!

– Надо ее мобилизовать.

– Куда?!

– Не куда, а на сколько. На минуту хотя бы. Ну, чтобы

смогла до дверей дотопать.

– Пффф! И как ты ее мобилизуешь?

– Ну, не знаю... наверное, напугать надо.

– Да ей сейчас все по барабану, хоть убивай!

– Маму боится?

– Не знаю. По-моему, она вообще ничего не боится. Упертая и наглая, как танк.

– Насчет мамы... Гхм... Думаю, все же стоит попробовать. Чтоб взяла себя в руки. У нее же железная самодисциплина. Одно слово – «синий чулок».

– Ну, давай...

Петя без особой надежды встряхнул Оксану и вполголоса рывкнул ей в ухо:

– Мама, Окси! Ма-ма! Ну?

– Мам-мма... – Оксана, медленно подняв голову, с трудом разлепила веки. – Где?

– Мама смотрит! – обрадованно зашепшил Петя. – Мама! Смотрит!

– Гы-де?

– А ты пьяная! А она смотрит!

– Я пффьяная?!

– Да, да! Хуже того, ты под кайфом! Она сейчас подойдет и увидит!

– Даффай уй-тем, – вполне отчетливо выразила желание Оксана, самостоятельно делая два неверных шага вперед. – Даффай... уй... демм...

– О! – обрадовались приятели. – Работает! Поехали...

Подтащили свой драгоценный груз вдоль стены здания к самому крыльцу (пока перемещались, груз успел обрубиться до полной отключки), кое-как привели в чувство, утвердили на нижней ступеньке и принялись наперебой дуть в уши про маму, которая смотрит.

– Надо дойти до двери, открыть и зайти внутрь, – горячо шептал Петя. – И все! Тогда мама тебя не увидит!

– Нне уффидит...

– Да, да, не увидит! Только иди ровно, не спотыкайся. А то поймет, что ты под кайфом. Ты можешь идти ровно?

– Пффф... Я могу... Ровно...

– Ну вот и молодец. Дойдешь до двери, откроешь, войдешь внутрь – и все! Мама не увидит!

– Да... Все, пошла...

Оксана сделала два неверных шага, титаническим усилием воли выровняла чугунно-тяжелую голову, норовившую свалиться на грудь, и тихо потопала по ступенькам к дверям.

Ближе... Ближе... Вот они, двери! Ручка... На себя... Уфф, ну и тяжелые же, блин... Оп! Все, мы на месте...

– Есть!!! – Петя от радости так треснул приятеля промеж лопаток, что у того перехватило дыхание. – А теперь – ходу!

И две длинные тени шарахнулись от крыльца в темноту...

Оксана шагнула в вестибюль, с облегчением прошептала:

– Все. Не видно...

И несколько секунд стояла, покачиваясь и тупо глядя на

огромный плакат прямо напротив, на стене:

«РЕМОНТ. ВХОД СО СТОРОНЫ АМБУЛАТОРНОГО ПРОЕЗДА».

Краска на стене была ободрана, рядом стояли заляпаные белилами козлы, какие-то ведра, бачки... Справа от плаката располагались двустворчатые стеклянные двери, загороженные козлами и занавешенные с другой стороны больничными простынями...

– Не видно...

Оксана, опершись спиной о стену, сползла на пол. Счастливо улыбнувшись, свернулась калачиком и с огромным облегчением сомкнула веки.

Как хорошо... Тихо... Никто не бьет по щекам и не орет тебе в ухо... Здравствуй, бархатная тьма, возьми меня – я твоя...

Да, ребята, вот такая получилась фигня.

Столица устраивалась отдыхать после бурного празднования дня весны, многие респектабельные граждане уже видели третий сон, кто-то на прощание целовал возлюбленную, кто-то лихорадочно искал недостающий утренний букет...

А в небеленом вестибюле сто двадцать четвертой городской больницы умирала дочь одного из самых могущественных людей Российской империи. Умница-красавица, непьющая и некурящая, светлая и чистая...

Умирала, как последняя подзаборная шлюха, от вульгарного героинового передоза.

А-у, империя, ты где? Жуткая темень вокруг, и как-то странно воняет...

Глава 1

Сергей Кочергин

Всем привет. Представляюсь по случаю попадания в зону вашего внимания. В рифму? Совершенно случайно, без злого умысла, жизнерадостный идиот тут ни при чем. Просто молодость в жилах звенит, бьет копытом, как жеребец стоялый.

Зовут меня Сергей Кочергин, 23 года, старший лейтенант ГРУ, временно прикомандирован к ЭАБ при НИИ СПР ССНГ под патронажем СПП РФ по ЦФО. Так, наверное, надо расшифровать: Экспертно-аналитическое бюро при Научно-исследовательском институте стратегических проблем развития стран СНГ, где ректором является спецпредставитель президента России по Центральному федеральному округу.

Неплохо звучит, правда? Рассказывать, что есть на самом деле вся эта байда и каков наш генеральный план, сейчас недосуг. Возможно, как-нибудь позже мы к этому вернемся. Если вы уже знакомы с Командой № 9, прошу любить и жаловать, это опять мы, только в несколько иной ипостаси. Как говорит наш суровый френд Петрушин, «те же яйца, только в профиль!».

Да, еще: если вы знакомы с К-9, вы, наверное, будете сейчас смеяться. Или плевать – это уже зависит исключительно

но от вашего индивидуального мировосприятия.

Итак, 2005 год, первое августа, 8.50 по московскому времени, Москва, Юго-Западный административный округ, мы сидим в засаде. Хе-хе...

Если еще не смешно, слушайте дальше. Мы тут не все сидим: я, Петрушин и Ростовский уже не первый час кряду лежим, и не брюхом кверху, на солнышке, а в скрадках. Сие простое приспособление делается так: аккуратно снимается дерн – по возможности без порывов, одним пластом, – затем точно по контуру вынимается полкуба землицы. В получившийся окоп укладывается подкладка, на нее – человек, сверху, в качестве распорок, – крепкие ветки, на ветки – дерн. Земля тщательно рассеивается по округе – это обычно, а в нашем случае просто сваливается на плотный целлофан и оттаскивается как можно дальше от укрытия. Потом привлекается лучший в мире разведчик, отдельно взятый Вася Крюков с инфракрасным ночным зрением (шутка!.. Или не шутка? Черт его знает, короче, этот вредный мелкий тип ночью видит!), поправляет сверху все это дело, придирчиво оценивает со стороны и определяет, как оно будет смотреться в светлое время суток. Да, скрадки мы делали ночью, думаю, это понятно.

Легли мы в четыре утра, сейчас... так... сейчас уже 8.52. Если кто на себе не испытывал, поверьте на слово: даже для специально подготовленного и обученного человека подобное времяпровождение – серьезное испытание на прочность.

Жарко, как в бане, плаваешь в собственном поту, воздуха не хватает, в кроссовках ползает какой-то шершавый букаш, а ликвидировать его нельзя – рука не дотягивается, конфигурация окопа не позволяет привстать или изогнуться!

Так... Если еще не смеялись, самое время. Все эти мытарства – исключительно ради пятиминутной видеозарисовки о таджико-азербайджанской дружбе. «Мочить», ловить и крутить никого не собираемся, задача: заснять в нескольких ракурсах встречу и записать беседу посредством узконаправленного микрофона. Вот и все.

Ну и напоследок: у нас нет оружия. Хе-хе... Мы уже четвертый месяц занимаемся сугубо исследовательской деятельностью, которая предполагает отсутствие вооруженного вмешательства в изучаемый процесс. Не надо нам оружия, вот что. Поэтому и не выдают. Разве что у Петрушина с Васей их боевые ножи (хлопцы до сих пор не понимают, как нормальный человек может обходиться совсем без оружия, для них это нонсенс). Но, сами понимаете, в серьезной схватке на дистанции свыше трех метров ножи – это не оружие...

– Второй – Шестому, – едва слышно прошелестел в гарнитуре Лизин голос (громкость на минимуме, как положено).

– Слушаю, – отозвался Петрушин.

– Вижу объект. Свернул к вам.

– Понял, спасибо. Внимание – всем! Режим радиомолчания. Связь только в экстренном случае...

Ну вот, слава богу, ситуация стронулась с места. Де-

сять-пятнадцать минут – и поедем домой принимать холодный душ и дуть ледяное пиво. Вообще, надо вам сказать, эта научно-исследовательская работа – до того нудное и неинтересное дело, что порой душа наполняется самой черной меланхолией, а стосковавшиеся по оружейному металлу руки так и тянутся к пулемету на монохромной литографии «Та-чанка»...

Чтобы понятно было, где мы и как, рассказываю диспозицию.

Залегли в засаду мы чуток восточнее Ясенево. Справа-сзади, в трехстах метрах, грохочет МКАД, прямо в тридцати пяти метрах – плотоядно вгрызшийся в лесопарк строительный участок, обнесенный сплошным забором из рифленой нержавеющей стали. Ну, не совсем сплошным: один пролет, аккурат напротив нас, слегка сдвинут в сторону и осквернен наскальной живописью – небольшим желтым скорпионом в неровном круге.

Через образовавшийся проем, судя по тропинке, иногда путешествуют люди. Люди-таджики, которые строят дом под руководством турецких мастеров для условно-русских обеспеченных товарищей. Будет кому-то элитное жилье в Битцевском лесопарке – вон, два этажа уже готовы. В общем, таджики строят дом и живут, как водится, тут же, в нескольких дрянных вагончиках, ободранные крыши которых возвышаются над металлическим забором.

Вдоль забора – чисто символическая полоса отчуждения,

метров пять-шесть, густо поросшая репейником и лопухами, сразу за полосой, по всему периметру, – редкий молодой ельник, тянущийся сплошным массивом до МКАД. От секретного проема в заборе, как я уже говорил, по полосе отчуждения протоптана тропинка: люди путешествуют не праздно, а по делу, в магазин, что в километре отсюда, на МКАД.

В общем, неплохо. Дом построят, по полосе проложат аллею с фонариками, будут гулять по ней упитанные жильцы с питбулями, любоваться елочками, и никто из них даже не заподозрит, что тут рядышком закопаны трупики...

Так, к трупикам позже (если они вообще образуются). Гхм...

Располагаемся мы следующим образом: я и Петрушин с разносом в две сажени, в тридцати метрах от проема, под углом пятьдесят два градуса к забору. Такая дистанция для комфортной видеосъемки не совсем безопасна, но других вариантов нет: это единственное место, где директриса наименее забита деревьями и кустами. Проще говоря, в кадр попадают не только ветки и листва, но и небольшой пяточок у проема.

Ростовский отдыхает в таком же скрадке, но значительно левее, метрах в двадцати от проема (это если идти по полосе со стороны магазина), под углом 20 градусов к забору. Не хотелось, конечно, его там размещать, это довольно рискованно, но выбора не было. Это запасная позиция на тот случай, если вдруг приехавшие со стороны МКАД машины пе-

рекроют нам с Петрушиным сектора. А то, представляете, как обидно будет, столько тут потели и страдали – и все для того, чтобы заснять левые борта пары джипов!

Каждый из нас троих выступает в роли видеооператора, с задачей вести самостоятельную съемку намечающейся встречи. Вася Крюков – контроль. Прячется в кустиках метрах в десяти за лежкой Ростовского, ничего не снимает, за всем смотрит. Вася у нас самый примечательный товарищ – замечает то, на что другие просто не обращают внимания. Короче, Зоркий Глаз.

Вероятность того, что подопытные заметят наблюдение, весьма незначительна, но она присутствует. А мы не авантюристы, привыкшие полагаться на авось и слепую удачу – мы тут работаем. Поэтому учитываем все возможные варианты развития событий. Последовательность действий и маршруты эвакуации отработаны. Если Вася почует что-то нехорошее и подаст сигнал, мы с Петрушиным, не вступая в боестолкновение, шумно стартуем первыми (таким образом отвлекаем на себя всю вражью активность) и ломимся во все лопатки к трассе. Спустя несколько секунд после нашего старта Вася аккуратно эвакуирует разлегшегося в опасной близости Ростовского. Как видите, все просто и без изысков.

Боестолкновение тут категорически противопоказано: оружия нет, а публика нам противостоит вполне серьезная – люди Андижо (все – бадахшанские, как и сам босс) имеют боевой опыт. Эти не пожалеют.

И последний элемент боевого расчета: группа прикрытия, она же – сторожевое охранение. На МКАД, в ста пятидесяти метрах по обеим сторонам от поворота на стройку, сидят в одинаковых серых «девятках» Лиза и Костя и следят за дорожной обстановкой. Общая экипировка: три камеры, микрофон с приемником и радиостанции с беспроводной гарнитурой. Оружие – увы, но вы уже в курсе...

– Напоминаю – тишина в эфире! – грозно прошипел Петрушин в моем наушнике.

По полосе отчуждения со стороны МКАД медленно и вальяжно прикатил черный внедорожник «Мерседес». Встал, не доехав до проема метров десять.

Спасибо, дорогой, это здорово облегчает нашу задачу. Камера, мотор... Выходить будем? Неплохо бы погулять в кадре, показаться в разных ракурсах...

Гхм... Выходить будем, но не все сразу.

Из «Мерседеса» вылезли двое дюжих чернявых хлопцев. Один стал внимательно осматриваться, другой прямым ходом потопал к проему. Из проема тотчас же материализовались две тщедушные фигурки: застыли на месте в сторожевой стойке суслика, уставились с подозрением на большого мужика, чуть что не так – юркнут обратно. Подвид – таджикос-натуралес, категория – недокормленный дехканин-хлопкороб.

Большой парень показал руки – пусто, хлопцы, расслабьтесь; перекинулся с дехканами парой фраз. Узконаправлен-

ный микрофон на изготовку, слушаем:

– Мы от Сохроба (слышно не очень хорошо: помехи – на стройке экскаваторы злобно урчат, краны гудят, как голодные носороги)...

– Харашо, харашо! Что сказаль? Сохроб какой слово назваль?

– Желтый скорпион.

– Правилна, харашо! Хазяин твой как зват?

– Анвар.

– Харашо, правилна. Гыдэ он?

– В машине.

– Зачем не выходит?

– Не хочет.

– Зачем?

– Да я откуда знаю, э! Большой человек, да! Что хочет, то и делает.

– Ну ладно. Жды зыдэс...

Один дехканин юркнул в проем, второй остался подпи-
рать забор.

Через минуту дехканин вернулся, да не один, а с неким смуглым упитанным товарищем. Тоже, видимо, таджик, но из другой категории – у которой особых проблем с питанием нет.

Упитанный, игнорируя больших парней, сразу направился к «Мерседесу» и выпал из зоны визуального контроля. Мягко хлопнула дверь, внедорожник едва заметно качнулся, и –

тишина. Окна задраены, микрофон бесполезен, записывать нечего. Разве что гудение кранов и рокот экскаваторов.

Да, товарищ Анвар... То ли ты такой весь из себя продуманный, то ли просто ленивый после сытного завтрака... Но вот именно этот участок работы ты нам заперол наглухо. Лето, природа, птички-елочки, замечательные люди в кустиках – мог бы выйти да подышать воздухом!

Ладно, пока они там «трут» промеж себя, скажу пару слов о нашем объекте и его сиюминутных интересах.

Анвар Расул-Заде, 1970 г. р., уроженец города Нахичевань. Мало заметный представитель азербайджанской диаспоры Москвы. Мало заметный – потому что неглупый. В глаза не бросается, пальцы без надобности не гнет, не жмет сто долларовые купюры в кабаках (есть среди них такие типчики), ведет себя вполне скромно. Вместе с тем в свои тридцать пять лет наш хлопец занимает довольно солидное место в клановой иерархии. Держит приличный кусок наркоторговческого пирога, решает вопросы с большими людьми, вхож во многие влиятельные «семьи».

За Анваром мы наблюдаем не индивидуально-целенаправленно, а в общем порядке, интересуется он нас ровно так же, как и другие прочие злыдни, системно пасущиеся на героиновых плантациях. А вот эта острая любовь: засада, скрадки, камеры с трех ракурсов и все такое прочее – это обусловлено его индивидуальными «профессиональными» особенностями...

Справка по теме

Не все граждане нашей страны одинаково хорошо владеют ситуацией по наркобизнесу в России, поэтому есть смысл пояснить некоторые моменты, хотя бы приблизительно, «на пальцах».

Понятно, что по всему рынку ситуация колеблется и постоянно меняется (в последнее время, например, кое-где здорово «приподнялись» узбеки), но на исследуемом нами участке все более или менее стабильно. Если вкратце, то выглядит это так: таджики везут, азербайджанцы продают. Развиваем тему: у таджиков – непосредственный контакт с производством и отлаженный канал транспортировки, у азербайджанцев – хорошо организованная и эффективная дилерская сеть. Между таджиками и азербайджанцами джентльменское соглашение, они друг другу не конкуренты, каждый спокойно работает в своей сфере. Конфликтуют крайне редко, и то в основном по мелким «производственным» вопросам.

Не надо мешать в кучу всех подряд таджиков: гастарбайтеров-рабов – дворников и строителей, и организованную структуру, условно именуемую в дальнейшем как наркомафия. Не надо и категорически разделять. Надо просто понимать разницу между таджикским товарищем на джипе, с галстуком за двести евро, и работягой, вкалывающим шестнадцать часов в сутки за сто баксов. Это, как говорит Вася Крюков, «ноги-руки и рот»: организм один, функции разные.

Короче говоря, по степени участия в наркообороте

внутри нашей многострадальной страны таджиков можно четко разделить на мафию (организованная структура, большой бизнес) и дилетантов – неорганизованных товарищей из нижних слоев, пробующих обогатиться на свой страх и риск. В процентном соотношении даже и сравнивать не стоит: практически весь массив смертоносного импорта держит в своих цепких ручищах мафия, а на долю дилетантов приходится лишь жалкие крохи.

Кстати, именно вот эти крохи нам и показывают по TV, победно вопя об очередном успехе ФСКН. Четыреста граммов героина изошренный и коварный наркокурьер в попе вез! Поймали, поймали! Всем немедля крутить дыры для орденов и пить шампанское!

Вернемся к Анвару-деловару.

В своей «семье» он отвечает за конкретный участок работы с почти автономным технологическим циклом. Выглядит все это следующим образом: Анвар покупает у Андижо (контрагент Анвара, в таджикском землячестве имеет примерно такой же статус) энное количество героина и в течение определенного времени сдает его мелкими партиями своим дилерам. Дилеры уже крутят товар как хотят, но деньги за него отдают сразу. Это касается постоянных клиентов. Те, кто пребывает в стадии прикармливания, могут получить кредит: на тебе пятнадцать грамм чудесного порошка, расплатишься, когда продашь. Не расплатишься – потеряешь в сто раз больше: здоровье, квартиру и так далее.

В общем, дилеры торгуют как умеют, а Анвар периодически решает их мелкие проблемы с властями, ведет анализ состояния рынка, потребности и возможности и заказывает Андижо очередную партию. То есть все как на обычном рынке, фруктовом-овощном и цветочном...

Примечание по теме

Азербайджанцы по природе своей все поголовно коммерсанты, это у них на генном уровне. Поэтому не стоит удивляться тому, что они «держат» практически всю российскую торговлю. Овощи, фрукты, наркотики – особой разницы нет, лишь бы выгода была. Будет выгодно, будут «толкать» ядерное оружие.

Видят они себя в нашей перспективе примерно так: русский Ванька-дурак беспробудно лакает дешевое низкопробное пойло (надо комментировать, кто получает выгоду от реализации этой отравы?!), ему плевать на глобальные проблемы, дай прожиточный минимум, хлеба и зрелищ – и делай, что хочешь. Жирный чиновник исправно получает «на лапу» и всячески потворствует иноземной экспансии на российский рынок, высокое начальство правоохранительных органов вдумчиво изучает планировку нового особняка на Рублевке и поощрительно кивает, а Мамед тихо радуется и продолжает расширять бизнес. Широко шагает Азербайджан!

Это же как надо не уважать свой народ, чтобы отдать один из самых прибыльных видов рыночной

деятельности иноземцам?! Без боя, без принуждения, просто – за деньги... По большому счету, если разобраться, это тянет как минимум на измену Родине и угрозу национальной безопасности!

Только не надо думать, что я в чем-то обвиняю азербайджанцев. Да, было дело, сначала я по юношеской эмоциональности ненавидел всеми фибрами души и их, и чеченов, и вообще всех хитрожопых иноземцев, что вольготно живут на Руси за счет «титულიной» нации...

А потом вдруг понял...

Они все хорошие. Они просто замечательные ребята! Потому что каждая нация в первую очередь по законам жизни призвана заниматься выживанием. То есть прилагать все возможные усилия для создания благоприятных условий существования принадлежащих к ней людей. Если надо – воевать за земли, рынки и ресурсы, если надо – вставать единым фронтом на защиту своих интересов по любому поводу, от военного вторжения до пустяшных экономических вопросов. Зачем Природа-Мать создала нации? Чтобы отдельно взятые слабые человечки не сдохли в диком и яростном мире. Чтобы сплотились в кучку по определенным признакам, стояли горой друг за друга, охраняли от чужаков свою территорию и дрались за каждую пядь родной земли. Если нация жила хорошо и множилась, воевали за земли соседей, тут уж – кто сильнее. Вся история существования человечества – это история войн за земли и ресурсы. То есть экспансия

и аннексия – это обычная историческая практика. И не надо думать, что цивилизованность спасает нас от этих ужасных пережитков прошлого. Человек остался таким, каким он был миллион лет назад. Ни капельки не изменился...

Вот они и создают условия – во все лопатки, не жалея сил и энергии, единым фронтом. В чем их можно обвинить – в усердии, сплоченности и крепости родовых обычаев, которые для них важнее наших цивилизованных Законов? Или в том, что мы позволяем им пользоваться собой за недорого, как ленивые пожилые шлюхи?! Вы можете себе представить, чтобы рынки Баку «держали» русские? Если можете, скажите об этом азербайджанцам – они будут икать от смеха...

А то, что наркотиками пичкают да жуткой сивухой – это не со зла. Не надо тут искать какой-то злодейский умысел или умышленное вредительство. Это просто бизнес. С их точки зрения это вовсе не аморально. Это ведь НЕ ИХ нация поголовно колетса и умирает от алкогольного отравления! Это сугубо наш, добровольный выбор...

Мотивация азербайджанского землячества в этом деле очевидна и в комментариях не нуждается. Торговля наркотиками на данный момент – самый прибыльный бизнес. Вот вам конкретный пример прохождения одного килограмма «геры», зафиксированного нами в процессе беспристрастного наблюдения за рынком. Андижо продает Анвару кило героина кондиции «999» (весьма качественный порошок) за

триста тысяч рублей. Анвар тут же расталкивает порошок дилерам по шестьсот рублей за грамм. Как и чем они там его бадяжат и за сколько сбывают потребителям, его не волнует – это уже их дела, а чистая прибыль – сами видите какая. С трех кило героина землячество, особо не напрягаясь, получает на ровном месте без малого миллион рублей прибыли. Для сравнения: чтобы получить такую же прибыль на фруктовом рынке, надо удачно продать тридцать тонн хурмы. Разницу чувствуете? Три кило – и тридцать тонн. Понятно, что тут тоже присутствует «амортизация», утряска вопросов с властями и так далее. Но, когда все налажено и везде «пробито», как в нашем случае, затраты на амортизацию минимальные.

Так, подъехали вплотную к индивидуальным особенностям нашего фигуранта.

Несмотря на свою солидность, принадлежность к очень влиятельной «семье» и довольно значительное положение в клановой иерархии, Анвар не чурается мелкой и «грязной» работы. Трудоголик, э! Зачем ему это?

Тут все просто: прибыль от основного оборота получает «семья», а не собственно Анвар. Наш фигурант в данном случае выступает в роли менеджера, получающего за свой труд определенное вознаграждение (кстати, какое именно, нам так и не удалось установить, хотя пытались – было жутко интересно, сколько он имеет на этом деле). Ну так вот, как и всем прочим, Анвару хочется побольше денег, только

и всего. Почему бы и нет? Специфика производства вполне позволяет иметь сторонние связи, вот он и выкруливает как может, подмолачивает по мелочи.

Мелочь в данном случае – те самые неорганизованные таджики-дилетанты.

Справка по теме

В отличие от обычного потребительского рынка, наркорынок имеет некоторые специфические особенности. На обычном монополисты-гиганты либо не обращают внимания на трущихся рядышком редких «мелких частников», либо вяло отмахиваются от них, как от томных осенних комаров. Они, если и в самом деле редкие (то есть явление не принимает массовый характер), для монополистов не конкуренты и вообще, на рынке долго не живут.

А серьезные люди, типа Андижо, в сторону своих неорганизованных земляков, самостоятельно пробующих силы в их бизнесе, в буквальном смысле неровно дышат.

Ловят в первый раз – жестоко наказывают, отбирают товар, предупреждают и депортируют домой. Лежи себе в юрте, лечи побои и переломы кизячными лепешками и думай, Бычий Уй, куда лезешь!

Если ловят вторично, поступают просто и сурово: с ходу всех валят и сообщают родственникам – за что. Чтобы, значит, другим неповадно было. Короче – Азия, господа!

Суровые нравы. Не дают никому почем зря топтать

свою маковую грядку. Относились бы мы этак вот к своему бизнесу, глядишь, – давненько уже ходили бы в супердержавах.

Иногда, правда, допускаются трогательные отступления от правил. Засветившихся вторично дилетантов сдают «своим» ребятам из ФСКН и милиции (ну помните – это те самые победные репортажи об отловленных с героином в попе наркокурьерах). Для отчета, стало быть, для статистики и всеобщего благоденствия. Это что-то типа помилования. Радуйтесь! Посидеть, конечно, придется, но жизни не лишаем...

В «семье» Андижо этими дилетантами занимается некто Сохроб. Основная «должностная» обязанность у него – вычисление и отлов дилетантов. Короче, что-то типа контрразведки по «чайникам». Ну и, как полагается по нормальной азиатской логике, любой маленький начальник в первую очередь использует занимаемое им место для извлечения максимальной выгоды для себя лично, а уже во вторую – исполняет свои должностные обязанности.

Сохроб хороший охотник и неслабый специалист по выявлению дилетантов, но сдает Андижо далеко не всех, кого поймал. Мы так и не вычислили, какими мотивами он руководствуется при этом кастинге, но некоторых отловленных им дилетантов Сохроб соответствующим образом обрабатывает и... замыкает прямым ходом на Анвара. Никакой личной дружбы – просто тихое деловое партнерство за спиной босса.

Анвар покупает у этих хлопцев товар по цене вдвое меньшей, чем та, что он дает Андижо. На такие мелкие мероприятия ездит сам лично, маскируется-конспирируется, своих старших в это не посвящает. Вывод: втихаря подрабатывает сугубо для себя, мимо общей кассы. Дилерская сеть под рукой, помешать не пойми какой порошок с качественным – не проблема, вот вам и маленькая сиюминутная выгода...

После некоторой паузы «Мерседес» выпустил в наши сектора упитанного таджика и долгожданного героя видеозарисовки – Анвара.

Спасибо, добрый человек! Я уже начал было опасаться, что ты сегодня нас так и не осчастливишь.

– Я быстро. Тры минут... – сказал упитанный и исчез в проеме.

Понятно: скорее всего, приносил образец для презентации, убедился в безопасности сделки, теперь пошел за всей партией. Удачи вам в бизнесе.

Однако что-то у нас пока полная тишина со стороны контрагентов. Может, они вообще не отреагировали на сигнал? Печально, если так! Получается, зря страдали?

Анвар зевнул, лениво потянулся, шагнул к ближайшей елочке и полез в ширинку. Анфас он как раз к Ростовскому, занимательнейший кадр должен получиться...

– Джип. К вам... Едет... – прошептал Костя в моем наушнике.

Получилось застенчиво и смущенно: Петрушин устано-

вил режим радиомолчания, а в качестве исключения упомянул лишь экстренный случай. Тянет это на экстренный или нет?

Все нормально, Костя, можешь не волноваться. Контрагенты – это как раз тот случай. Уж как мы их ждали!

Далее все было, как в голливудском блокбастере. Андижо – артист, умеет быть эффектным и, вообще, любит показать себя во всей красе.

По полосе отчуждения с обеих сторон к проему подкатали два краповых джипа (тот, что со стороны магазина на МКАД, видимо, продирался где-то через посадки – наше наблюдение его не зафиксировало) и разом встали. Один вприпрыжку к «Мерседесу» Анвара, сзади, второй – метрах в пятнадцати от проема.

Дехкане, подпиравшие забор, юркнули было в спасительный проем, но спустя пару секунд возникли обратно: спиной вперед, с поднятыми руками. Вслед за ними таким же манером выпростался упитанный, с удрученным выражением лица и безразмерной печалью в глазах. А секунду спустя проем изверг в наши сектора причину этой печали: двоих чистеньких поджарых хлопцев в шелковых рубашках (подвид – гангстер таджикский, московско-адаптированный). Хлопцы имели в руках «калаши» со складными прикладами, а тот, что слева, в придачу еще и некий загадочный пакет.

Из джипов быстренько высадились еще по паре хлопцев с автоматами, встали у передних бамперов, как бы обозначая

габариты. И в завершение из того джипа, что пристроился за «Мерседесом», вылез и предстал пред взором восхищенной публики сам мистер Андижо. Медленно и вальяжно, в белоснежных брюках и такой же рубашке, с сигарой в ручке на отлете, с оттопыренным мизинчиком (это не нарочито – просто платиновый перстень грамм на двести, попробуй тут не оттопырь!) и ослепительной улыбкой во все «тридцать два – норма».

Ну, это мы – публика, «пацанам» поровну, а пойманные с поличным наркокурьеры, понятное дело, никакого восхищения не испытали, скорее наоборот!

– Ай, Анвар – ты тоже здесь?! Вот те раз! Здравствуй, дорогой, рад тебя видеть...

Комментарий по теме

Андижо – товарищ завидно осведомленный, всегда держит руку на пульсе событий и следит за меняющейся обстановкой. В общем, он в курсе, что Анвар промышляет подобными «левыми» делишками. У нас в активе есть материалы «прослушки» и один факт. Материалы: в общении с близкими Андижо не раз сетовал на то, что Анвар – неплохой, в общем, парень, чрезвычайно жаден до денег и из-за этого не гнушается мелкими пакостями. А наводит, мол, кто-то из наших, по-другому никак. Найду кто – убью!

Факт: за период нашего наблюдения Андижо разок застукал Анвара едва ли не с поличным. Аккурат два месяца назад, совершенно случайно, пересекся с

Анваром, когда тот ехал вот с такой же сделки. Пока партнеры обнимались, на виду у поста ДПС, один из охранников (сабсэм калхознык, э!) возьми да и спроси: а не перепрятать ли порошок – вдруг на посту «шмонать» станут?!

Какой такой порошок? Оп-па... Наш парень как раз ехал со стороны одной из таких вот таджикских строек, подвоха не ждал и с ходу не сумел толком объяснить, что почем. Еле выкрутился.

Андижо тепло распрошался с контрагентом и сразу рванул на стройку. Поставил там всех в положение «а-ля краб» и мгновенно нашел лишнего товарища (не из бригады – у них там своя статистика и учет). После минутного общения истекающий кровью «лишний» показал, где спрятал деньги, вырученные за товар, признался, что имел сделку с Анваром, и тотчас же был публично расстрелян. Андижо его собственноручно исполнил. Осерчал, в общем.

А вечером в кругу друзей опять сетовал: нервы ни к черту, голова плохо работает, надо было спросить, кто свел! Да уж, точно – надо было...

Вот этот пробел мы и восполнили, как только образовался благоприятный момент. То есть тихонько сдали Андижо предстоящую сделку, а заодно и доброго парня Сохроба. Детали подачи информации опускаю, это была целая оперативная комбинация (надо же было предвосхитить все дурные вопросы из серии «а что это за доброжелатели такие?!»), но в итоге сдали гладко и чисто. Правда, в служебном плане

у нас получилась художественная самодеятельность: активно вмешиваясь в процесс, мы вышли за рамки должностных полномочий, предписывающих «чистое» исследование. Но, надеюсь, тут нас понять несложно. Мы уже довольно долго пьем на всю эту благодать – стороне и безучастно, а тут вдруг появилась прекрасная возможность этак ненавязчиво принести стране немного пользы (это оправдание) и малость потешить душу (а вот это уже ближе к теме).

Есть, знаете ли, надежда, что Андижо в припадке справедливой ярости тоже выйдет за рамки и шлепнет Анвара... Товарищ внешне выдержан и вроде бы благоразумен. Но есть факты – несколько раз убивал людей именно в спонтанном припадке дикой ярости.

Костя Воронов – большой специалист по хитросплетениям человеческих страстей – анализировал его психотип и вынес вердикт:

– В общем, есть вариант. Процент небольшой, но вполне обнадеживающий: примерно два к десяти, что он его шлепнет...

Что это значит? В идеале война между таджиками и азербайджанцами. Особенно, если не пускать события на самотек, а продолжать активно корректировать и стимулировать ситуацию. А в норме, если войны не будет, как минимум затяжной производственный конфликт, разборки и раздрай. Тоже неплохо, согласитесь. Хоть какая-то практическая польза от нашей научно-прикладной деятельности...

– Здравствуй, Андижо... Я... тоже рад... Гхм-кхм...

А не похоже. Личико Анвара закаменело, голос дрожит, паузы какие-то ненужные. Нежданчик называется!

Шкафчики Анваровы тоже подрастерялись: стоят как столбы, глазами хлопают. Ну и чего тут делать? Если вдруг что – попробуй выступи на пару супротив шести автоматов (не думаю, что они в тот момент сообразили, что разом палить по ним могут только двое от забора – те, что у машин, были друг у друга в секторах, да и Андижо торчал у них на линии огня)!

Пока боссы здоровались, хлопцы Андижо привели дехкан и упитанного в агрегатное состояние: пнули положенное количество раз и пристроили у забора – на колени, руки на затылок, смотреть вниз!

Андижо поманил пальчиком – из джипа вылез... Сохроб. Так, вот это уже интересно...

Сохроб бледен, с трудом натягивает дежурную улыбку, руку Анвару подал сухо-официально... Изо всех сил старается показать, что все в порядке и ничего такого особенного не происходит...

Андижо с напускной веселостью похлопал Анвара по плечу:

– Поболтайте, я быстро – разберусь с этими...

И направился к застывшей у забора троице.

Нервы в порядке? Если нет – переверните страницу. Андижо всегда славился изощренной жестокостью по отноше-

нию к предателям. Если в порядке – продолжаем трансляцию с места событий.

Андижо приблизился к упитанному, коротко спросил по-русски (это на публику – мог бы и на своем переговорить):

– Тебя кто с Анваром свел?

Упитанный, серея лицом, пожал плечами и что-то неразборчиво пробормотал.

– Говори мне правду, – предложил Андижо, сдувая пепел с сигары. – И тебе не будет больно.

Упитанный опять что-то пробормотал, опуская взгляд.

Андижо толкнул парня ногой в грудь – тот упал на спину, – наступил ему на голову, прижимая к земле, и... ткнул тлеющим концом сигары в глаз.

Раздался душераздирающий вопль – мне показалось, что отчетливо запахло паленым, хотя ветерок дул от нас к ним.

Сохроб побледнел еще сильнее и обреченно покосился на Анвара. Анвар, тоже стремительно теряя приятный румянец щек, отвернулся.

– Говори мне правду, – опять предложил Андижо, быстро пыхая растрепавшейся на «рабочем» конце сигарой. – Пых-пых-пых... Не хочешь? Ну, давай еще...

– А-а-а!!! – Несчастный дернулся как ударенный током. – Сохроб!

– Кто?

– Сохроб!!!

– Это который Сохроб? – Андижо убрал ногу и приподнял

парня за шиворот. – А ну, пальцем покажи?

Упитанный, зажимая ладонью глаз, не глядя ткнул пальцем в сторону «Мерседеса».

– Ну, тут у нас все понятно, – Андижо резво направился к «Мерседесу». – Тут у нас один Сохроб, правильно?

И протянул правую руку ладонью кверху.

Один из «хлопцев» у джипа, стоявшего за машиной Анвара, вытянул из-за пояса пистолет, быстренько подскочил, услужливо вложил оружие в ладонь хозяина.

Андижо, адресуясь к Сохробу, бросил короткую фразу на шугнано-рушанском. Сохроб, не поднимая глаз, покачал головой и сокрушенно развел руками.

– Он тебе нужен? – вежливо поинтересовался Андижо у Анвара.

Да, вопросец... Окончательно утративший румянец Анвар машинально промокнул платком вспотевший лоб и неопределенно пожал плечами, также избегая смотреть в глаза Андижо. «Шкафчики» его, как мне показалось, дышали через раз и притворялись столбами, а хлопцы Андижо, как по команде, чуть приподняли стволы автоматов и поменяли угол прицеливания.

– Ну, я так и подумал. Кому нужно такое дерьмо? – Андижо, зловеще прищурившись, кивнул: – Попрошайся с ним.

– В смысле? – не понял Анвар.

– Ну, руку ему пожми или обними. Нормальный ведь парень был, правда?

Анвар, косясь на пистолет в руке Андижо, шагнул к Сохробу и протянул ему руку.

В этот момент Андижо быстро приставил «ствол» к виску Сохроба.

– Ту-дух!

Шлепнуло глуховато – звук выстрела утонул в рокоте работающей за забором техники.

Сохроб кулем рухнул наземь. Андижо сильно рисковал, выбирая такой угол выстрела, но рассчитал все правильно: большая часть того, что брызнуло из несчастного Сохроба, попала Анвару на лицо и рубашку.

– Апф... Апф... – Анвар, даже не пытаясь обтереться, сел на корточки и вернул в мир то, что было съедено им на завтрак.

– Извини, не хотел, – вроде бы даже искренне сказал Андижо, отдавая пистолет телохранителю. – Езжай домой, тебе надо отмыться... Давай, чего встали?!

Последнее предложение было адресовано «шкафчикам» Анвара. Не заставляя страшного контрагента повторяться, они подхватили плохо владеющего собой босса под руки и усадили его в «Мерседес». Спустя несколько секунд роскошный «немец», живенько обрулив стоящий позади него джип, со спринтерской скоростью припустил по полосе отчуждения прочь.

Андижо, согнав улыбку с лица, плюнул вслед уехавшим и ткнул пальцем в сторону коленопреклоненной троицы у за-

бора. Один из «хлопцев», стерегущих проем, прислонил автомат к забору, достал из-за пазухи небольшой нож с кривым лезвием и схватил упитанного товарища с подпаленным глазом за шиворот...

* * *

Видели, как баранов режут? Если видели, вам будет все понятно. Если нет, живописать не стану – больно уж удручающее зрелище.

Упитанного и одного из дехкан «хлопец» прирезал снорвисто и быстро. Андижо безучастно наблюдал за процессом, закурив новую сигару, а его водила с одним из автоматчиков в это время упаковывали Сохроба в багажник джипа, заблаговременно выложенный, как выяснилось, целлофаном. Человек не чужой, из клана, похоронить надо с подобающими почестями.

Да уж, спонтанной вспышкой ярости тут и не пахнет – целлофан все объясняет. Напрасно мы понадеялись на Андижо, не оправдал он наших чаяний. Получается, зря пыхтели. Сдавать видеоматериал в органы – это даже не смешно. У нас в стране представителей наркомафии такого ранга не сажают *в принципе*...

А со вторым дехканином получилась небольшая загвоздка.

Вроде бы, как и первые двое, он впал в ступор, прямо во-

площение слепой покорности судьбе, стоял на коленях, обреченно склонив голову... Но, почуяв прикосновение к шее смертоносной стали, внезапно рванулся, как раненый барс, сшибая наземь палача, и во все лопатки припустил в глубину посадок!

– Пятый – ложись! – глухо прошипел в наушнике голос Петрушина.

– Есть, – мгновенно отозвался Вася Крюков. – Дальше что?

«Габариты» у дальнего джипа рефлекторно вскинули автоматы, повели «стволами»... Тот, что ближе к забору, через секунду поднял «ствол» (товарищ в секторе), начал смещаться вбок.

Наверное, дехканин ушел бы: был он удивительно резв – куда там «энерджайзеру», но... Вдруг провалился одной ногой в землю, едва ли не по самый пах!..

«Товарищ в секторе», как и полагается опытному бойцу, не замедлил воспользоваться ситуацией.

– Та-та-та! – экономно выдал автомат, перечеркивая жизнь резвого дехканина. И тут же добавил для контроля: – Та-та, та-та...

Парень обмяк и завалился на бок. Двое у дальнего джипа, взяв оружие на изготовку, тотчас же направились к нему...

– Пятый, берешь обоих, – бесстрастно скомандовал Петрушин.

...А проблема заключалась в том, что бедолага провалил-

ся аккуратно в скрадок Ростовского! Товарищ, видимо, глубоко штатский, бежал ровно по директрисе, где меньше растительности и легче перемещаться. Любой мало-мальски опытный вояка сразу бы нырнул в кустики...

– Работаешь через две секунды после нашего старта. Восьмой – выламываешься через секунду, как крикну. Потом оба лупите с места по забору и ближнему джипу – там водила. Перемещаться не надо, попадете к нам в сектор.

– Понял, – ответил Вася.

– Понял, – голос Ростовского показался мне каким-то болезненным.

– Седьмой, берешь ближнего к тебе у правого джипа. Потом – водилу, он без оружия. На мое «ложись» не реагируешь. Три, два, раз... Понеслась!!!

Уф-ф! Ох и тяжело после пяти часов неподвижного лежания, без разбега, сваливаться в режим боя... Когда лежишь в засаде и ждешь команды для нападения, есть время продышаться, разогнать организм, потянуть мышцы специальными упражнениями – короче, подготовить свою боевую машину к напряженной работе.

А тут получилось – как внезапный старт двигателя после ночи на морозе. Дрын-дрын – и поехали.

Из скрадка я выламывался целую вечность.

– Ложись!!! – бешеным буйволом взревел Петрушин...

...а я еще только-только справился со слоем дерна и даже окончательно не распрямылся в своем разрушенном окопе.

Петрушин, как всегда, опередил: оглушительно рывкнул, метнул что-то в направлении джипов и помчался вперед.

Я заметил, в такие моменты время резиново растягивается и тобой постоянно владеет паническое чувство: не успеваю, не успеваю, медленно все делаю!!! Да, я тут все медленно делаю, как последний тюлень, а рядышком торчит куча народу с автоматами и с интересом наблюдает...

Оказавшись на воле и толком не сориентировавшись, я рванул во все лопатки к обозначенной цели, на бегу впитывая обстановку.

Спасибо Андижо – держит в охране воевавших товарищей. На «ложись» и летящий предмет среагировали правильно: мгновенно рухнули кто где стоял и прикрыли головы руками.

Эти двадцать пять метров до джипа я бежал страшно долго – наверное, секунды четыре, а то и пять. За это время успел освоиться с обстановкой и рассмотреть следующие моменты:

– к тем двоим, что упали в паре метров от скрадка Ростовского, из кустов вымахнула маленькая серая тень. Пока из вспучивающейся на глазах кочки рождался Ростовский, тень успела дважды коротко блеснуть тусклой сталью, забрала автомат у последнего, ею убиенного и, кульбитом уйдя в сторону, изготовилась для стрельбы лежа за елью;

– Андижо – большой респект от всех, кто понимает в военном деле. Ну просто очень реактивный товарищ. За непол-

ные четыре секунды успел: упасть вместе со всеми, оценить обстановку, опять вскочить и даже принять какое-то подобие боевой стойки! Вот это боец, вот это лидер!

– Петрушин свистящим болидом походя снес со своего курса безоружного Андижо и, одним прыжком покрыв расстояние до джипа, скрылся из поля моего зрения. Его объект – автоматчик у правого фонаря, а я топал к багажнику;

– двое у забора (самые дальние) среагировали быстрее всех – к тому моменту, когда мне оставалось до джипа каких-нибудь три метра, они уже начали подниматься;

– а лично на моем участке работы случилась беда: водила оказался штатским!

То есть рядом лежал боец с автоматом, прикрыв голову руками, а водила, разинув рот (даже не попытался укрыться!), держался одной рукой за распахнутую крышку багажника, смотрел на меня широко раскрытыми глазами и... тянул из плечевой кобуры пистолет.

– Ту-дух!

Он успел таки достать пистолет и шлепнул навскидку – в последний момент я «щучкой» прыгнул ему в ноги, уходя с линии выстрела, и сшиб стрелка на землю.

– Та-та! Та-та! Та-та! – заработало совсем рядом, с той стороны от джипа, куда пару секунд назад рывком ушел Петрушин.

У забора кто-то коротко, с подвывом, вскрикнул.

– Та-та-та! – обнадёживающе застрекотало с позиции Ва-

си и Ростовского. – Та-та! Та-та! Та-та!

Со всей дури рубанув ребром ладони по горлу водилы, я забрал у него пистолет, извернулся, как уж, и, не дожидаясь реактивности начавшего подниматься бойца, дважды пальнул ему в голову. Посмотрел на водилу – готов, признаков жизни нет.

Все, у меня «чисто».

– Погоди, брат! – истошно взвизгнул Андижо. – Брат! Я...

– Та-та! – непримиримо вынес вердикт Петрушин.

– Аррр...

– Та! – и точка.

И – тишина.

Я осторожно выглянул из-за багажника: Андижо, подергивая ступнями, тихо отходил в лучший мир.

Двое у скрадка Ростовского, один у дальнего джипа (водила), двое у забора, двое у меня, один у Петрушина. Плюс Андижо собственной персоной.

– Четырнадцать, – подытожил Петрушин. – Кого-то зацепило?

Петрушин всегда считает. Привычка такая. Четырнадцать – это время, а не трупы. Четырнадцать секунд с момента старта – чистое время боя.

– В порядке, – подал голос Вася.

– А мне ляжку отдавили, – пожаловался Ростовский.

– Серый?

– Я в порядке! – Голос мой прозвучал этаким несолидным

хриплым дискантом.

Ну вот, неожиданная встреча закончилась со счетом девять – ноль.

Вообще-то, не планировали. Как я уже говорил, в наши обязанности не входит прямое вмешательство в исследуемый процесс. Увы, что поделать – издержки производства, сами понимаете...

Глава 2

Дилер

Во вторник, второго августа, хоронили Андрея Ивановича Исаева.

Погода была... Впрочем, сейчас уже и не вспомню, как там насчет погоды – в тот день у меня на душе было так скверно, что на подобные мелочи я просто не обращал внимания. Что там погода – я, «шифруюсь», машину оставил где-то на подступах к кладбищу, а потом, когда уже все уехали, не сразу ее и нашел. Так расстроен был, что забыл, где поставил.

Вопреки ожиданиям народу на кладбище было немного, так что моя надежда затеряться в толпе не оправдалась.

Как-то так вышло, что, дожив до тридцати двух лет, я – Игорь Прыгунов – ни разу не участвовал в похоронах ветеранов правоохранительных органов. Наш кинематограф по этому поводу весьма скромнен и молчалив, поэтому я руководствовался исключительно голливудским стандартом: сверкающий катафалк, вереница не очень новых, но вполне приличных и крепких авто, вся полиция штата в полном составе, жены, дети, оркестр, журналисты – в общем, изрядное столпотворение, на фоне которого некий тайный друг усопшего ни у кого не вызовет вопросов.

А здесь было, без учета квартета убогих из похоронной

команды, всего одиннадцать человек. Мать, жена, сын, дочь и семеро сотрудников – наверное, самые преданные и верные. Вот поди тут и затеряйся!

Я стоял на чем-то «семейном» участке, располагавшемся неподалеку от свежевырытой могилы, и наблюдал за ходом погребения. Руки мои, совершенно непроизвольно и безо всякой надобности, крепко вцепились в почерневший от времени штакетник невысокой оградки, взгляд застилала красноватая влажная пелена, а к горлу подступал здоровенный ком, готовый в любую минуту выскочить наружу и превратиться в безудержные рыдания.

Странно...

Исаев не был мне близким человеком. Не друг, не брат – курирующий опер. То есть связывали нас сугубо «производственные» отношения, началом которых был жесткий шантаж с его стороны. Так что, по идее, этак убиваться мне не стоило. Особенно в свете последних событий – те, кто побывал в моей шкуре, поймут, что я имею в виду.

Неделю назад Андрей Иванович учудил: отдал мне папку с моим «оперативным делом» и сообщил, что мою подписку он уничтожил.

Я в буквальном смысле впал в ступор. То есть разинул рот, сидел как истукан и хлопал глазами. Андрей Иванович усмехнулся, легкомысленно подмигнул мне (он был слегка подшофе) и совершенно спокойно заявил:

– Меня, по всей видимости, скоро завалят. Вот, хочу на

прощание долги раздать. Чтобы, значит, никто из-за меня не пострадал...

– ???!!!!

– Нет, я не шучу... В общем, ты теперь сам по себе, товарищ Бубка. В моем сейфе на тебя ничего нет. По всем документам ты проходишь под оперативным псевдонимом, без «привязок». Так что – свободен. Гуляй, куда хочешь...

Помимо всего прочего, кстати, следует заметить, что Андрей Иванович в любой момент мог упрятать меня на нары – минимум лет на десять.

Любой сексот «на подписке» (да и просто «на доверии») скажет: повезло! Это как индульгенцию выдали за все прошлые прегрешения, подарили чудесную возможность начать новую жизнь...

Теперь домовину с телом моего куратора тихонько опускают в жадно разверстую пасть земли. А всю компру на себя, которую он вернул мне, я сжег в тот же день.

Казалось бы, надо радоваться, благодарить судьбу за милость и строить планы на светлое будущее.

А я, как видите, не радуюсь.

Я в шоке.

Объясняю. Представьте себе: приходит к вам человек, этак мимоходом, хихикая и ковыряясь в ухе, сообщает, что его скоро убьют... А ровно через три дня вы узнаете, что человек и в самом деле умер. Это нормально? Да, следует, наверное, добавить: я среднестатистический тепличный инди-

вид, профессия у меня самая мирная – врач. То есть смерть для меня, конечно, не в диковинку – в силу специфики работы, но до сего момента среди моих знакомых никто никогда этак вот планоно, предварительно уведомив об этом, не умирал...

Знаете – как будто к Бездне прикоснулся. Насчет того, что она существует, я был в курсе... Но как-то в общих чертах: это были совсем чужие и безразличные мне люди...

А вот так близко никогда ранее с нею сталкиваться не доводилось. Между нами всегда был прочный и надежный буфер – дядя Андрюша.

А теперь, стало быть, у нас прямой и непосредственный контакт.

Ну и сволочь же ты, Андрей Иванович... Нехорошо поступил. Это то же самое, как если бы машинист разогнал локомотив до критической скорости и спрыгнул, предварительно сообщив пассажирам: ну все, я пошел... А вы тут давайте – как-нибудь сами!

В общем, бросил на произвол судьбы. Я ведь уже привык считать себя частичкой Системы. У меня была защита, «крыша», помощь на все случаи жизни. Если проще – я был «правильным».

Теперь я один на один со всем этим. Я просто преступник, безо всяких скидок и уважительных причин. Если захочу, воспользовавшись паузой в судьбе, «завязать», это надо будет очень сильно постараться. Аналогия с разогнанным

локомотивом – это ведь не просто так, от фонаря. В нашей кухне, даже если очень захочешь, соскочить на полном ходу будет чертовски сложно. Как минимум можно ноги переломать и со здоровьем распрощаться...

А еще меня поразило мужество этого человека. Вот ведь не ожидал...

Я его всегда считал *подленьким*. Не подлецом и негодяем с большой буквы, а именно подленьким. То есть реально-го вреда он никому не делал, а так – пакостил помаленьку, пользуясь своим незаурядным умением манипулировать человеческими пороками и слабостями. Комплекция и облик у него, кстати, были как раз под стать: этакий мелкий тип с добреньким личиком и замашками школьного ябеда.

Ну так вот – человек знал, что его убьют. Это было не какое-то там расплывчатое гипотетическое утверждение из серии «Все мы смертны и рано или поздно сдвинем лыжи, тут уж ничего не поделаешь...», а конкретное: «Через три-четыре дня меня завалят».

Он не стал сучить ножками, вопить о несправедливости судьбы, не забился в угол, обмирая от страха. А в первую очередь, как он выразился, – «раздал долги». То есть позаботился о том, чтобы устроить дела людей, которые от него зависели. И на которых, по большому счету, ему было наплевать.

Не уверен, что я на его месте смог бы вести себя хотя бы наполовину так же стойчески. Так что земной поклон те-

бе, Андрей Иванович. Жил как придется, а смерть принял с большим достоинством...

Гроб опустили и начали засыпать.

Вообще, похороны были очень скромные, никаких тебе обрядов, служителей культа или просто даже оркестра.

Самоубийца...

Тишина стояла в буквальном смысле гробовая, и даже через две оградки был слышен скрежет вонзающихся в землю лопат и глуховатый стук ударяющихся о крышку гроба комьев земли...

Представил вдруг – живо, как наяву: Андрей Иванович лежит с вечной своей ехидной ухмылкой, а на лицо ему сыплется земля...

Некоторое время бездумно стоял, вслушиваясь в этот душераздирающий стукоток... Потом забыл про конспирацию – такое смятение чувств навалилось, что совсем перестал соображать, – перелез через оградку, через вторую, подошел к могиле... У вдовы лицо каменное, взгляд безумный, такое впечатление, что она не понимает, что вообще сейчас происходит... Любила? Оказывается, и таких мелких пакостников кто-то любит...

Бросил горсть земли в могилу, взял за руку вдову, понес какой-то бред соболезнующего характера...

– А вы кто ему?

Это мать Андрея Ивановича. Из-за плеча безутешной вдовы, негромко, но требовательно.

Практичная дама. Такой момент, такой момент... Вроде бы убиваться надо, заходиться в рыданиях, в могилу лезть: на кого ты нас покинул, сынуля, сиротинушками оставил!!! Ммм-да...

– Я это... Ну...

А голова совсем не соображает – вопрос-то вроде простой, соврать что-нибудь и вся недолга... Друг детства? Мать наверняка бы знала... Коллега? Вон коллеги стоят, насупились, уставились подозрительно...

– ...в общем – никто.

– ?!

А что сказать? «Я простой наркодилер, толкал „гердос“ под крепкой „крышей“ вашего сына»?!

– Понимаете... Я ему очень обязан. Очень. Ваш сын спас меня от тюрьмы...

* * *

Перечитал кучу книг, пересмотрел километры кино в рамках темы. Не то чтобы люблю терзаться, но иногда бывает – накатывает. Что-то внутри меня восстает против всего того...

Как правило, в сюжетах, близких к моему (из серии «как я стал драгдилером»), всегда присутствует какая-нибудь душераздирающая история слезоточивого характера. Вариантов море: дорогая операция смертельно больной матери,

вызволении из цепких лап правосудия оступившегося младшего брата, спасение от кровожадных бандосов попавшей на «кидняк» сестрички – и далее в таком духе, семьдесят три страницы. Общая суть: внезапно и остро нужна куча денег для благого дела, а взять негде. Скрепя сердце и горько плача ночами от безысходности, переступаем через общечеловечьи принципы и начинаем творить зло: воруем, грабим, становимся наемными убийцами, сутенерами... Или просто барыгами: начинаем потихоньку торговать драгами. Наркотой, то бишь.

Не знаю, есть ли в таких историях какая-то доля истины, или все это сплошь художественное вранье... Но лично у меня никакого извинительного мотива нет. То есть денег, конечно, не хватало, как и всем вокруг, но не так уж, чтоб совсем совесть продать и пуститься во все тяжкие. Получается, что я гад? Давайте я вам коротенько расскажу, как я докатился до жизни такой, а вы сами решите, так оно или нет.

Для начала скажу пару слов о моем родном городе. Дальнейшие события будут разворачиваться именно здесь, поэтому, если кто не знает, есть смысл поверхностно ознакомиться с пейзажем.

Черный Яр – небольшой городок в ста километрах к северу от Москвы, уютно раскинувшийся по обеим берегам самой знаменитой русской реки. Это наукоград во всех отношениях: научно-исследовательский центр ядерной физики, к которому прилагается необъятный комплекс лабора-

торий и опытных площадок, собственный университет, давший миру немало знаменитостей, и «силиконовая долина» – обширный жилой массив, заселенный молодыми специалистами, учеными, компьютерщиками и прочей творческой интеллигенцией.

С момента основания и до 2000 года Черный Яр был «закрытым» городом. «Распечатали» его, как видите, аж пять лет назад, но в плане администрации и порядка жизни все осталось практически в исходном состоянии.

Пример: один знакомый недавно попробовал зарегистрировать на своей жилплощади нерусского друга детства, который приехал искать работу в столице. Казалось бы, чего такого, да? В Москве некоторые бабуси в одной комнате по сорок человек регистрируют за деньги, и никто на это не обращает внимания.

А тут – не дали. Мотивировали так: вы что, забыли, где живете? Вы, может быть, думаете, что у нас «первый отдел» упразднили?!

Знакомый возмутился: моя частная квартира, что хочу, то и делаю! Ну, тут вы не правы, сказали знакомому. Переезжайте в другой город – и пропишите у себя хоть весь Северный Кавказ. А у нас этот номер не пройдет. Жаловаться? Да на здоровье! Хоть в Комиссию ООН по правам человека...

Как видите, все по-прежнему строго, четко и с полоборота – у нас не забалуешь.

Я свой город люблю, но расхваливаю его вовсе не из-за

этого. Просто хотел наглядно провести параллель: если то, о чем я расскажу ниже, есть у нас, можно себе представить, что творится в других городах, не обремененных сенью влияния «первых отделов».

Сколько себя помню, у нас всегда на подстанциях «Скорой помощи» потихоньку торговали «кислотой» (ангидрид уксусной кислоты). Многие знают, для чего сия вещьца нужна, а кто не в курсе – это значит, что вы просто счастливый человек! Оставайтесь и далее в приятном неведении, спать крепче будете.

Я до недавнего времени работал врачом «Скорой помощи». В «кислотном» процессе не участвовал по чисто техническим причинам, но кухню знаю. Участвуют там сестра, фельдшер и охранник (торгуют, как правило, ночью) – с высокого благословения начальства, которому и уходит львиная доля дохода. Выездной бригаде места в этой приятной цепочке нет, она в полном составе (бригада, а не цепочка) со свистом пролетает.

Ну так вот, я как-то сдуру проявил смекалку и изобрел способ втихаря и помалу тырить общественный ангидрид. Не подумайте чего плохого – это вовсе не для продажи или, упаси господь, для себя! Для друга брал. Сугубо из альтруистских побуждений.

Есть у меня такой друг – Людвиг Зверев... Не буду распространяться на старую избитую тему насчет подмены понятий «друзья – приятели – собутыльники», все и так в кур-

се. Людвиг как раз друг, и, пожалуй, даже единственный в жизни. Остальные – так, приятели.

Да уж, Людвиг... Как говорится – светлая печаль моей жизни. Родители мечтали, чтобы он стал великим музыкантом, этак вот обозвали с благими намерениями и вовсе без злого умысла. Представляете, как дитя мучилось в процессе становления?! За одно лишь «погоняло» (без вариантов – «Люда»!) можно было проникнуться к предкам лютой ненавистью и потом мстить им всю жизнь.

Но Людвиг добрый. Он у нас – местная мать Тереза. А докатился до жизни такой, подозреваю, все же из-за имени. Потому что в детстве и юности постоянно приходилось всем доказывать, что он вовсе не Люда, а весь из себя «крутой чувак». Приходилось поступки совершать. Делать вещи, при-сущие «правильным пацанам», показывать, что тебе не «слабо». Вот и привык.

Людвиг – студент-недоучка. Мы с первого класса этак бодренько бежали вместе по жизни, легко и просто поступили в «мед», а в конце четвертого курса он сошел с дистанции. Не то чтобы остался на обочине – плетется помаленьку дальше... Но без прежнего задора и планов на будущее. Какие тут могут быть планы?! «Планы» – это детские шалости. Это уже пройденный этап. Людвиг давно и системно «торчит» на опиатах. А в последнее время, благодаря одной скотине, – конкретно подсел на героин. Да, скотина – это я. Прошу любить и жаловать...

Короче, для Людвига я периодически совершал мелкие служебные преступления: списывал препараты группы «А», выправлял ему левые «терки», а под завязку крал «кислоту». «Под завязку» – потому что это длилось недолго. Вычислили меня быстро и без особых хитростей. Это ведь если вся система работает, воровать легко: снизу продают, сверху списывают и актируют. А когда у них самих воруют, они это дело моментально высчитывают, потому что это уже не государственное, общее, а свое, кровное.

Если бы меня просто поймали за руку на месте преступления, можно было бы как-то выкрутиться. Сами понимаете, врачу нетрудно найти объяснение для единичного использования препарата ограниченного доступа. Но коллеги мои оказались натуральными иезуитами! Засекли – сразу шум подымать не стали, а решили развлечься шпионскими играми. Следили целый месяц, помимо воровства ангидрида, зафиксировали несколько эпизодов необоснованной выдачи рецептов на сильнодействующие лекарства (а попросту – те самые левые «терки») и пару списаний якобы применявшихся на экстренных вызовах обезболивающих инъекций.

Самое обидное – шпионила сестра из моей бригады, которой я доверял, как себе. Стучала, сволочь, как туземный бубен! Наверное, злобу лютую затаила за то, что не проявлял к ней должного мужского интереса. Она, в общем, дамочка ничего себе, но я как-то привык по жизни не мешать чувства с работой и всегда придерживался этого правила.

Короче, как бы там ни было – сдала она меня с потрохами.

Иезуиты и здесь не отказали себе в удовольствии: предъ-
явили не все сразу, а поэтапно, эпизодами. Не зная, что у них
на руках полный расклад, я подло врал и изворачивался, как
тот уж в клюве у цапли. Истерично качал права:

– А сами-то вы, сами!!!

– А ты нас за руку ловил?

– Да чего тут ловить, и так все знают!

– А за клевету не желаешь привлечься?

– Какая, на фиг, клевета?! Да вы тут все уроды и хапуги,
как я с вами работал – ума не приложу!!!

Потом анализировал: получалось, что выглядел я тогда
мерзко. Мало того, что ворюга, так еще и этакий мелкий гад-
кий враль, и двуличный подлец. Всем улыбался, ручки жал,
на корпоративных вечеринках блистал – а как прижали, так
оно и поперло изо всех щелей. Как вспомню – краснею, хоть
и прошло уже довольно много времени.

В общем, выперли меня «по-семейному». Тихо, без скан-
дала, «по собственному желанию», с мотивацией «отсут-
ствия достойного денежного содержания». Обычное дело по
нашим временам. Не в их интересах было скандалить – я
ведь не стал бы молчать, хотя мне и намекнули, этак про-
зрачно и недвусмысленно: разговорчивость в данном вопро-
се может оказаться весьма вредной для здоровья. Я просто
тогда не совсем отдавал себе отчет, с чем имею дело...

Ну что можно сказать в свое оправдание? Наверное, ни-

чего. Сам виноват, большой уже, надо было соображать, чем все это может кончиться.

Ничего, переживем. У нас в стране для такого, как я, всегда работа найдется...

А вообще, если отбросить глупую бравату, для меня это был удар. Как и для любого законопослушного товарища, который вырос в привычной системе координат и вдруг, в одночасье, из-за какой-то тупой случайности оказался вышиблен за пределы оной системы. Сидит с разинутым ртом, глазами хлопает... Вот так ни фига себе! Система координат едет дальше, а я остался на обочине...

Поехал сторяча к Люде, с ходу устроил ему выволочку, в процессе которой основательно помял лицо. Из-за тебя все, гад!!!

Спустя полчаса помирились, сели анализировать ситуацию и, как водится, напились как свиньи.

К сведению: Людвиг у нас в буквальном смысле полиглот. Системные «опиюшники» алкоголь, как правило, не употребляют, а тех, кто пьет, презрительно называют «синяками». Мой уникальный людозверь с двух рук вмазывается всяким «хмурьем», глотает «колеса», до недавнего времени (пока я не стал барыгой) всю «отвинчивал», а при «отходняках» и на ремиссии непременно жрет водку. Литрами! Да, когда уже совсем ничего нет, может вспомнить былое и раскумариться травой. Большой спец по всякой вредной химии, ходячая энциклопедия психоактивных веществ и способов

их добычи из вполне легальных препаратов.

До того как я стал барыгой, а Людвиг моими «ногами», он варил дома всякую гадость. У него, знаете ли, прекрасные условия для подобного рода деятельности. Впрочем, про условия чуть позже, но вот факт: результатами его экспериментов «двигалась» значительная масса торчащей братии, и никто ни разу не умер. Хотя овердозы и тривиальные отравления случались. Но тут уж ничего не поделаешь, такова специфика: если потребляешь всякую гадость, будь готов к самым непредсказуемым последствиям.

В процессе анализа я пришел к неприятному выводу: карьера врача для меня закончилась.

Людвиг не согласился: работать можно, просто теперь меня не возьмут на престижные места. А так как я и ранее не мог даже и надеяться попасть на престижные места (не в той семье родился, не в том кругу вращался), то мне ровным счетом не о чем беспокоиться. И вообще, радоваться надо. Чему? Ну как – чему? Из передряги выскочил легко, практически без потерь, и вообще, все у меня только начинается...

Людвиг у нас неисправимый добряк и оптимист. Это не лечится, видимо, врожденное.

Не менее десятка раз он пребывал в состоянии клинической смерти: как водится, это были овердозы, на которых вашему покорному слуге невольно пришлось поприсутствовать. Сценарий всегда один и тот же, действие стартует с неожиданного звонка в три часа ночи:

– *Игореха, тут твой корень собирается кеды сдвинуть!!!
Давай бегом!!!*

– *Ну, мать вашу трах-тередох-тередох... Чем «ставил-ся»?*

– *Полтора квадрата «черняшки».*

– *Всего лишь?! Не понял – ремиссию развязал, что ли?*

– *Ну, это... кхм... на два пласта радедорма...*

– *Вот же уроды!*

– *Ну так че?*

– *Трясите, таскайте, бейте лицо. Еду...*

Налоксон, капельница, такси, помчались. А куда девать-ся? Сам в «Скорой» работаю, в курсе: адреса «системных» известны (в нашей деревне все друг друга знают) – по вызову туда никто не поедет. Пусть сдыхает сволота, торчок поганый! Следует заметить: «системные» – народ опытный в таких делах, тривиальные передозы решают сами, подручными средствами. Если уж привлекают врача, значит, все – человек действительно одной ногой в могиле.

Ну так вот, за последние пять лет Людвиг не менее десятка раз побывал на Великом Пороге. Организм его, по-моему, на 99% состоит из ядовитой химии. И выглядит он под стать внутреннему своему содержанию: худющий, что ваш Кощей, кожа с синюшным или даже с зеленоватым оттенком, глаза как у некоего сказочного существа – огромные, зеленые, с каким-то мистическим флуоресцентным отливом.

По всем известным канонам психосоматической типоло-

гии Людвиг должен быть желчным истериком с явно выраженной предрасположенностью к МДП (маниакально-депрессивному психозу). Но он плевать хотел на каноны. В его ненормативным образом устроенных глазах всегда ровно горит безразмерная любовь к окружающему миру и величайшее удовольствие от того, что он в этом мире живет.

Кто его не знает, думают сначала – сумасшедший. Нормальный человек не может с такой любовью относиться к этому дурному миру и в таком полутрупном состоянии всю радоваться жизни. Если солнечно – может полдня сидеть на лавке и глупо улыбаться в пространство. Если снег идет – будет часами созерцать снежинки за стеклом и при этом хихикать, как деревенский дурачок. Удивительно, что все эти нирваны на ровном месте органично сочетаются с ясным мышлением и безупречной логикой. Интеллектуал, философ, обладает энциклопедическими знаниями. Лучшего собеседника я не встречал. За редкую по нынешним временам возможность умно и остро дискутировать на любые темы Людвигу можно простить все его странности и несуразности. Уникум, короче.

Необоснованно много времени уделил Людвигу? Да, если учесть, что ключевой роли он играть не будет, видимо, много. Просто, наверное, потому, что Зверев – мой единственный друг. И во мне постоянно живет великая досада, что этот друг – умница и очень способный товарищ – конечный торчок. Абыдна, да! Вокруг столько бездарей и посред-

ственности – и ничего, ни в одном глазу... А тут попадет-ся весь из себя такой – один на десять тысяч – и надо же, тратит свой талант исключительно на то, чтобы травить себя всеми доступными способами и средствами! Загадка природы, блин...

Ладно, хватит причитать. Каждый сам кузнец своего счастья и возница колесницы своей судьбы.

В общем, я с этим торкнутым кузнецом насчет не совсем утраченных перспектив моей медицинской карьеры отчасти согласился. Но по поводу второй части резюме не совсем понял. Чему радоваться, конь ты наш троянский? И – ну-ка, поподробнее – чего это у нас там «только начинается»?

Людвиг, мечтательно таращась в окно, поделился планом...

Сказал и тут же усомнился – а правильно ли поймут? План ведь разный бывает! Вот уж точно, с кем поведешься...

Ну, скажем для точности: изложил свой перспективный план.

В далеком Джекказгане у него проживает тетушка, замужем за казахом, председателем колхоза имени какой-то матери, то ли совхоза. У них там все здорово: прекрасные климатические условия и полный правовой беспредел. Мы могли бы поехать туда, выращивать мак, доить ханку, резать «солому» и возить всю эту благодать сюда. Можно сказочно обогатиться.

Ну правильно, мог бы даже и не спрашивать! Кому что, а

голому – одеться.

– Долго думал, укурок?

– А чего? Знаешь, какие бабки можно сделать? Вон, у меня в Торквелове хорошие знакомые – очень достойные люди – уже давно этим занимаются. И все в шоколаде. С ног до головы...

Торквелово – это тут рядышком, двадцать минут езды. Такой гадюшник, что любого нормального человека в дрожь бросает. Славится едва ли не на всю Россию, а по статистике двух областей железно сидит в тройке лидеров. «Достойные люди» – это цыгане, у которых Люда со товарищи покупают ханку и «солому». Торгуют всем, что можно колоть, вдыхать, глотать, сосать и лизать – другими словами, чем можно «трескаться», «ставиться» и «вмазываться». Будь моя воля и полномочия, давно бы спалил этот торчковый рай к чертовой матери.

Почему никто не принимает мер? Да какие тут меры, все повязано и проплачено. Правоохранительные органы сами же усердно крышуют все это дело. Как-нибудь будет досуг, расскажу – сейчас у нас о другом разговор.

– Если там все так благоприятно и круто, чего же ты до сих пор здесь? Взял бы кого-нибудь из своих корешей да поехал. Я тебе зачем?

– Из моих камрадов ты один не торкаешься, – улыбочиво щурясь, пояснил Людвиг. – «Огород» растить да «дербанить», в принципе, не бог весть какая сложность. Главное

– возить. Торчка нельзя посылать с товаром через всю страну. Моментом спалится. А ты у нас такой умный, представительный, да при дипломе...

– Ну, брат, уважил! Спасибо за доверие... А что? «Кислоту» воровал, теперь, по логике, в самый раз наркокурьером подмолотить...

В общем, я от всей души послал Людвигу в задницу и отправился устраивать свою новую жизнь. Ну, не то чтобы прямо с ходу (прямо с ходу я был крепко пьян), а сначала проспался, объяснился с женой, а уже потом отправился...

* * *

Чтобы не было иллюзий, скажу сразу: ни в одно медучреждение нашего города меня не взяли. Вернее, устроиться я пробовал в два основных, поочередно, там получил полный афронт по всем позициям и на этом остановился. Просто не было смысла пробовать дальше. Говорю же, у нас большая деревня, на одном конце кто-то вспорет воздух тугой струйкой несанкционированных газов – на другом будут носики морщить.

Спасибо добрым людям, оформили врачом юношеской сборной по футболу. Хлопцы там здоровые, как буйволы, если травмы случаются, все равно обращаются в ведомственную больницу, так что врач им нужен как метеорологический зонд багатурам Чингисхана. Зарплату и премии добрые

люди делили промеж себя, а от меня требовалось всего лишь раз в квартал выехать с командой на соревнования.

Если кто совсем далек от медицины и не понял, зачем это мне, поясняю: для сохранения диплома. У нас ведь как: если не работаешь по специальности в течение определенного времени, диплом аннулируется.

Ну вот, о дипломе я позаботился, потом отправился искать, чем бы на жизнь заработать.

Вы будете смеяться, но я не нашел ничего более достойного, чем место в бригаде грузчиков на товарной станции пресловутого Торквелова. Тут рядом, двадцать минут.

Я сделал для себя удивительное открытие: оказывается, с работой у нас сложно! Искал две недели, обегал весь Черный Яр и окрестные населенные пункты – по нулям. Нормальные места давным-давно заняты, а ненормальных почему-то нет вовсе. Три утренние электрички с интервалом в двадцать минут увозят весь дееспособный люд в Москву. Все простые смертные трудятся там. Непростые – ученые и обслуживающий персонал режимных объектов, как выяснилось, пополнять свои ряды категорически не желают. Особенно за счет недобросовестных врачей.

А в Торквелове, как выяснилось, сложно с рабочими руками и крепкими спинами. То есть «офисные» вакансии, как и повсюду, давно укомплектованы, а хронически не хватает именно работяг (это те, кто занимается тяжелым физическим трудом). Все поголовно «торчат», работать никто не

желает!

Платят там очень даже неплохо, за первый месяц я заработал в два с половиной раза больше, чем на «Скорой». Сначала думал, что об этом славном местечке никто не знает, но бригадир меня разубедил: оказывается, их объявления расклеены по всему Черному Яру.

Странно... Почему люди прутся в Москву (я знаю несколько товарищей, которые там работают как раз «такелажными рабочими»), когда тут под боком есть вполне сносная работа?

Потом как-то между делом привычно пофилософствовал на эту тему с Людой, и он мне раскрыл страшный секрет.

Людвиг считает, что подавляющее большинство черноморцев страдают неким заболеванием, которое он обозвал «наукоградской спесью». Заболевание сложное и в суровых условиях провинциального климата лечению не поддается.

Надо же, я тут родился и вырос, а никогда даже и не подозревал, как у нас все запущено!

Основной симптом: «Мы не просто так – провинция, а самый крутой в мире наукоград! Мировой прогресс двигаем. В общем – всем встать, шапки долой!!!». И не важно, что из сорока тысяч горожан прогресс реально двигают всего лишь несколько десятков светлых голов. Мы же тут живем, значит, тоже причастны.

Так что понимать надо, это вам не хухры-мухры. Нерусских не регистрируем, работаем только у себя, на худой ко-

нец – в столице. До столицы мы еще можем снизойти. А ехать в какой-то торчковый тупичок (это от Москвы аж на двадцать километров дальше нас), да еще вкалывать там грузчиком... Это что, такая тупая шутка?!!!

Вот так-то.

В общем, стал я работать, помаленьку освоился. Меня эта страшная зараза, открытая медиком-недоучкой Людвигом, как-то не коснулась: то ли адаптированный мутант, то ли иммунитет, но ничего зазорного для себя я тут не видел. Ездить близко, платят сносно – жить можно.

Единственное: жить можно, пока молод и здоров. Поставили меня в бригаду «спортсменов» (все малопьющие, крепкие, от тридцати до сорока), за день мы делали три нормы «синюшных» бригад, состоящих из обычных алкашей. Поэтому и зарабатывали неплохо: «левого» боя стекла и порчи имущества у нас практически не было, начальство это ценило. Зато домой я приезжал абсолютно никакой. Особенно тяжело было поначалу, не привык на прежней работе поднимать что-либо тяжелее медицинского баула. Так что несколько лет в таком режиме поработать можно, а потом надо будет чего-нибудь соображать.

Итак, с добычей хлеба насущного более-менее я определился. Одновременно разобрался с любовью и семейной жизнью.

Увы, супруга моя нежная этот отборочный тур судьбы благополучно провалила.

Вот ведь парадокс получился! Приносил семь тысяч – терпела. «...*Мой муж – доктор (не „врач“, а именно „доктор“!), выходец из семьи потомственных эскулапов...*» Выперли – переживала, но в истерику не впадала. Люду хорошо знает, жалеет его, понимает прекрасно, почему все так получилось, верила – это временно, все образуется.

«Ты только никому не рассказывай, ладно?.. – это насчет того, что я устроился грузчиком (а куда устроился – вообще жуть!), – ...А то перед людьми неудобно. Хорошо?»

Хорошо, но не совсем понятно. Чего тут неудобного? Денег в два раза больше, плюс каждый раз с работы чего-то на халяву везу – не краду, так дают, за ударный труд. Все ночи – дома. Раньше, бывало, порой до десяти дежурств в месяц набегало! Это, считай, двадцать дней вылетало: сутки на смене, сутки восстанавливаешься.

Потом оказалось, что все это вовсе не временно, и формулировка *«мой муж – грузчик в Торквелове»* стала для нашей семейной идиллии роковой. Месяц, второй, на третий перевалило... Какая-то информированная подружка не пойми откуда узнала и тут же всех ввела в курс.

На меня стали смотреть сочувственно... Кто-то по простоте душевной ляпнул: ничего, милая, грузчик – это не приговор, все у вас образуется... Только вот – в Торквелове... Это же нехорошо!

В общем, это долго рассказывать, сразу выдаю резюме: развод. Супруга моя, увы, как и многие прочие, была по-

ражена «научноградовой спесью», которая оказалась сильнее душевных чувств, совместно прожитых лет и светлого будущего нашего ребенка.

Кроме того, болезнь жены протекала в тяжелой форме, вызванной особенностями ее происхождения. Ну не может дочь академика спать с грузчиком из Торквелова, и все тут! Видимо, грузчик грязный или просто слишком вульгарный для такой благородной леди – уж я не знаю...

Так. Без эмоций: последствия. Квартиру в свое время нам дали как «молодым специалистам» – исключительно благодаря стараниям отца моей благоверной. Записана квартира на нее, я там на птичьих правах. Скандалить не стал, съехал к родителям, выторговав право по выходным встречаться с дочерью.

Этот удар я принял стоически, даже в глубокий запой уходить не стал. То есть запой место имел, но не полноценный – до полной отключки и выпадения из временного контекста (знаете, наверное, как это бывает: *«Слышь, брат, а какой сейчас месяц?!»*).

Сразу после работы ехал к Люде, по дороге брал два литра. Таким образом сорвал ему устоявшийся график торчкования. В течение двенадцати дней мы каждый вечер и полночи напролет отравляли организм алкоголем, и ввиду этого печального обстоятельства Люда вынужден был вне плана сесть на ремиссию. Постоянные клиенты, которые системно «висли» на хате у Люды, были крайне недовольны. При-

шло в пьяном угаре несколько раз крепко объясняться с торчащей братией, не все там было гладко, порой доходило до привлечения сторонних сил, а местами даже правоохранительных органов.

В общем, досуг организовали неслабо: развлеклись, пообщались и походя заглушили душевную печаль.

Правда, был у всего этого развеселого времяпровождения один явно выраженный побочный эффект...

Внезапно пропал смысл бытия. В один прекрасный день я проснулся и вдруг понял, что мне теперь незачем жить.

Зачем вкалывать и напрягаться? Раньше понятно – для семьи. А сейчас для кого?

Себя я в расчет не брал. В тот момент мне самому для себя ничего не хотелось и не нужно было. На душе было сумрачно и тяжело, несколько раз возникала предательская мыслишка: пойти, что ли, Волгу переплыть да ненароком под баржу угодить...

Люда меня поправил.

Что характерно: я не жаловался и внешне никак не проявлял своих летальных устремлений. Он просто почувствовал: что-то со мной не то. Интересно... Это существо все время витает в царстве своих полинаркотических грез, можно сказать – из нирваны не вылезает, а так тонко чувствует душевное состояние близкого человека... Загадка природы! Аурой, что ли, ощущает?

– Деньги на «ствол» есть?

– ?!

– Я чего интересуюсь: как ты собираешься убивать мать?

– ????!!!

– Зрачки твои все чаще принимают форму петли... Я не прав?

– А при чем здесь мать, Люда?! Ты бредишь, что ли?

– Я тебя знаю больше двадцати лет. Я столько же лет знаю твою мать. У тебя, конечно, много недостатков... но ты не садист. Мать тебя очень любит, ты и твой ребенок для нее – единственный смысл жизни. Если ты сдохнешь, она ведь сразу не умрет от разрыва сердца, а минимум год будет угасать в страшных душевных муках.

– Бред какой-то...

– Угу, бред... Тебе все по фигу – ты коньки отбросишь. А те, кто здесь останется, пусть крутятся, как хотят. Мать пусть погибается от тоски, дочка пусть болтается как г... в проруби – вскорости станет проституткой...

– Ну ты достал, укурок! Ты че несешь?!

– Я в чем-то неправ?

– Ты кругом неправ! У дочки мать есть. Да и дед с бабкой не последние люди на деревне – академики...

– Мать – педагог – смешная зарплата, академики у нас сейчас – это только звучит громко, а на деле с хлеба на воду перебиваются. У них вон на даче весь штакетник сгнил, поменять нет денег... Другая бабка – твоя мать – пенсионерка. Папка – долбарик – в ящик сыграет. Гы-гы... Ну, при таком

раскладе единственный путь выбиться в люди – на панель.

– Дурак ты, Люда, и не лечишься.

– Какие совковые выражения. Прямо-таки кондовые! Ммм-дяя... Я чего про «ствол» спросил... Ты тип неглупый, должен соображать как минимум на три хода вперед. Тебе, перед тем как в петлю лезть, есть все резоны сразу шлепнуть тетю Галю и дочку. Чтоб, значит, не мучились в отсутствие тебя...

– Вот же идиот, прости господи...

Короче. Под это дело мы, как водится, крепко приняли на грудь (вопрос-то дюже острый, ясность мысли при его анализе только мешает, надо смягчить грани, растечься плазмой по лезвию) и некоторое время занимались полемикой.

Доводы Люды: только лишь для того, чтобы обеспечить безбедное существование дочери и дать ей достойное образование, мне в ближайшие десять лет придется вкалывать не разгибаясь. Есть смысл жить – раз. Мать в гроб не загоню своей тупой выходкой – есть смысл жить – два. Если повезет, найду нормальную работу по специальности, спасу от смерти множество людей. Хороший довод в рамках данной сессии: если каждый овердоз Люды считать за раз для нормального человека, десятерых я уже спас – то есть тенденция присутствует в полном объеме. Уже только ради этого есть смысл жить – три. Или сделаю научное открытие, важное для всего человечества. Далее: я не старый, могу нечаянно жениться, родить еще пару детишек, тогда вообще вкалывать, не раз-

гибаясь, придется до упора. Есть смысл жить четыре, пять и так далее.

У меня контрпроводов не было, я просто немного поразмыслил и согласился. Обещаю в кильватере грузовых судов не плавать, с завтрашнего дня перестаю пить водку и берусь за ум. Дикси!

Мужик сказал – мужик сделал. Пить я перестал, посидел в интернет-кафе, составил список учреждений, которым грозит перспектива иметь меня в рядах своих сотрудников. Состряпал резюме, выправил на фиктивной работе хвалебные отзывы. Выходной стал брать в середине недели и начал неспешно наносить визиты.

Да, следует уточнить: сугубо государственные учреждения в мой список не вошли по причине наличия у их сотрудников смешных зарплат. Уж если трудиться не разгибаясь, так и получать за это надо приличное вознаграждение. Благо в последнее время частных и смешанного типа клиник и больниц в столице развелось так много, что у пациентов просто глаза разбегаются!

В первой клинике получилось нехорошо. В детали вдаваться не буду, а суть такова: «навели мосты» с моей прежней работой, заинтересовались, зачем уволили такого замечательного парня. Официальная формулировка их отчего-то не удовлетворила. Почему не на новое место, где я числился? Потому что на новом месте я числился всего четыре месяца, а там работал с момента выпуска из института, и во-

обще, в той клинике товарищи по отбору персонала не зря едят свой хлеб с маслом. Ну и, понятное дело, заведующая подстанцией, вредина толстая, сказала им, что я полная посредственность, да к тому же еще и нечист на руку!

Знаете, я их ни в чем не виню. Будь я на их месте, сам бы такого мерзавца не взял.

При второй попытке вышла такая же беда, с той только разницей, что в первом случае мне просто вернули документы, не мотивируя отказ, а здесь вызвали на беседу и вкрадчивым голосом задавали каверзные вопросы. Но итог был тот же: не нужны нам сейчас такие сотрудники.

Понятно...

Третья попытка состоялась наполовину: я обратился, они стали, как обычно, «наводить мосты»... Тут звонит моя бывшая начальница и этак по-свойски, без обиняков, предлагает:

– Давай пять штук – и все будет тип-топ.

– ?!

– Ну, тут опять тобой интересуются. Пять штук – и будешь ты у нас весь золотой и чистый, с ног до головы.

– Пять штук чего?

– Да ну баксов же, естественно! Что за вопрос...

– Мне надо год работать, чтобы собрать такие деньги.

– Ну, это твои проблемы. Займи у друзей, у родственников попроси... Соглашайся – клиника богатая, «отобьешь» моментом.

– Анжела Артуровна...

– Да?

– Я вот тут подумал и решил... Гхм... Идите-ка вы в задницу, голубушка!

– Ну смотри, дело хозяйское. Дальше можешь даже и не пытаться – ты нашу систему знаешь, куда бы ты ни сунулся, везде о тебе будут наводить справки. Бывай, грузчик...

В такие моменты особенно остро ощущается отсутствие в приусадебном хозяйстве пулемета. Где ты, верный друг с вороненым «стволом», с коробчонкой на двести патронов?! На худой конец, какое-нибудь плохонькое ружьецо, но обязательно чтоб восьмого, или даже четвертого, калибра и патроны с крупнорубленной картечью. Увы мне, увы – нету!

Есть скальпель. Но это не то. Это несерьезно...

Люда, знаток изнаночной стороны человеческого мироощущения, посоветовал придумать реалистичную сказку с грустным концом. То есть рассказывать все как было, только мотивацию и обстоятельства немножко подправить в свою сторону. Был друг, светлый и радостный гений – но безнадежно больной, таскал для него помаленьку. Получилось, зря таскал и напрасно прогнали: помер друг, свезли в крематорий...

– Почему помер?

– Так если остался, значит, брать тебя нельзя – опять таскать будешь! А так – помер, и все, нет повода для таскания. И благостный мотив присутствует: не для себя брал!

– Ну что ж, логично...

Отрепетировали, отточили акценты и интонации, записали на камеру (имущество, которое мне досталось при разводе, – ледащая любительская камера и телевизор), посмотрели. Вроде бы нормально.

Знаете, сработало! В двух следующих местах меня чуть было не взяли. Все-таки люди у нас по большей части не черствые, ничто человеческое им не чуждо. Выслушали с пониманием, вошли в положение... А не взяли лишь потому, что им нужны были специалисты определенной квалификации, а у меня общетерапевтический (лечебный) профиль. Ну, по крайней мере, так они мне сказали. Все-таки хочется думать о людях хорошо...

А потом я напоролся на сюрприз. Прихожу в очередную клинику, на собеседование к главврачу... Смотрю: да это же Мамед!

– Мамед, мать твою оглы!!! Ты чего тут делаешь?!

– Да так, работаю помаленьку...

Мамед – дитя солнечного Кавказа, наш с Людой однокурсник. Не сказать, чтобы совсем уж друг, но приятель точно. Учились в одной группе, терлись в одной компании, развлекались вместе, он у меня на свадьбе гулял, как-то летом гостил в усадьбе Люды.

Дитя Кавказа мне искренне обрадовался. Облапил, чуть ребра не сломал – он и так был здоровенным кабаном, вольной борьбой занимался, а за эти годы наел пару пудов, заматерел, такой бугай – впору в фильмах про мафию снимать.

Черный, солидный, весь в золоте, в дорогом костюме с иголочки, взгляд такой значительный, важный...

Рабочий день насмарку, пошли обедать в ресторан, пообщались вволю.

Итак, Мамед – главврач клиники, хозяин которой его родной дядя. Неплохо, правда? Поведал ему, как на духу, о своих зловключениях, громко обсудили Людину судьбу, посокрушались, что такой гениальный товарищ этак вот бесславно погибает. Над «кислотной» историей мой сокурсник от души посмеялся:

– Ну вы там совсем дикие, от жизни отстали! Я думал, такими вещами уже лет пятнадцать никто не занимается.

– Что поделатъ, дорогой сэр, – провинция...

– Ну все, твои проблемы позади, – отобедав, резюмировал Мамед. – Я тебе такую работу дам – пальчики оближешь. Минимум три штуки в месяц будешь иметь – на первых порах.

– Баксов?

– Пфф... Дурацкий вопрос! А чего же еще?

– А что за работа?

– Да увидишь... Работа – не бей лежачего. Если лениться не будешь, потом сможешь и в два, и в три раза больше поднимать. Это уж как пожелаешь, все в твоих руках...

В общем, домой я возвращался в тот день на автопилоте: сидел в экспрессе и радужно лыбился в окно, весь погруженный в приятные размышления о том, как в самом скором бу-

душем у меня все будет здорово и распрекрасно. Жена меня вновь полюбит и вернется, люди вокруг резко зауважают, лет через десять буду я каким-нибудь светилом...

* * *

На следующий день я прибыл утренним экспрессом в столицу и уже в половине десятого торчал у Савеловской эстакады. Это Мамед позаботился: чтобы, значит, мне не трястись в душном метро, его человек подберет меня и доставит куда надо. Я, конечно, мог бы и потрястись, не велика беда, но раз предлагают – чего отказываться? Мне удобно – тут рядышком, от вокзала триста метров.

Вскоре возле меня притормозил темно-синий «BMW». Из окна высунулся курчавый череп с солидной проплешиной посередке (по всему – соотечественник Мамеда) и уточнил:

– Игорь?

– Он самый.

– Садись, поехали.

Сел, поехали... Но недалеко. Заехали почему-то на рынок, встали между двумя длиннющими фурами. Я не совсем понял, чего нам тут надо, но беспокоиться не стал: товарищ от Мамеда, какое тут может быть беспокойство?

Ду-би-на... Люду ругаю, а сам, помнится, всегда хотел думать о людях только хорошее. Может, это особый такой провинциальный настрой или просто в жизни до этого момента

ни разу не попадал в подобные ситуации. В общем, слышали, наверное, такое определение: непуганый идиот? Вот-вот, это как раз про меня...

Через пару минут сзади подъехал «Лендкрузер», встал вплотную к нам.

– Хозяин, – глянув в заднее зеркало, сказал курчавый. – Иди, разговаривай.

Я пожал плечами: как-то все это странно было, как будто мы собирались заняться чем-то противозаконным... Но пошел без лишних вопросов. Задняя правая дверь «Лендкрузера» открылась, из салона уточнили:

– Игорь?

– Он самый.

– Заходи, дорогой, садись.

Сел, закрыл дверь, осмотрелся. Рядом, на заднем сиденье, соплеменник Мамеда – симпатичный полноватый брюнет примерно моих лет, румяный, красиво стриженный, чисто выбритый, пахнущий дорогим французским парфюмом, прикинут по последней салонной моде. За рулем – детина, косая сажень в плечах, смотрит в зеркало внимательно, с прищуром. Рядом – примерно такой же экземпляр. Оба явно земляки брюнета.

Помнится, подумал: «Мамед что, меня в психушку определил?!» Больно эти двое спереди были похожи на санитаров психиатрической клиники.

– Меня Анвар зовут, – представился симпатичный. – Бу-

дешь работать у меня.

– А по бабушке?

– Зачем?

– Ну... Как-никак, начальник...

– Да ладно! Ты же не чужой человек, Мамед за тебя слово сказал.

Ну что ж, для начала неплохо! Не всякий начальник – вот так по-доброму...

– Давай делом займемся. Может, у тебя какие-то вопросы есть?

– Что у вас за учреждение? Где располагаетесь?

– Да тебе, я думаю, без разницы, – Анвар усмехнулся, – ты будешь у себя дома работать.

Ну что ж, отлично! Не надо будет каждый день вскакивать спозаранку и тратить кучу времени на дорогу.

– Ага... Вы что, собираетесь открыть в Черном Яре филиал?

– Филиал? Гхм... Да, собираемся. Ты будешь нашим филиалом...

Тут Анвар переглянулся в зеркало со своими «санитарами», и все трое дружно заржали. Я тоже за компанию улыбнулся.

Анвар достал из дверного контейнера небольшой пакетик и протянул его мне.

– Это что? – я не торопился брать пакетик – приучен не хватать с ходу все, что предлагают.

– Героин.

– Гы-гы... – я по инерции улыбался. – Шутка?

– Нет.

– Не понял...

Дальше все было сумбурно: от неожиданности я натуральным образом впал в шок и не очень хорошо помню, чего говорил и какими аргументами оперировал. Знаете, я парень опытный, в разных ситуациях участвовал. Приедешь, бывало, на травму (особенно в праздник), а там натуральная поножовщина, и что самое интересное – с вполне вероятным продолжением. Но к этому ты готовишься, примерно знаешь, на что можно рассчитывать и как уберечься в случае возможных осложнений.

А тут – как из-за угла медным тазом по личику. Неожиданно, с размаху, мир вокруг вибрирует, в ушах гул... У меня, помнится, даже давление подскочило – в висках застучало, сердечко запрыгало, как некормленный крол... Вот это Мамед! Ай да благодетель!

– Шутишь, что ли? Что значит «не буду»?!

– Это вы шутите! Кто вам сказал, что я соглашусь торговать героином?

– Мамед сказал, что ты свой человек. И что на тебя можно положиться.

– Да он не то имел в виду!

– Нет, дорогой, он имел в виду то самое. Иначе не направил бы тебя ко мне.

– Так, все, я пошел. – Я взялся было за ручку двери...

И замер. «Санитары», сидевшие спереди, как по команде повернули головы в мою сторону и тоже взялись за дверные ручки. Честное слово, получилось так, словно два волкодава по едва слышному «фас!» вдруг ощетинили загривки и приняли боевую стойку!

– Си-деть... – тихо скомандовал Анвар. – Теперь все, дорогой.

– Что – «все»?!

– Теперь ты все знаешь.

– Да что за глупости?! Ничего я не знаю! Ничего я никому не скажу, и вообще...

– Прекрати истерику. Теперь ты или с нами, или – никак. Короче, без порошка я тебя не отпущу.

– Давай, – я решительно протянул руку. – Давай свой порошок.

– Держи, – Анвар отдал мне пакетик.

– Все, теперь могу идти?

– А ты в курсе, как все делать, да? Ничего спросить не хочешь?

– Чего тут спрашивать? Что я, не знаю, что это такое? Гидрохлорид диацетилморфина, точную формулу не помню, но факт – соль.

– Соль?!

– Соль, соль.

– Гхм... Ну, молодец, – похвалил Анвар. – Значит, как

бадяжить – сам сообразишь. Ты уже продавал героин?

– Тебя это волнует?

– В общем – нет. Меня волнуют только деньги. Если ты думаешь, что поедешь сейчас к Мамеду и бросишь ему этот пакет в лицо...

Я чуть не поперхнулся. Именно так я в тот момент и думал! Ну, блин, психолог!

– ...то ты здорово ошибаешься. Мамед за тебя его продавать не будет. У него другая работа. Я тебе даю неделю, потом надо будет вернуть деньги.

– Сколько?

– Шестьдесят тысяч рублей.

– Сколько-сколько?!

– Здесь сто десять грамм. Для барыги это большой вес, но ты – свой человек, за тебя Мамед слово сказал.

– Ага, спасибо Мамеду...

– Это точно. Не раз еще будешь его благодарить, – вполне серьезно заметил Анвар. – Дальше. Грамм по шестьсот рублей. Это очень маленькая цена за порошок такого качества, меньше в Москве и области нет. «Три девятки», очень хороший порошок. Десять грамм тебе аванс для старта, подарок. И времени даю много. Ну, чтобы ты осмотрелся у себя, клиентуру подобрал.

– Шестьдесят штук – это большие деньги. Мне надо полгода вкалывать, чтобы отдать тебе такую сумму. Вы что, меня «разводите»?

– Шестьдесят штук – это мелочь. – Анвар небрежно плеснул ручкой. – Теперь тебе вкалывать не надо. Ты врач, умный, легко справишься. Главное – сам не употребляй, и все будет нормально.

– Ага. Особенно нормально мне будет на зоне, по статье «за сбыт и распространение».

– Держи. – Анвар протянул визитку.

Я глянул: золотым тиснением – Анвар Расул-Заде, доктор философии, доцент МГУ, телефоны. Ни фиги себе, заявочки!

– Ты доктор?

– Да.

– И доцент?!

– Угу.

– А что заканчивал?

– Кулинарный техникум в Ордубаде.

– Это где? Эмираты, что ли?

– Нет, маленько не угадал, – Анвар опять переглянулся с санитарями, и они дружно заржали, – это поселок в Нахичевани.

– А как же тогда...

– А у вас тут за деньги все что хочешь можно купить. Женщин, звания, степени, чиновников...

– Да уж...

– Если будут проблемы с органами – сразу звони. Я все решу.

– Так уж и все?

– Что по делу – все. Ну, если ты кого-то там завалишь или поставишь ларек с героином возле мэрии – конечно, это будет непросто...

– Гы-гы, – с готовностью осклабились «санитары».

– Но ты парень неглупый, думаю, у нас проблем не будет.

– Угу... Все, могу идти?

– Да. Этибар тебя отвезет.

– Кто отвезет?

– Это он, – Анвар кивнул в сторону «BMW».

– Да я сам...

– Не надо – «сам», – жестко возразил Анвар. – Первый раз с товаром, я тебя одного не пущу. Все, давай...

* * *

Когда я вернулся, то направился сразу к Люде. Не тащить же эту дрянь домой. Курчавый «Плейшнер», кстати, который меня привез, остался доволен: подозреваю, что Анвар дал команду отконвоировать меня еще и для того, чтобы посмотреть, в каких условиях я буду работать. В общем, ему понравилось, что это отдельная усадьба в частном секторе. Хотя, если Анвар будет общаться на эту тему с Мамедом, мой дорогой однокашник наверняка скажет, что дом не мой.

Люда от восторга весь светился. Раскрыл пакет, ходил вокруг кругами, пялясь на отраву пламенеющим взором, про-

бывал на ощупь, нюхал, постанывая от вожделения и что-то бессвязно бормоча.

– Ка-акой красавец, а... Отборный... «999», говоришь? Что-то я как-то даже и не слышал... «666» – вроде что-то такое было, но «три девятки»?.. Живем тут, в захолустье, прозябаем, а там люди давно уже, значит, «три девяточки» всюю пользуют... Гм... Ну, просто чудо как хорош... Надо опробовать...

Я сидел на продавленном диване, отрешенно глядя в окно, и вяло размышлял о проблемах совмещения судоходного фарватера с участком акватории у городского пляжа. Лето, тепло... Может, пойти купаться? Так оно все надоело – просто жуть. Что-то так устал от этой поездки, будто неделю, не разгибаясь, мешки с цементом таскал...

Жизнь кончилась. Скатился на самое дно – связался с наркоторговцами. Сейчас налетят Людины «камрады», мгновенно сожрут весь порошок, а через неделю Анваровы «санитары» деловито свернут мне голову, как недокормленному цыпленку. И поделом! Нечего связываться с кем попало.

– Ну и пусть, – сказал я вслух. – Все равно жизнь не удалась...

Перспектива релаксации (нажраться с Людой до поросычьего визга и таким образом хотя бы временно избавиться от негативных эмоций) надежно умерла: Люда уже названивал самым лучшим камрадам, приглашал принять участие в

эксперименте по апробации нового чудодейственного зелья. Тут же вспомнил о насущном:

– Слушай, денег сейчас ни у кого нет... Давай как-нибудь в долг, отпили хоть маленькую толику...

– Десять граммов отсчитай.

Люда тотчас же с готовностью отвесил на аптекарских весах десять граммов, бережно завернул в кулек...

– Это даром. На апробацию...

Взрыв эмоций. О, как же я прекрасен! Просто душа. Я мессия. Несу в мир благодать. И так далее, короче, изливание чувств. Медик и нарик – братья навек.

– Ладно, ладно – я в курсе, что я молодец. Остальное спрячь подальше, надо будет думать, как потом продать.

– Сам спрячь. – Люда честный, он ни себя, ни меня никогда не обманывает. – Ты же знаешь нашу публику... Короче, за сохранность не отвечаю.

Я пошел во двор, закопал пакетик за баней, среди лопухов. Изоцряться в изготовлении хитрых тайников нет смысла: я точно эту публику знаю. В период ломки у них появляется паранормальный нюх на наркоту – найдут где угодно, как ни прячь.

– Смотри, аккуратнее, – предупредил я Люду на прощание. – Если качественный – значит, сильный. На первый раз ставьте меньше, потренируйтесь.

– Ну да, поучи меня, поучи. А то я не в курсе, как и каким дозняком ставиться. Гы-гы...

Поехал домой, отметился:

– Здравствуй, мама, жив-здоров, все в порядке. С работой пока неопределенно – обещали, надо будет подъехать в следующие выходные...

– А чего такой хмурый? Случилось что?

– Да нет, в самом деле – все нормально. Просто устал...

Однако релаксацию никто не отменял.

Созвонился с Палычем (водитель «Скорой»), завернул в магазин, взял литр. Через пятнадцать минут уже сидели у него в гараже: тихо, спокойно, безлюдно, вид на Волгу... Лепота!

– Ну – будем...

Только приняли по одной – звонит Люда.

– Давай бегом, у нас сразу два овердоза...

– Да чтоб вы все сдохли! Как вы мне надоели, укурки проклятые...

Бросил Палыча, помчался. Две капельницы, налоксон (кстати, скоро кончится – запасы-то не безразмерные), такси.

Точно, пора под баржу. Теперь, наверное, у меня такие деньки будут частенько случаться. На фиг вообще такая жизнь?

Приехал, оценил обстановку. Двое «камрадов» Люды в конкретной коме, впору звать «Скорую» и обещать по штуке за визит. Однако зря, что ли, небо коптил столько лет, вкалывая «штурмовиком»? За дело, хлопцы, за дело...

Откачивали всей толпой (вместе с хозяином дома было

шесть человек, плюс я, минус два тела – стало быть, впятером), реанимация завершилась успешно. Устал, как собака. Поставил капельницы, принял сто пятьдесят, прилег отдохнуть, приставив к телам дежурную сиделку (Люда, естественно, – вариантов нет).

Проснулся, устроил разбор полетов. Люду особо драконить не стал, он и так чувствовал себя виноватым.

– Вот же ты урод, Люда! Говорил же: осторожнее, новая фича, надо аккуратнее...

Короче, ставились они, в принципе, «стандартно» – то есть втроем с грамма. На шестерых, стало быть, зарядили две грамули. Обратите внимание: для «системных» это едва ли не минимальная доза, даже если порошок качественный и барыга добросовестный, мешал не по-жлобски. У «системных» рецепторы тренированные, они могут позволить себе дозу, вдвое превосходящую норму среднестатистического «дилетанта». Но! Порошок новый, не опробованный. По всему, надо было ставить полдозы и смотреть, какие будут ощущения. А потом уже, если мало – доставиться, сколько надо. Это азы. Так что овердоз в данном конкретном случае – непростительная ошибка для таких мастеров ширяния.

Теперь надо было определиться, что делать с остальной «гуманитарной помощью» и вообще со всей партией. Я, конечно, не специалист, но если это «белый китаец», надо будет, пока не поздно, пообщаться с Анваром на эту тему. Потому что с этой дрянью такие проблемы будут постоянно – в

практике Люды было несколько эпизодов аналогичного характера.

Надо сказать, что «белый китаец» – это синтетический наркотик триметилфентанил, сильнее героина примерно в тысячу раз. Ввиду такого соотношения очень трудно рассчитать правильную дозу. Из-за этого опытные потребители избегают им пользоваться, и недобросовестные дилеры частенько толкают его под видом героина, мешая с инертной массой на свое усмотрение.

– Пока я спал, никто не «двигался»?

– Нет, не рискнули.

– Ну и на том спасибо. Ну что, это «китаец», нет?

– Знаешь, не похоже. Обрубились сразу, игла еще в вене была. То есть торкает, как от нормального «геры». От «китайца» кайф наступает не сразу, а спустя некоторое время.

– А сам как?

– Так я не успел. В два «баяна» ставились, Семен и Фаза первыми были, сразу и отъехали. Остальные рисковать не стали.

– Ясно. В общем, давай так: дальнейшие эксперименты под моим контролем. А то уже запарило летать сюда на такси сломя голову...

Долго экспериментировать не пришлось, получилось все с полпинка. Люда разогнал грамм на пять доз, одну поставил себе, вторую – самому проверенному и непрошибаемому камраду – Элефанту (погоняло по комплекции). Да, если

кто не пробовал грамм порошка делить на пять частей, сообщая, дело это очень трудоемкое, так что надо заблаговременно этот грамм развести некоторым количеством инертной массы (Люда это делает толченым аспирином, большинство используют сахарную пудру, а некоторые изуверы – стиральный порошок).

Поставили – живы, реакция в норме. То есть реакция, как с грамма на двоих, взятого у цыган в Торквелове (это я пересказываю ощущения Люды). У них вообще дрянной порошок. Люда тут же разогнал другой грамм на четыре части и поставил по дозе еще двоим камрадам. А вот их торкнуло конкретно – просто полный улет.

В общем, путем нехитрых вычислений Люда вывел универсальную формулу: можно смело бадяжить (мешать) один к полутора и толкать как высококачественный порошок, с предписанием «для своих» в обычном режиме ставиться втроем с грамма. Рецептúra для чайников и «своих» после ремиссии – грамм на пятерых. Кто превысит – сами виноваты.

– А по сколько продавать?

– Ну, это тебе решать. Твой же порошок.

– Да я же не в курсе, сколько оно в розницу... А по сколько наши городские барыги толкают?

– Наши городские... Так... Наши... Гм... Слушай, интересное дело... А у нас ведь своих барыг нет.

– В смысле – «нет»?

– Ну так – нет. У нас тут все продают торквеловские. Или сами цыгане, там, у себя, или, если здесь, – их «ноги» из местных жителей. Но это для чайников. Все системные сами ездят туда, закупаются сразу, оптом... Получается, ты будешь первым, кто от Москвы работает.

– Какая высокая честь! Вот обрадовал.

– Да нет, не в том дело... Понимаешь, тут запросто может конфликт получиться.

– В смысле?

– Ну, если ты будешь регулярно... Короче, если ты торквеловским рынок перебежешь, будут разборки.

– Ничего, думаю, Анвар эту проблему разрулит. Он же ведь какие-то расчеты делал, когда захотел на наш рынок зайти. Не думаю, что он не в курсе по местной ситуации... Ты лучше посоветуй, по сколько продавать?

– Так... Короче, со ста граммов сразу бадяжим сто пятьдесят и продаем по восемьсот рублей за грамм.

– Думаешь?

– Угу. Чуть дороже, чем у торквеловских, поэтому сразу насторожиться они не должны. Но качество на порядок лучше, чем у них, так что расхватают как горячие пирожки. Потом, конечно, они просекут, что почем, если это будет регулярно... Но если твой Анвар разберется... Гхм...

– Ладно, хорошо. А кому будем продавать?

– Ну, это пусть тебя не волнует – я только лишь по своим растолкаю все за пару дней...

– Да нет уж, дорогой друг, – я решил это дело на самотек не пускать – лучше сразу все систематизировать, чем потом тягостно решать на ходу внезапно возникающие проблемы с овердозами, суицидами или стремительной сдачей в правоохранительные органы, – давай-ка приведем это в систему...

Я смотался домой, взял из старых запасов чистый журнал амбулаторного приема и, вернувшись к Люде, с его слов составил список потенциальных клиентов, разбив их по категориям.

Получилось четыре категории: «свои» (системные); «регулярные» – те, кто уже никуда не денется с подводной лодки и в скором времени войдет в ряды «системных» или сдвинет лыжи; «борцы»; и «чайники» – начинающие. Есть еще категория – «контролирующие», но она столь малочисленна, что ею смело можно пренебречь. Это те, кто ведет нормальный образ жизни и полностью контролирует свое роковое пристрастие. То есть «ставятся», когда захотят, в выходные, например, с комфортом и в соответствующей обстановке, а не по насущной потребности организма. Это, если верить Люде, очень мощные духом люди, чуть ли не йоги, способные обуздать физиологию силой воли. Как врач, я не очень-то верю в таких «титанов духа» – физиологию побороть нельзя, рано или поздно они все равно попадут в «системные».

Самая проблемная в плане потенциальных неприятностей категория – «борцы». Название взято из сути явления: это люди, которые все время пытаются бороться со своей пагуб-

ной привычкой. Часто и некстати садятся на ремиссию, так же некстати «развязывают», да сплошь и рядом в глубоко пьяном виде, по этой причине неправильно рассчитывают дозу, что приводит к закономерному итогу. Или выбрасывают ключи, сидят дома взаперти, терпят ломки, потом бросаются из окон, вскрывают вены. И так далее, и тому подобное.

К таким нужен особый подход. И вообще, если задаться целью и к каждому подходить индивидуально, можно ведь так продавать, что передозов не будет вовсе или будут они случаться как редкое исключение. Это я вам как врач говорю.

Так, расписали всех, разложили по полочкам, получилось немногим более пяти десятков страдальцев. Это все – личные знакомые Люды, сам бы я, естественно, долго бы набирал клиентуру. «Системному» доза нужна каждые четыре-пять часов, остальным – минимум раз в сутки, отсюда можно будет делать расчет на потребное количество порошка.

Теперь следовало обезопасить себя в другом плане – выявить тех, кто предрасположен к сотрудничеству с властями. То есть, проще говоря, потенциальных стукачей.

Я написал внизу «Стукачи», подчеркнул, поставил двоеточие, озадачил Люду:

– Так, давай думать, кто может сдать. Ты этих людей знаешь, соображай, кто представляет в этом плане опасность...

Люда, даже не задумываясь ни на секунду, взял у меня

ручку, после двоеточия большими буквами написал «ВСЕ!» и, лучисто улыбаясь, развел руками. Увы, мол, камрад, но в данном вопросе порадовать ничем не могу...

– Погоди... что значит – «все»? Как это – «все»?

– Да вот так – все. Никому доверять нельзя! В случае чего, сдадут на раз.

– Ну, тогда поздравляю. Ты дружишь с кучей сволочей.

– Поздравления не принимаются. Ты врач, должен понимать, что к чему.

– Ага... Физиология?

– Физиология – это узко. Я бы даже сказал глубже и объемнее: организм. Бери любого наркозависимого, изолируй, когда ломки начнутся – проси за дозу что хочешь. Родную мать убьет! А уж камрада сдать – за милую душу.

– Понятно. Надо будет учитывать.

– Надо. Но, пока у тебя есть порошок, ты для всех них – царь и бог.

– Ага, слышал я эти сказки про добрых барыг...

– Нет, понятно, что ты для них кровосос и гад, наживаешься на их беде. Это факт. Но ради твоего порошка они тебя будут беречь. Тем более если качественный, сравнительно недорого да иногда, когда совсем впритык, в долг давать – вообще будут пылинки с тебя сдувать!

– Ну и на том спасибо...

Потом мы помешали порошок один к полутора и сразу условились с Людой: заниматься будет он, за десять процен-

тов от прибыли в порошковом эквиваленте. Возьмет сразу при фасовке.

– Ладно. Давай посмотрим, как это у тебя получится...

Получилось элементарно: сразу откусил от разбадяженного порошка ровно пятнадцать грамм и досыпал аспирина. В общем, наколол потенциальных покупателей, вместо грамма получают по 0,9.

– Да это почти без разницы – на эффект практически не влияет...

Целый вечер убили на расфасовку по граммам. Люда лучился обворожительной улыбкой: если ставиться строго в «личку», без пассажиров, – на декаду затарился. Плюс остаток с десять грамм «бонуса» – вообще здорово!

Ну и ладно...

Подробностями трейдинга утомлять не буду, скажу только, что Люда продавал, а я контролировал – на всякий случай, не потому что не доверяю, просто во избежание каких-нибудь инцидентов. За неполных пять дней спокойно сплавил всю партию по восемьсот рублей за грамм, на выходе получилось ровно сто двадцать тысяч. Инцидентов не было.

Я созвонился с Анваром, условился о встрече. На следующий день встретились там же, на Савеловском. Антураж уже привычный: «Лендкрузер», красавец Анвар, два «санитара» на передних местах.

Я отдал Анвару все до копейки.

Он пересчитал:

– Сто двадцать?! Не понял...

Пересчитал вторично.

– Ты по сколько продавал?

– Здесь все деньги, которые выручил за порошок. Себе не взял ни рубля. Надеюсь, теперь я свободен?

– Ну ты упорный! – Анвар укоризненно покачал головой, со скоростью кассового аппарата отсчитал половину и бросил мне на колени. – Мне твои деньги не нужны, забирай.

– Я не хочу больше этим заниматься! Это понятно?!

– Это понятно, – Анвар сочувствующе кивнул, достал из дверного контейнера пакет и протянул его мне: – Это истерика. Будь мужчиной, возьми себя в руки...

А санитары на переднем сиденье дружно повернулись в мою сторону и многозначительно повели плечищами. Черт, почему я такой слабый и нестойкий духом?! Полжизни бы отдал, чтобы прямо сейчас на пару минут стать одним из братьев Кличко! Уж я бы им тут устроил...

– Это хорошая работа, выгодная. Если все правильно делать и не зарываться, можно хорошо приподняться по деньгам.

– Зачем мне такие деньги? Мне вполне хватало того, что я зарабатывал до недавнего времени. А сидеть на таких деньгах и ежесекундно дрожать от страха, ждать, когда к тебе вломится наркоконтроль...

– Дрожать долго не будешь, это я тебе гарантирую. – Ан-

вар мудро усмехнулся. – Совсем один, сам на сам, «капусту» рубить – тоже недолго будешь. Очень скоро к тебе прилепится кто надо.

– Кто «прилепится»?

– Увидишь. И давай больше не будем обсуждать этот вопрос, хорошо? Забирай товар, езжай домой...

Вот, собственно, и все. За пять дней, особо не напрягаясь (если не считать потраченных нервов и душевных мук), я одним махом заработал шестьдесят тысяч рублей. Это примерно мой средний заработок за полгода мытарств врачом на «Скорой».

Ну вот. Так я и стал дилером...

Глава 3

Управление «Л»

Здравствуйте, люди добрые. Я – Андрей Горбенко, мне двадцать восемь лет, холост, сирота, детдомовец.

Внешность у меня вполне заурядная: среднего роста, крепкий (но не плечистый, я, скорее, на брусок похож, весь ровный, без выпуклостей). Русый, глаза серые, лицо круглое, незапоминающееся.

Впрочем, внешность моя вряд ли кого заинтересует: я «серый», один из многих миллионов ничем не примечательных людей, что тихо и незаметно живут и умирают на просторах нашей некогда великой страны.

Вас, скорее всего, заинтересует моя профессия.

Я убийца. Нет, я не скрываюсь от властей, живу спокойно и за свою работу получаю достойное вознаграждение. Потому что я штатный убийца на службе правоохранительных органов Российской Федерации. Правда, должность моя именуется «оперуполномоченный», но суть от этого не меняется.

Чтобы не вводить в заблуждение сведущих товарищей, сразу оговорюсь: я не являюсь бойцом расстрельной команды. У нас мораторий – такие команды уже долгое время не функционируют.

Впрочем, не буду интриговать да заигрывать, я вам сейчас

расскажу, кто я есть и чем занимаюсь.

Биография у меня очень короткая. Детдом, армия, погранвойска (таджико-афганская граница), работа в милиции. Заочно окончил «вышку», стал офицером, оперуполномоченным Балашихинского РОВД.

В Балашихе у меня никого нет, мне там дали квартиру, вот и живу. Все в курсе, что сиротам положены квартиры. Но мало кто знает, что квартиры достаются немногим, причем такие халупы, что жить в них страшно. Муниципалитет, в сговоре с начальством детдома, выделяет хорошую квартиру в пределах Садового кольца, по пути к детдомовцу она превращается в развалюху под снос на окраине Балашихи. И это еще не самый худший вариант. Чаще всего оформляют опеку, и квартира вообще уходит в никуда. Случается, за эти проклятые квадратные метры нашего брата просто убивают.

Ладно, это мало кого интересует, кроме тех, кто сам все испытал на своей шкуре.

Многие подробности своей сиротской жизни я опущу, сразу подхожу вплотную к теме. Так, как бы назвать тему... «Убийство себе подобного»? Как-то натянуто звучит, высоко, надо бы проще. Кроме того, наверное, есть разница: если мы с вами пили водку, повздорили и вы меня саданули в сердце кухонным ножом – правильно, это убийство себе подобного. А если вы ночью залезли грабить мою хату, а я впотьмах пальнул в вас из ружья и уложил наповал – это уже

другое дело. Вы мне в данном случае не подобны, потому что вы – грабитель, а я защищался.

Давайте обозначим это так: «Проблема применения оружия». Как раз нормально будет – все по теме, ничего лишнего и никакой тебе патетики.

В Чечне мне побывать не довелось, но полтора года (полгода в «учебке» – я был сержантом) службы на Пяндже, думаю, можно смело приравнивать к полноценным боевым действиям.

Общая ситуация. Если обнаружили, что ночью кто-то переправляется на нашу сторону, по нему будут с азартом долбить все, кто в этот момент окажется на данном участке границы с нашей стороны. Потому что политика командования погранотряда такова: «К нашему берегу должно прибывать только трупы и мешки с наркотой. Кто желает живьем и без мешков – добро пожаловать через пограничный контроль». И никто не сомневается, что это правильно. Курьеров этих никто не жалеет, и ни у кого не дрогнет рука.

Частная ситуация. Ночью была стрельба, с рассветом идем «шмонать» плавни. Авось чего прибило.

Туман, видимость слабенькая. Натыкаемся на двоих чучмеков с автоматами. Чучмеки мокрые, только что переплыли, тоже в поисках – где-то тут может быть их товар (переплыли, потому что туман – так бы не рискнули по свету).

Выходим на них неожиданно, они к нам спиной, но в любой момент могут обернуться. Наш командир – молодой лей-

тенант, впадает в ступор. Ну, в буквальном смысле – застыл столбом, рот разинул. Я из-за его плеча без раздумий, навскидку, кладу чучмеков одной очередью.

Лейтенант в истерике. Надо было, типа того, по уставу: «Стой, стрелять буду, положить оружие!» – и так далее.

Ага, щас! Заметь они нас первыми – уложили бы весь наряд, забрали свой товар – и ходу.

Вот такие дела.

Позже, работая в милиции, обратил внимание: подавляющее большинство сотрудников избегают применять оружие. Избегают даже в ситуациях, когда применять его можно и нужно. Это понять нетрудно: нормальный человек, без патологии, всегда сделает все от него зависящее, чтобы только не стрелять в себе подобного. Я вам больше скажу. Что там сотрудники – даже в среде криминалитета (то есть бандиты по определению) найдется немного людей, готовых без раздумий пустить в ход оружие. Одно дело – понты и рисовка, другое – хладнокровно достать «ствол» и без лишних слов застрелить человека. У них таких деятелей немного, их можно пересчитать по пальцам, и отношение у братвы к ним особое. В двух словах – «безбашенные отморозки», вот вам и все отношение.

Пример из личной практики. Спецназ в рамках нашей разработки штурмует дом с вооруженными бандитами, мы идем следом. Все известно: сколько людей, кто такие, на что способны, какие «стволы» и так далее.

Спецы – люди бывалые, мероприятия такого характера – их профиль. Что они делают? Взрывают дверь, стремительно врываются в дом и шустро валят всех подряд без разбору? Да уж куда там! Орут в мегафон, обещают стереть в порошок, торжественно «объявляются» (операцию проводят такие-то!) – типа того, всем лежать и бояться! Потом минут пять долбят в дверь кувалдой, в это время под окнами рычит БТР, мигалки всюду наяривают, сирена орет, служебные собаки гавкают.

Короче, пугают. Дают бандитам понять, в какое дерьмо они вляпались. Потом врываются с шумом и тяжкими матюками, орут истошно, на психику давят...

В общем, зря некоторые правозащитники говорят, что спецназ у нас – звери. Это очень гуманные ребята. Они дают бандитам шанс сдаться и сохранить жизнь. Они применяют оружие только в крайнем случае. И часто из-за этого сами несут потери.

Зря, на мой взгляд. Валили бы всех подряд без разбору, куда как больше пользы было бы. Штурм, вооруженное сопротивление – все очень даже способствует, потом слова никто против не скажет. Чем меньше в мире отморозков, тем ярче светит солнце для людей.

Еще пример. Был у нас старший опер – Бурцев Дима. Опытный, бывалый, обстановкой владел просто на диво, на своей «земле» весь «контингент» знал от и до, всю подноготную на каждого. Пятнадцать лет проработал. В тире все

упражнения выбивал на «отлично», стрелок был отменный, да и начет рукопашки тоже молодец. На первенствах выступал.

За всю службу *ни разу не применил оружие*. Начальство расценивало это как глубокий профессионализм. Это правильно, в общем-то, опер в первую очередь должен работать головой и языком, потом уже – ногами (не бить ногами, а по «земле» бегать), а пускать в ход оружие можно лишь тогда, когда других решений ситуации попросту не существует. То есть – все, край, осталось только стрелять.

Если кто не в курсе, я открою маленький секрет нашей кухни и разочарую любителей лихих милицейских боевиков с погонями и стрельбой по-македонски. Подавляющее большинство сотрудников так и работают, наподобие Бурцева. Попугать пистолетом при задержании, пальнуть в воздух для острастки – это я не отношу к практике применения оружия.

Применение – это когда целенаправленно, с умыслом, стреляют в человека. Не обязательно, чтобы убить. А чтобы, допустим, прекратить агрессию. Тут нюанс: чтобы сохранить жизнь вооруженному агрессору, надо быть специалистом. Я видел, как работает спецназ (это не наш, милицейский, дело еще на Пяндже было): в мгновение ока продырявили человеку плечи, забрали оружие, а потом уже «дружелюбно» побеседовали. Знаете – рассказал все, что знал. Минутное дело! А до этого он хотел всех убить. Потом медик наш сказал, что пленный останется на всю жизнь инвалидом: плечевые

суставы в буквальном смысле были уничтожены.

Ну так вот, за секунду таким образом обездвижить противника – это прерогатива специально обученных и тренированных людей, с адаптированной психикой и особыми личностными параметрами, готовых применить оружие в любую секунду.

А рядовой сотрудник – простой человек с оружием. Как вы, и я, и сосед через дорогу. Простой человек, даже умеющий стрелять в тире по мишеням, как правило, к этому не готов. Просто хотя бы уже потому, что вся система, в которой он живет и работает, категорически запрещает ему это делать. Нет, декларативно, конечно, стрелять можно и нужно, есть закон и инструкции, регламентирующие все это дело. Но каждый сотрудник прекрасно знает: если ты стрелял и попал в человека, будь готов к тому, что эту ситуацию подвергнут самому пристальному и суровому расследованию, тебе придется исписать вагон бумаги, таскаться по судам и вообще потратить полжизни на делопроизводственную волокиту. Это в том счастливом случае, если ты все сделал безукоризненно и правильно.

Если же ты стрелял немножко неправильно (попробуйте во время внезапной схватки, что длится считанные секунды, все сделать по инструкции – я на вас посмотрю!), тебя вообще сотрут в порошок. У нас, например, были случаи – за это людей просто сажали. Вот так.

Ладно, хватит об этом. Надеюсь, по проблеме применения

все понятно.

В завершение скажу, как умер образцовый опер Дима Бурцев.

Был Бурцев по оперативной надобности на ночной дискотеке. То ли с «клиентурой» работал, то ли еще зачем, это уже не важно. Пошел в уборную – без всякой оперативной надобности, просто «до ветру», а там водевиль: обдолбленный в дым парниша с пистолетом дрессирует двух своих корешей. Тычет «стволом» им в личики и орет, как бык на бойне: куда вы, подонки, дели мои «колеса»?!

Бурцев парнишу знал: натуральный отморозок без тормозов, мозгов нет, сплошь лобная кость. Откуда «ствол» взял – не понятно, но перспектива вырисовывалась более чем реальная: сейчас рассчитает своих корешей и пойдет «искать правду» в широкие массы отдыхающей молодежи. Со «стволом» и безнадежным безумием в страшно вытарщенных глазах!

Бурцев зашел тихо, парниша весь был сконцентрирован на своих дружках, стоял к двери боком, в общем – не видел его.

Анализирую ситуацию как опер.

Вариант № 1: так же тихо выйди обратно, подопрь дверь чем придется и звони в отдел. Мало ли, что ты опер и вооружен – ты один, и ты не Чак Норрис!

Вариант № 2: вали, на фиг, с ходу. Пока он тебя не видит, преимущество за тобой. Доставай «ствол», и...

Бурцев выбрал третий вариант. «Ствол» доставать не стал, а ласково заговорил с этим ублюдком. Типа того, брось, Колян, дурью маяться, найдем мы твои «колеса», это не проблема...

Колян «без базара», без секундной паузы на размышление, высадил в Бурцева весь магазин.

Стрелок еще тот – Дима умирал восемь часов. Сделали все, что от нас зависело, поставили на уши всех столичных врачей, но спасти человека уже не смогли...

Вот так печально закончилась быль об умном менте, который всю жизнь работал головой и, как и подавляющее большинство коллег, старался всячески избегать применения оружия.

Я хорошо знал Диму Бурцева. Это был талантливый опер и вообще широкой души человечиче. И мне до слез обидно, что он так глупо умер. Не заслужил он такой смерти. Помнится, на его похоронах я дал себе слово: со мной такого не случится никогда. Ни-ко-гда. Лучше я сяду за превышение, чем умру от пули обдолбленного отморозка...

А я бы этого удода шлепнул не раздумывая. Для этого имелись все основания. А потом исписал бы гору бумаги и спокойно пошел бы пить пиво. И вся Балашиха мне за это в пояс поклонилась бы.

Я, в отличие от покойного Бурцева и многих других коллег, готов применять оружие. И морально, и физически. Открыл в себе я это качество, когда служил в армии. Нет, я не

патологический убийца, ни к чему такому меня не тянет, и вообще, я хладнокровный товарищ. Просто у меня не возникает сомнений на этот счет (не знаю, почему так, копаться не пробовал, образования не хватает): когда нужно, я делаю это без малейших колебаний. Что называется, навскидку.

Теперь самое время рассказать, к чему привела эта моя небольшая особенность...

* * *

За всю службу и до настоящего момента (это без малого восемь лет) я применял оружие шесть раз. В среднем получается раз в полтора года. Для тех, кто судит о работе милиции по фильмам и книгам, это – мизер. А спросите любого сотрудника, что они думают о таком результате, вам скажут примерно следующее: «Ну, е-мое, просто ворошиловский стрелок!» Да и то, четыре раза стрелял, когда еще на ППС ходил.

Из шести эпизодов убил двоих, обоих намеренно, и уже не на ППС, а когда опером работал.

Предпоследний эпизод. Чуть более года назад.

Иду по делам мимо школы. Смотрю, парень в пальто ведет девчонку лет семи-восьми за руку.

Июнь, а он в пальто. Нестрижен, волосы засалены донельзя, грязный весь, неухоженный. Вывод? Точно, он самый.

Я этих наркоманов терпеть не могу, особенно после смер-

ти Димы Бурцева. Это предатели Родины. Они дезертировали с поля битвы еще до начала сражения. Родина в полной ж... , каждые рабочие руки и светлая голова на счету, надо бы встать единым фронтом, противопоставить свою жизненность и сплоченность засилью непьющих иноверцев... Так нет же – полстраны бухает, полстраны – ширяется. Нормально. Такими темпами мы все скоро будем просыпаться под крики муэдзина, купола наших храмов перекрасят в зеленый цвет и вместо крестов над ними будут полумесяцы.

Короче, будь моя воля, валил бы всех этих предателей Родины на месте, где бы только встретил. Отличить их от нормальных людей – раз плюнуть, так что с идентификацией проблем бы не было.

Однако не в этом дело. Мне не понравилось, как он обращался с девчонкой. Он ее не просто вел, а буквально тащил за руку. Это было несколько мгновений, шаг, другой, третий – и все, они скрылись в переулке. Пройди я мимо десятью секундами позже, кто его знает, что бы там получилось...

Может, показалось? Решил на всякий случай проверить.

Бросился в переулок, смотрю – точно, тащит. Девчонка упирается, бубнит что-то. Странно, что не визжит, – может, знает его?

– А ну стой!

Парень обернулся – глаза навывкате, кажется, сейчас из орбит выскочат, челюсти крепко стиснуты, красный, весь дрожит от возбуждения, часто дышит. Знакомая картина. «На-

винтил», удод, с избытком щелочи, все равно что конского возбуждителя хапнул. Ему сейчас без разницы – кого, лишь бы побыстрее.

Короче, на мой окрик он отреагировал неадекватно: вместо того чтобы пуститься наутек, выхватил из кармана скальпель, прижал девчонку к себе и приставил лезвие к ее горлу.

– Пшшел вон отсюда! Пшел, а то я ее кончу!

А я уже на «автопилоте», без раздумий вытащил «ствол» и прицелился.

– А ну брось скальпель, отпусти ребенка. Бегом, я сказал!

– Пошел вон!!! – Он аж взвизгнул от ярости. – Бросай «ствол», а то щас кончу ее!!!

В этот момент у девчушки потекла кровь – на лезвие нажал, сволочь, сильно...

Я рядом, семь-восемь шагов, от его дурной нестриженной башки до головы ребенка – полкорпуса, он, скотина, даже присесть не догадался, «винт» все мозги выбил.

В общем, не буду рассусоливать – шлепнул я его. В тот самый момент, как у девчонки кровь потекла, как будто мне кто-то отмашку дал: ВАЛИ!!!

«Бах» – и готов.

Точно в лоб.

Одним ублюдком меньше...

Отписывался я долго. Комиссия, расследовавшая этот инцидент, сочла, что я поторопился. Не использовал в полной мере все возможности для мирного разрешения ситуации.

Спасибо, родители девчонки и вся местная педагогическая общественность встали за меня горой. Под эту шумиху, кстати, прикрыли три «винтоварни», аккуратно напротив школы, и уволили участкового, который «крыл» все это безобразие.

Последний эпизод. Совсем недавно, девятого мая сего года, в День нашей Великой Победы.

У нас на майские праздники всегда «усиление». С первого и по девятое весь оперсостав сутками напролет пашет на ниве общественной безопасности. То есть занимается профилактической работой по предотвращению терактов. В последнее время у нас развелась куча всякой сволочи, охочей до этого дела, вот и приходится по праздникам заниматься работой ФСБ. Мало того, что надо пешочком, ножками, периодически обходить нарезанную тебе «делянку» (проверять подвалы, чердаки, бойлерные, трансформаторные будки и так далее), так еще нужно перетрещать со всем «контингентом» – нет ли каких «левых» движений в нашем районе, все ли путем...

В общем, три дня подряд спал урывками, по три-четыре часа, сутками на ногах. Я не оправдываюсь, просто хочу сказать, что не следует ждать от человека в таком состоянии особой взвешенности и толерантности.

Едем с коллегой по делам на моей раздолбанной «шохе». Время – три часа пополудни, парады и торжественные речи отгремели, публика хаотично бродит, повсеместно пахнет шашлыком, хриплые репродукторы транслируют ностальги-

ческие песни военных лет. Празднично.

Смотрю, сосед мой, дядя Ваня, фронтовик-орденоносец, куда-то целенаправленно ковыляет со своим костылем. Нетвердо этак ковыляет, покачивается – пьяненький уже.

Я фронтовиков здорово уважаю. Есть за что. Это лучшее, что у нас осталось от Союза. Старая гвардия, которая выиграла в чудовищной войне и пережила страшный геноцид русского народа, устроенный бандой нелюдей под предводительством рябого грузинского маньяка. Поколение победителей. Полжизни отдал бы, чтобы принадлежать к этому поколению. У них нет обязательств перед потомками, они отдали долг Родине на десять тысяч процентов. Мне перед ними стыдно. Потому что мое поколение сейчас беспечно прос... ет то, за что они в свое время проливали кровь.

В общем, по этому поводу можно долго расточать словеса, но факт – соседа уважаю и всегда помогаю ему, чем могу.

Короче, остановился, поздравил, спросил, куда путь держит. Говорит – в «Незабудку». Какой-то доброхот там ветеранам стол накрыл. Это кафе на самой окраине, почти в лесу, – отсюда пешком далековато будет, даже для молодого и здорового.

Усадили деда в машину, подвезли до «Незабудки». Пока ехали, он разомлел, носом клюет, зевает. Говорю – может, ну ее, эту «Незабудку», домой поедем?

– Шутишь, что ли? Однополчане ждут, нельзя подводить!

Ну ладно. Проводил его до крыльца, разворачиваюсь...

Вдруг в помещении кафе – «Ту-дух»! По звуку похоже, как из «ГТ» пальнули. Ни фиги себе, гуляют ветераны!

Я оттеснил соседа, осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Шум, гам, дым коромыслом – посреди зала стоит мужик лет сорока, в белом костюме, в руке – «ствол». Мужик – натуральный хач, лицо смутно знакомо, где-то я его видел. Напротив мужика – могучий такой дед, бородатый, седой как лунь, весь пиджак в орденах, в глазах – гнев и презрение, руки скрючены – вот-вот вцепится!

Пояснительная записка по ситуации – это уже потом все стало известно, в ходе расследования.

Мужик в белом – «вор», Зураб Эбуа, «погоняло» по имени. Я его до этого живьем не видел, знал только по ориентировкам, он питерский, приехал в гости к земляку. Между нами, если разобраться, Зураб – такой же «вор», как вы и я. Короновался за деньги, «апельсин», совсем «без понятий» (вор не должен носить «ствол»).

Сидел этот Зураб на веранде (там красивый вид на лес), узнал, что ветераны гуляют, зашел поздравить. От всей души, от чистого сердца. «Подогнал» старикам ящик водки к столу, тост сказал... Да, видимо, немножко не так сказал, как надо...

Тост примерно так звучал, со слов очевидцев: «За Победу, за ветеранов, за великого Сталина, с именем которого вы

шли в бой... Я горжусь, что это мой земляк», и все такое прочее...

Тут один дед возьми и встрянь: «Да сволочь был твой Сталин! Как немец напал, он со страху обос...ся, три дня из сортира не вылезал. Левитан за него речь говорил. И вообще, такие чудовищные потери как раз из-за того, что во главе страны стоял ссыклявый грузин, который от тени своей шарахался. Все фрицам ж... лизал, думал, за его лакейство они на нас не нападут. Его тысячу раз предупреждали, п...са этакого, а он все голову в песок прятал, как страус. А ж..., значит, оставлял снаружи – засаживайте, типа того, кто хочет, я сделаю вид, что ничего не замечаю...»

Обидные слова, правда? А кому в лицо брошены? «Авторитету», «вору».

Короче, Зураб потребовал, чтобы дед свои слова обратно забрал. И вообще, говорит, я не убил тебя за такое оскорбление только потому, что ты наш гость (кафе принадлежит его другу, к которому он приехал). Извинись, не испытывай судьбу.

Дед ему в ответ (дословно, из протокола): «Это русская земля. Я здесь хозяин. Это ты у меня гостем можешь быть. Но нам такие гости на х... не нужны, тварь ты чернож..., так что уе... отсюда, не порти людям праздник!»

Ну вот, примерно в этот торжественный момент я и приоткрыл дверь.

Зураб успел шмальнуть в потолок – дед и ухом не повел, руки тянет, хрипит, сейчас вцепится. Зураб пятится, «ствол» выставил перед собой, сначала просто так, наобум, потом смотрю – целенаправленно поднимает его на уровень головы ветерана (дед высокий – здоровый такой, богатырь). Вижу его профиль: губы в бешенстве закусил, лицо перекошено гримасой. В какой-то момент я отчетливо понял – все, сейчас выстрелит.

Короче, выхватил я «ствол» и спокойно, как в тире, всадил Зурабу пулю в башку.

Все.

На этом моя работа в Балашихе закончилась.

Кто в курсе, уверенно скажут: и не только работа, но и жизнь кончилась. Не жилец ты, паря, на этом свете.

Кто не в курсе, сообщаю: шлепнуть на людях «вора» – это вовсе не то же самое, что, допустим, уложить рядового наркомана, который тащит в переулок девчонку. Пусть даже вор этот «апельсин» – это никого не волнует. Он «вор», за ним стоят «люди» (это они так себя называют – другие, типа того, не люди!), и тот, кто имел неосторожность совершить публично такую глупость, обречен.

Хорошо – семьи нет. Неделю я сидел под «домашним» арестом в кабинете. От дел отстранили, оружие отняли, на улицу выходить запретили. Сообщили, что будут думать, куда теперь меня эвакуировать.

Приезжали из Совета ветеранов ВОВ, заверили, что за ме-

ня встанет вся страна, судилища над геройским опером никто не допустит. Спасибо на добром слове...

Судилища надо мной никто устраивать и не соби­рался. Применение оружия сочли правомерным, рассле­дование провели на диво быстро, в приказе объявили благодар­ность.

И все смотрели на меня как на обреченного. Какое тут судилище... И так приговорен – заочно, без права на кассацию...

Неделя прошла – приехал генерал Азаров из МВД. Вот такой я большой человек стал – такие шишки ради меня в наше захолустье наезжают!

Генерал полистал личное дело, коротко переговорил со мной. Потом зачем-то стал уточнять, сколько раз и при каких обстоятельствах я применял оружие за весь период службы.

Я ответил на все вопросы. Скрывать смысла нет, у него, как я заметил, на меня была подробная справка – видимо, наши кадровики подготовили.

– А что там за история, когда в погранвойсках служил?

Ага, и про это подняли. Ну что ж, шила в мешке не утаишь. Рассказал я и про ту историю. Потом осторожно поинтересовался: а для чего все это?

– Скоро узнаешь. – Азаров как-то неофициально подмигнул мне, вроде бы даже по-свойски. – Собирайся, тебя отве­зут.

– Куда?

– А тебе не все равно? По-моему, тебе сейчас без разницы

– куда.

– Ну, в общем – да. Лишь бы это было подальше отсюда. А еще было бы здорово, если бы никто не знал, куда вообще я делся.

– Это можно устроить. Собирайся...

Ну вот и все. Так я и попал в управление «Л»...

* * *

Черный Яр – небольшой город на границе Московской и Тверской областей, один из самых известных в России наукоградов. Город разделен пополам рекой Волгой, немного выше по течению – огромное водохранилище, плотину делали специально для электростанции, обслуживающей местный научно-исследовательский ядерный центр. Здесь вообще все предприятия так или иначе связаны или напрямую с научно-исследовательской деятельностью в области «ядра», или работают на обеспечение этой деятельности.

Вот на одно из таких предприятий меня и привезли. Вроде бы ехали по городу, свернули в небольшой переулок – смотрю, кругом двухэтажные старые коттеджи, опушка леса, какой-то карьер и – высоченный бетонный забор, насколько хватает глаз, убегает вправо и влево. Металлические ворота на электроприводе, застекленная будка охраны. Что за забором – не понятно, там тоже лес, ничего не разглядишь.

Проверились, заехали, дорога хорошая, «бетонка». Едем

дальше, постепенно вырисовывается окружающая обстановка. Справа и слева – такие же заборы, с сигнализацией и датчиками поверху. Среди деревьев, на аккуратно вырубленных полянках, видны ангары, бетонные корпуса зданий, какие-то технические сооружения. Мимо одного КПП проехали – справа, у дороги, потом мимо второго, третьего... Получается, мало того, что на общем въезде ворота и охрана, так еще каждое предприятие имеет свою отдельно выгороженную территорию и пропускной пункт. Ничего, работает система. Я думал, это уже все в прошлом.

Место, куда меня привезли, называлось «Двадцать седьмая лабораторная площадка». Как и повсюду, здесь отдельный въезд, КПП, застекленная будка, забор с сигнализацией. Ехали мы сюда минут двадцать. Получается, все эти предприятия, объединенные общим производственным циклом, – еще один отдельный город, только уже на самом деле закрытый для посторонних глаз (Черный Яр до недавнего времени имел статус «закрытого города»).

Несколько трехэтажных бетонных корпусов, три ангара, перед ними – огромная бетонированная площадка, с желтой «вертолетной» разметкой (!) посередине. Как и повсюду, здесь везде деревья, аккуратные аллеи с фонариками, в вечернее время все светится. Если не брать во внимание отдельно стоящие ангары и площадку, вполне похоже на уютный дом отдыха. Тихо, воздух свежий, напоенный смолистым ароматом, птички поют.

В корпусе, куда меня определили, верхний этаж был жилой, там располагались номера наподобие гостиничных «полулюксов», на двоих жильцов. В номере две комнаты, гостиная и спальня, телевизор, холодильник, мягкая мебель, санузел с ванной и отдельной душевой кабинкой.

На втором этаже – офисы, библиотека и медицина, на первом – столовая, просторный конференц-зал на полторы сотни человек (он же – кинотеатр, там висел экран и стоял проектор), хорошо оборудованный спортзал и кафе-бар.

Все работало: во всех помещениях, которые я перечислил, находились люди. Людей было немного, но вели они себя вполне непринужденно и занимались кто во что горазд: кто-то там по груше лупил, трое под кольцом мячом стучали, в баре играла музыка, несколько человек беседовали, футбол смотрели, чего-то пили, из столовой аппетитно пахло, а в конференц-зале аж для четверых показывали кино «Бой с тенью». Прошелся я по второму этажу, в кабинете стоматолога кому-то зуб сверлят. Бормашина зудит, но никто не орет. Наверное, хороший доктор. Это радует. Жуть как боюсь зубы лечить. Лучше пусть ножом в ляжку пырнут, чем зуб сверлить!

В общем, все нормально, жить можно.

Меня поселили в номер, человек, который занимался мной, предупредил:

– Не распространяйся, кто ты такой. Будешь знакомиться, назови имя, этого достаточно.

– А если будут спрашивать?

– Не будут.

– Точно?

– Точно. Сам тоже дурных вопросов не задавай, тебе совсем не обязательно знать, кто кем работал и так далее. Понятно?

– Понятно.

– Ну все. Отдыхай. Если какие вопросы по проживанию – администратор на первом этаже...

Сначала решил: пустили меня по «Программе защиты свидетелей». Есть у нас такая программа – власть предрержащие хотят показать всему цивилизованному сообществу, что мы тоже не варвары, печемся о законности, защите интересов граждан и боремся с преступностью. Другой вопрос, что никто из сотрудников никогда не слышал, чтобы эта программа работала. Я как-то пробовал, по простоте душевной, задать начальству вопрос: надо было спрятать одного свидетеля, готового «расколоться» на хороший материал в обмен на гарантии безопасности. Меня обозвали идиотом и посоветовали поменьше смотреть импортные боевики про работу «правильных» полицейских.

А теперь подумал – ага, вот оно! Наверное, вот так она и работает, эта замечательная программа.

Сходил на обед – кормят замечательно, побродил по округе, освоился, на людей посмотрел... Программа, может, и замечательная, но с конспирацией тут у них явно нелады.

Узнал двоих – пересекались на службе, оба сотрудники, молодые-ретивые, один из Долгопрудного, другой из Юго-Западного округа.

Недолго думая, сбегал на второй этаж, к «куратору».

– Я извиняюсь, но... Короче, двоих узнал. Общаться будем – они меня наверняка вспомнят. Я к чему: думал назваться другим именем. А теперь, получается...

– Другим именем – смысла нет, – покачал головой «куратор». – Работать будем преимущественно в этом регионе, по службе придется часто пересекаться с прежними коллегами. Ну и будут тебя все время окликать по настоящему имени. Согласись, масса поводов для возникновения щекотливых ситуаций.

– Да уж, это точно...

– Но ты не расстраивайся. Здесь тебя никто не достанет. Из *здесьних* тебя никто не сдаст. Потому что здесь все сами такие...

Да, это я слишком хорошо о них подумал. Значит, нет никакой программы, а просто – *будем работать?! А еще: здесь все сами такие?! Ну и в какую сторону мы все такие будем здесь работать?*

Пошел, встретился с теми сотрудниками, которых узнал. Они меня сразу вспомнили, даже по имени назвали. Смотрят снизу вверх, благоговейно, как на какого-то рембу.

Ага, понял. Я «вора» уложил. Весь город об этом трещит, я теперь – знаменитость. Не было бы этого эпизода, никто

бы и не вспомнил, кто я такой и как меня звать.

Но «куратор» прав, мне теперь имя менять смысла нет. Потому что прогремел «по самое не могу», все будут мгновенно узнавать и вспоминать.

Парни нормальные, смекалистые, с юмором, пообщались в охотку, вопросов по работе не задавали – видимо, получили такой же инструктаж, как и я. Пошли переоделись, сетку натянули в спортзале. Пока натягивали, публики прибыло – быстренько образовали четыре пятерки и до ужина с азартом рубились в волейбол.

Не знаю, чем мы будем заниматься, но в целом мне здесь понравилось. Жить можно...

* * *

Неделя прошла в таком же спортивно-оздоровительном режиме. Ели-спали, занимались физкультурой, вечером смотрели кино. Народ все прибывал – только не совсем у нас, а несколько наособицу. Между корпусами поставили сетчатые заборы, в заборах – металлические калитки, ключи только у администрации. Прямо как в зоне – «локалки», чтобы не бродили где попало. В нашем корпусе было около трех десятков людей, примерно столько же – в соседнем, и появились они все разом: привезли их в одно утро на «Икарусе». В третьем корпусе тоже кто-то жил, но тех было плохо видно – далековато.

– С соседями пока общаться не обязательно, – такое объявление сделал администратор на завтраке в тот день, когда привезли людей во второй корпус. – Вы, конечно, люди свободные, никто вам ничего не запрещает, но... В общем, это пожелание руководства. Пока – не надо. Начнете работать, там все будет ясно...

«Соседи» наверняка получили такое же предупреждение, но истолковали они его превратно. Полдня они возились с лопатами на лужайке перед своим корпусом, беспощадно выдирали кусты, уничтожали клумбы, таскали какие-то булыжники и к обеду соорудили практически полноценное футбольное поле. А через час после обеда с их стороны к калитке подошел угрюмого вида крепыш и отвясно заорал:

– Эй, опера! Хорош дрыхнуть! А ну давай старшего сюда, для переговоров!

Основная масса «наших» валялась по номерам, набиралась после обеда сил для очередной волейбольной баталии. Короче, многие вышли на лоджию, посмотреть, кто там орет, коротко посоветовались и уполномочили меня сходить к этому горлану, пообщаться. Знаете, я в лидеры не набивался, среди нас были люди и постарше, с опытом, солидные такие. Просто так получилось за эту неделю, что все остальные относились ко мне с каким-то особым уважением. Это все из-за «вора», которого я имел неосторожность шлепнуть.

Спустился я к этому горластому, посмотрел на него вблизи... Что-то личико знакомое. Точно! Он раньше, года

три назад, в СОБРе был, в ЦРУБОП. В общем, несколько раз доводилось участвовать в совместных мероприятиях.

– Оп-па! – горластый, рассмотрев меня, изменился в лице. – А ты не Андрей Горбенко?

– Он самый. А что?

– Ну... Ничего. Просто – респект тебе от всего спецназа. Если что – только намекни. Мы за тебя полстолицы уложим. А другую половину раком поставим...

Да уж... Грубо, но... приятно. Скажу прямо, я всегда побаивался этих головорезов и рядом с ними чувствовал себя неполноценным. Это же машины для убийства, боевые роботы. Они нашего брата – рядового сотрудника – за чмошников держат. Вроде бы одно дело делаем, от нас зависит очень многое, без нас у них просто не будет работы... А все равно относятся всегда с высокомерием, как к низшей касте. Они уважают только себя и подобных себе. Такие люди, что поделаться.

– А ты зря не в маске. Я тебя тоже узнал, ты – Серега Разуваев.

– Да я и не прячусь. Мне без разницы, прятаться уже просто смысла нет. Так что клал я на их конспирацию. Короче, давай – собирайте команду. Мы вас вызываем на футбольный матч. Играем на ящик пива, даем фору – два мяча.

– Это вы нам – фору?!

– Угу. Солдат ребенка не обидит.

– Да мы вас – как тузик грелку...

– Да ну?! Ну давай, раз такие борзые – на два ящика пива, без форы.

– Заметано.

– Ну все, готовьтесь. Начало ровно в шестнадцать ноль-ноль.

– А как к вам пройти?

– Что значит – «как пройти?» Ножками!

– Через забор сигать?

– Зачем? Скажи администратору, пусть откроет.

– Думаешь, откроет?

– Да куда он, на хер, денется! Ну хочешь, я скажу.

– Скажи.

– Будешь подыматься к себе, в дверь стукни – пусть выйдет на пару ласковых...

Так... Да, администратор с Разуваевым даже спорить не стал, мгновенно открыл калитку. Попробуй с таким поспорь! Команду мы собрали бегом, и так же бегом соседи нас вынесли со счетом восемь – два. Ну просто хоккейный счет получился. Играли, кстати, они не грубо, но до их физических кондиций нашему брату – как от Урюпинска до Гваделупы в коленно-локтевой позе. Кроме того, они играли очень слаженно, взаимодействие, как мне показалось, у них буквально на ментальном уровне.

Вот вам и вся конспирация. Соседи наши – это спецназ, особым образом подготовленные и обученные бойцы. Нет, все-таки интересно, чем это таким мы тут будем заниматься?

Через некоторое время, после того как заселились «соседи», мы начали работать.

Для начала нам «спустили» распорядок. И соседей, и загадочных типов из третьего корпуса кормили в нашей столовой, и чтобы мы лишний раз не пересекались, нам всем установили время для приема пищи: первый поток – соседи, потом – мы, последние – хлопцы из третьего корпуса. Завтракаем, потом всех (вот это уже была «обязаловка») загоняют на организационный час в конференц-зал. Так что с людьми из третьего корпуса никто из нас не общался вообще. С соседями тоже общались только на футбольном поле, криками и тычками: поиграли – разбежались, никаких особых отношений не возникало в силу их пресловутой «кастовости», о которой я уже упоминал. Видимо, администрация это понимала, и наши ежедневные футбольные баталии никто не пресекал. Что характерно – люди из третьего корпуса в футбол не играли и спецы даже не предпринимали попыток их приглашать. Загадочные товарищи...

Наладили распорядок, потом объявили штатную структуру и задачи. Довели специфику.

Управление «Л» состоит из четырех отделов: оперативно-разыскного, НТО (научно-технического), физической защиты и обеспечения. Плюс – руководство, офицеры управ-

ления.

Представили начальника нашего отдела. Да, основная масса тех, кто живет в нашем корпусе, – это и есть оперативно-разыскной отдел. За исключением четверых доходят среднего возраста, что компактно ютятся в двух номерах по соседству (это весь штат НТО). Начальник – Владимир Филимонович Доценко, сорок два года, служил в ОБНОНе, потом в ФСКН. Вполне симпатичный дядечка, солидный такой, увесистый, взгляд прямой, открытый, в глазах ум светится. Вроде бы не спесивый, а там дальше видно будет.

Отдел наш состоит из двух отделений: розыска и оперативного. Деление получилось неравномерным: в отделении розыска пятнадцать человек, а у нас – всего семеро. Типа того, семеро козлят. Причем «козлят» – глагол. Шутка.

Угадайте, кто у нас начальник оперативного отделения? Ну разумеется, товарищ Горбенко, лучший в мире истребитель «воров».

Интересно... Неужели наше начальство при назначении руководствовалось именно этим фактом? По деловым качествам я на новом месте проявить себя никак не успел, так что даже и не знаю...

Насчет «Л» кто-то пошутил, что это, дескать, «ликвидация». Шутника мягко поправили: ликвидация – это, конечно, дело хорошее! Возможно, некоторые элементы такого плана в нашей работе и будут присутствовать... Но в целом название взято исходя из основного направления деятельно-

сти управления.

А что это за основное направление? Оказывается – легализация.

Ничего себе новости! Оказывается, мы будем заниматься наркомафией. Но не в том плане, как это делает ФСКН, а несколько иначе.

Перед тем как перейти к задачам, в двух словах обрисую ситуацию – как нам ее представили товарищи из руководства.

Насчет наркомафии все в курсе, про колоссальный оборот наркотиков наверняка слышал каждый, какие огромные там деньги крутятся, вполне можно себе представить. Но так уж привыкли в последнее время, что основной акцент всегда делается на деньгах и обороте. Привычная формула «товар – деньги – товар», человека за ней не видно, ему вроде бы нет места в этой связке.

Между тем наркоман – потребитель вот этого самого товара, на котором мафия делает деньги, – является основанием всей этой огромной и громоздкой пирамиды. Наркозависимый человек – фундамент наркобизнеса, без него этот бизнес просто не может существовать.

Мы будем проводить эксперимент на базе Черного Яра. Если он удастся, эту практику потом запустят в масштабах России. Наша конечная задача, не вдаваясь в подробности всех промежуточных этапов, выглядит примерно так.

Небольшая городская клиника для наркозависимых. Все

наркоманы состоят на учете, на каждого составляется индивидуальный график, по которому человек получает из рук медперсонала бесплатную инъекцию. В последующем с каждым будет постепенно проводиться заместительная терапия по западным методикам (но не метадоновая, сказали, что это порочная практика), одновременно в клинике будет функционировать ознакомительный центр для молодежи и подростков. За бесплатность каждый наркозависимый должен быть готов к участию в публичных мероприятиях агитационного характера и показу по телевидению. Почему наркоманы обязательно пойдут в клинику? Потому что им больше нигде будет взять дозу. Дилерская сеть и оптовики в данном районе и прилегающих окрестностях будут ликвидированы.

В данном проекте преследуются две основные цели.

1) Сформировать правильное общественное мнение по употреблению наркотиков в целом и статусу наркомана в частности. То есть перевести наркомана из разряда изгоя и врага общества в положение, которое он и должен занимать, – тяжело больного человека, нуждающегося в лечении и заслуживающего жалость и презрение. И таким образом (это побочная, но, пожалуй, по значимости даже главная цель) уничтожить в глазах молодежи «крутизну» и престиж употребления наркотиков.

Судите сами. Одно дело – собратиться с кучей единомышленников в подвале и «ширнуться». Это круто. Менты ловят. Тайна. Приобщение к особому кругу «избранных». Вы-

зов обществу. Я треснулся «марочкой» (сожрал «витаминку», «поставился» и так далее), и потому я крут. Это запретно, это манит, это ставит меня в исключительное положение.

Буду ли я крут, если стану трескаться инсулином? Я крутейший диабетик, от меня вам всем приветик! Нет, пожалуй, не буду. Все прекрасно знают, что диабетики – несчастные больные люди, все им сочувствуют и говорят про себя: «Как здорово, что эта участь миновала меня, как славно, что я здоров и не должен таскать с собой инсулин». Инсулин можно купить в любом аптечном киоске, но кому он нужен, кроме больных?

Вот в таком примерно направлении эта программа и должна работать. Убрать к чертовой матери весь этот флер таинственности и крутизны, постоянно показывать по специально выделенному каналу жалких, неряшливых, трясущихся наркоманов с синяками на предплечьях, доходчиво, без зауми, объяснять, что к чему. Хочешь быть таким? Хочешь быть беспомощным, несчастным, обреченным на гниение заживо? Нет проблем. Если это твой выбор, прятаться по подвалам тебе не надо. У нас это теперь легально. Приходи, регистрируйся, мы внесем тебя в список *больных*...

2) Уничтожить наркомафию. Заметили, в вышеуказанной схеме наркомафии просто нет места? Госучреждение – больной, прямой контакт без каких-либо посредников. Всю эту громоздкую пирамиду по добыче денег можно за ненадобностью выбросить на помойку.

Вот так все это выглядит. Просто, правда?

На мой взгляд, обе задачи невыполнимы.

По первому пункту: будет очень трудно приучить обывателя к мысли, что наркоман – это не подонок, добровольно травящий себя гадостью, а тяжело больной человек, заслуживающий сочувствия и презрения. Это я по себе сужу. Я, вообще, подумал, когда управленцы начали разводить бодягу насчет того, что *«...наркозависимый человек – фундамент наркобизнеса, без него этот бизнес просто не может существовать...»*: неужели будем наркоманов отстреливать?! Дело негуманное, конечно... Но, в принципе, если разобраться... Кхе-кхе... Гхм-кхм...

Вот так я, обыватель, отношусь к наркоманам. И таких, как я, – подавляющее большинство. По-другому думают только сами наркоманы, их родственники и мафиози, которые делают деньги на зависимости этих несчастных. Так что, повторяюсь: сформировать правильное общественное мнение – это задачка еще та!

Что касается молодежи. Молодежь всегда тянет на запретное. Это заложено в сущности молодого человека, и это не искоренить ничем. Если что-то разрешить, все равно будут искать другое, что запрещено. Это я опять по себе сужу.

Помню, у нас в детдоме одно время был «продвинутый» зав. Курить разрешил. Курилки сделали, урны поставили. Рассуждал, видимо, так: разрешу, сладость «запретного плода» исчезнет, дети побалуются и перестанут. Неинтересно

ведь, когда не запрещают, не гоняют, не ловят...

Дети и в самом деле курить стали гораздо меньше. Но стали нюхать клей. Причем со страшной силой, это было что-то наподобие эпидемии.

Вот ведь как получилось: гоняли за курево – прятались, изощрялись, это было клево и весело. Случаи употребления клея были крайне редки, потому что это вообще было что-то запредельное (уже значительно позже, общаясь с ребятами, я узнал, что теперь это стало нормой практически во всех детдомах). А разрешили курево – перешли на клей. Полагаю, если бы разрешили клей – вскорости весь детдом начал бы в массовом порядке колоться...

По второму пункту: напомним, я восемь лет опером работал. Кое-что в этом деле понимаю. Я лично знал людей, которых за «неправильное» изъятие просто убивали. Да, именно так, никаких там разборок, «наездов»: изъял сотрудник ОБНОН полкило героина, заактировал, а на другой день его шлепнули прямо во дворе родного дома. Потому что изъял не то, что можно, *без договора* действовал, «выставил» уважаемых людей на деньги. А когда расследование проводили, начальник его развел руками и прямо заявил: что поделать, действовал на свой страх и риск – не согласовал. Вот видите, к чему такая самодеятельность приводит...

Это я к тому, что отдельно взятой наркомафии у нас в стране, как таковой, просто нет. У нас в это грязное дело так или иначе вовлечена огромная армия людей, поставлен-

ных государством с этим делом бороться. Нет, я не говорю, что все поголовно, что вы! Упаси бог клеветать на коллег. Всех поголовно туда просто не подпускают. Это определенный уровень.

Пример из личной практики. В рамках одной разработки нечаянно берем совершенно «левого» товарища, не вовремя явившегося в адрес, с которым мы работаем. У товарища при себе аж пятьдесят граммов кокаина (кто не в курсе – это много и дорого). Мы не эксперты, но и так понятно. «Кокаин?» Товарищ соглашается: «Да, кокаин». – «Чей?» – «Мой. Люблю, знаете ли, побаловать себя, „снежком“ попудрить носик, не могу без этого...» Причем даже не пытается юлить и оправдываться, сволочь, держится очень независимо, требует, чтобы ему дали позвонить, и обещает, что если мы его не отпустим прямо сейчас вместе с его «баловством», то здорово пожалеем об этом.

Поскольку товарищ нерусский и ведет себя при этом как хозяин нашего города, мы его маленько воспитываем, в пределах нормы, оформляем изъятие и сдаем. Мы люди бывалые: предварительно сами везем порошок в лабораторию, в присутствии задержанного получаем заключение – и только потом уже сдаем все это добро куда следует.

А назавтра нас берет в оборот УСБ, и на всех заводят дело за превышение. Товарищ оказался кристально чистым, законопослушным, никакого кокаина у него не было, а мы просто поймали его и издевались. Экспертиза? А нету. Какая,

на фиг, экспертиза?! Вы что, такие пьяные были, что ничего не помните?!

Это один из множества подобных эпизодов. Просто небольшая иллюстрация: зачем вовлекать в это дело всех поголовно, когда можно пустить к кормушке только избранных, у которых в руках рычаги, и все будет тип-топ. Остальных же, если ненароком подойдут близко, можно просто пинать сверху – не лезь куда не надо, вшивый опер, занимайся своей пузатой мелочью!

Так что по второму пункту большущий вопрос. Одна из колоссальных составляющих наркомафии – государевы люди. Без них наркомафия просто не могла бы существовать. «Уничтожить наркомафию»... Это что же, будем делать тотальные чистки в своих же рядах?! Как в пресловутом тридцать седьмом? Занимательно...

Мои сомнения по этому поводу отчасти разрешились, когда нас ознакомили со спецификой.

Специфика: существование любой мафии без спайки с госструктурами и правоохранительными органами невозможно, это аксиома. Наркомафии – тем более. Мафия, собственно, это не просто структура «оптовик – дилер – сеть». Это не мафия, а обычная ОПГ. Мафия – это ОПГ плюс «свои» большие и малые люди в органах, плюс курирующие все это дело государственные чиновники самых разных рангов.

Посему рассчитывать на помощь местных органов не при-

ходится. Более того, во избежание каких-либо нюансов следует считать всех представителей местной правоохранительной системы и органов государственного управления потенциальными врагами. Ввиду этого следует соблюдать полное инкогнито и всячески избегать контактов с вышеуказанными врагами. Вопросы?

Нормально... А как работать? По опыту: если пара чужих людей в небольшом районе с устоявшимся «контингентом» начнет проявлять даже незначительную активность, примерно дня через три местный опер будет об этом знать. Если только он не полный забулдыга и хоть чуть-чуть работает. Нас здесь – не пара, и активность, я думаю, будет весьма значительная.

По этому пункту эксперты нам пояснили: данный вопрос учтен, можете не волноваться. И вообще, многие процедурные вопросы продуманы до мелочей по всем параметрам. Черный Яр не зря выбран в качестве плацдарма для эксперимента. Здесь масса закрытых предприятий с особым допуском, куда даже директора ФСБ не пустят без соответствующего разрешения, не то что там каких-то местных сотрудников. Наше управление имеет статус совершенно секретного КБ с автономным производственным циклом, так что делайте выводы.

По поводу активности. Особенности методики оперативной работы на местной «земле» начальник нашего отдела знает, по ходу дела все объяснит.

Далее. Черный Яр выбран в качестве экспериментальной площадки еще и потому, что тут рядышком, под боком, располагается мощный узел наркотрафика буквально «всесоюзного» значения – Торквелово. Проводить подобный эксперимент где-нибудь в захолустном сибирском селе было бы проще простого. Ставь клинику и объявляй об успешном выполнении задачи.

А здесь все будет очень наглядно. Вот он, враг, подходи на дистанцию штыкового боя и нарабатывай методику борьбы с наркомафией во всероссийском масштабе. Борьба будет не на жизнь, а на смерть, здесь крутятся огромные деньги и задействованы могучие силовые резервы, которые нам придется преодолеть.

По специфике более-менее понятно. Теперь задачи. Задачи вроде несложные, вполне укладываются в рамки обычной оперативной работы – за одним маленьким исключением...

Задачи первой очереди:

– определение группы потребителей (наркозависимых), организация их учета и сортировка по категориям (короче, кто чем трескается). Выявление дилерских сетей по «товарным группам» («травы», опиаты, «синтетика» – обычно каждым видом занимаются разные люди, но не факт, могут одни и те же все гнать), выявление поставщиков-оптовиков, параллельно – создание клиники.

Задачи второй очереди:

– ликвидация дилеров и оптовиков. Начало работы кли-

ники. Выявление мафиозной составляющей в госструктурах и силовых ведомствах (они начнут разборки чинить по дилерам и оптовикам и наезжать на клинику, вот сразу и выявим). «Оборона» клиники силами отдела физической защиты. Ликвидация мафиозной составляющей.

Задачи третьей очереди:

– выявление возможных каналов новых поставок всяческой отравы. Жесткое пресечение попыток возобновления поставок. Оперативный контроль за ситуацией в нашем «городе без наркомафии» и оборона от всяческих попыток враждебного вторжения извне. На первых порах такие попытки ожидаются в изобилии.

Вот и все. Вся специфика и задачи.

Термин «ликвидация» мне понравился. Хороший такой термин, добротный... На правах вновь назначенного начальника отделения я поинтересовался, что именно следует понимать под этим термином. Например, что имеют в виду уважаемые руководители, говоря «ликвидация дилеров и оптовиков»? Мы что, их «мочить» будем?

Руководители, переглянувшись с начальником нашего отдела, застенчиво улыбнулись и ответили:

– А это уж как получится. Если не будет иных вариантов решения задачи – значит, «мочить». А что, есть какие-то сомнения на этот счет?

Интересное дело! Нет, сомнений нет, все это правильно, но... У нас обычно все наоборот: насчет применения – толь-

ко в крайнем случае, в порядке исключения... А тут – на тебе...

– А какие у нас полномочия? Мы, вообще, как будем позиционироваться? Я так понял, если мы собираемся работать нелегально, у нас не будет ни удостоверений, ни защиты в случае какого-либо «прокола» или явного преступления, допущенного при выполнении служебных обязанностей...

– Все у нас будет, товарищ Горбенко, – твердо пообещал начальник отдела. – И удостоверения с указанием управления, и перечень утвержденных в законодательном порядке полномочий... И будь уверен – никто не даст тебя арестовать, если даже ты шлепнешь в центре города пару покровителей наркомафии в генеральских погонах.

Вот так даже... Ну не знаю. Никогда еще в таких условиях работать не приходилось, поэтому верится с трудом. И вообще, мне вот эта «нелегальщина» немножко того... На мой взгляд, тут явно пахнет волюнтаризмом. Как-то все это: «эксперимент», «борьба с наркомафией в отдельно взятом городе» и «мочить всех подряд» – выглядит не очень серьезно. Игрушки это вам, что ли? С наркомафией собрались бороться... Какой-нибудь сановный затейник решил себя проявить? Так ведь, как только дело коснется первого попавшегося покровителя с Большой Дмитровки, сразу всем под зад дадут! Затейника, если в чинах, отправят в отставку, а все рядовые, кто успел натворить дел, попадут под такую раздачу, что мама не горюй!

Думаю, взгляды остальных сотрудников выражали примерно то же самое.

– Я так понял, что есть сомнения по поводу легитимности всего нашего предприятия, – сделал вывод один из управленцев. – Ну, это не проблема. Думаю, нужна встреча с руководством. Тогда все вопросы отпадут...

Назавтра, в половине двенадцатого, нас всех собрали в конференц-зале. Всех – это я имею в виду и соседей, и загадочных хлопцев из третьего корпуса. Рассадили так: наш отдел и НТО – на первых местах, три ряда пустых, затем – спецы Разуваева, опять три ряда пустых и самые последние, позади – товарищи из третьего корпуса. Их было человек тридцать, и все – в черных вязаных шапочках с дырками для глаз...

– А шо такое, пацаны, замерзли? – сразу прицепился хулиганистый Разуваев. – Может, оперов попросить, пусть одеяла приволокут?

На этот безобидный «прикол» задние ряды ответили ледяным молчанием, и бесшабашный Разуваев даже несколько стушевался.

– Какие мы нежные... Гхм-кхм... Ну че, опера, вазелин приготовили? Тут Андрюха давеча стращал меня матч-реваншем...

К двенадцати подъехало начальство. Начальство было такое, что основные вопросы по легитимности снялись разом. Шестеро генералов аж из трех ведомств, и все шестеро – де-

путаты, трое широко известных представителей правительства, и на десерт – сам председатель Совбеза.

Председатель представил начальника управления – генерала Азарова (это тот самый, что забрал меня из Балашихи), объявил, что наше управление пользуется правами самостоятельного ведомства, в силу «технических» причин не подотчетно ни МВД, ни ФСБ и замыкается напрямую на правительственный комитет по безопасности. По МВД понятно, что это за причины – наше родное ведомство насквозь коррупция проела. А насчет ФСБ, не знаю, я не в курсе, может, просто не доверяют.

Затем председатель довел наши основные задачи, разъяснил специфику и начал было объяснять, какие на нас возлагаются надежды, но в этот момент с улицы послышался рокот заходящего на посадку вертолета.

– Ага, – председатель посмотрел на часы. – Ну, сейчас вам все объяснят более красочно и доходчиво...

«Вертушка» села – рокот не успел стихнуть, в конференц-зал вошел господин Зубов собственной персоной, в сопровождении небольшой свиты. Ну, е-мое, у нас на костре – лучшие люди села! Никогда не думал, что мне придется видеть персону такого ранга буквально в десятке метров от себя.

Зубов толкнул речь.

«Вы – последняя надежда... Это война на уничтожение... Вы – авангард всего лучшего, что мы можем противопоста-

вить этой заразе...»

Речь была без бумажки, сумбурной, прочувствованной, искренней и ввиду этого весьма зажигательной. У меня, помнится, даже слезы на глазах проступили. Но не по поводу присутствия такой значительной персоны.

Просто все мы прекрасно знали, что случилось с его дочерью. Об этом знала вся страна.

Правильно говорят, народ у нас не любит своих правителей. Правители – сволочи, это даже не вопрос, это аксиома.

Но народ у нас отзывчивый к чужому горю. Если даже Зубова пригласили просто в качестве пиар-хода, то тот, кто придумал это, рассчитал все очень верно.

Мы в первую очередь воспринимали его как несчастного отца, дочь которого, не будучи наркоманкой и, вообще, вся из себя правильная и хорошая, в результате какого-то чудовищного недоразумения погибла от передозировки.

Никаких комментариев и других гарантий нам уже не требовалось: Зубов был лучшей гарантией и комментариями. Думаю, у остальных тоже вопросов больше не возникнет. Теперь понятно, откуда вообще пошла вся эта крамольная инициатива – взяться не по-детски за наркомафию и показать всем этим ублюдкам, кто в стране хозяин...

Глава 4

Бюро

Руководствуясь суровой критикой постоянных читателей серии, биографические данные, а также предысторию команды, даем в усеченном виде: ровно столько, чтобы тем, кто впервые взял книгу в руки, было понятно, о чем идет речь.

Команда, с которой вы познакомитесь двумя абзацами ниже, была создана в августе 2002 года стараниями молодого и чрезвычайно пробивного спецпредставителя президента по ЮФО (для своих – Витя, а фамилию не скажем, это военная тайна) для решения ряда «специфических задач». В основу формирования был положен принцип селекции так называемых «социометрических звезд отрицательной направленности». Проще сказать, собрали в кучу самых отчаянных негодяев, которые давно проели плешь своим командирам и начальникам, и заставили работать во благо общего дела.

Сразу оговоримся – для тех, кто впервые знакомится с командой, – это не какой-нибудь там наикрутейший спецназ, который сутками напролет все подряд взрывает и пачками валит злобных врагов Отечества. Основной задачей данного формирования, как прежде, так и на нынешнем этапе жизнедеятельности, является добыча закрытой ин-

формации нестандартными методами.

Итак, знакомьтесь. Нумерация по позывным, безо всяких предпочтений.

№ 1. Иванов Сергей Петрович. Сорок четыре года, женат, двое детей. Полковник, до недавнего времени начальник оперативного отдела контрразведки Северо-Кавказского военного округа. В настоящий момент числится на генеральской должности в Главном управлении военной контрразведки, но в собственной должности не был ни дня. Сразу с Кавказа бессрочно откомандирован (с сохранением жалованья и всего соцпакета по постоянному месту службы) в распоряжение спецпредставителя Президента РФ по ЦФО. Сразу оговоримся: остальные члены точно так же откомандированы туда же, с пребыванием в штате по прежнему месту службы.

Пожалуй, самый приличный товарищ в команде, без каких-либо сдвигов. Главарь всей этой банды. Взяли за то, что умница и прекрасный аналитик. Дополнительные характеризующие черты: неплохо стреляет и слышет большим либералом (при условии, что подчиненный – тоже умница). Страдает аллергией на дешевые сигареты и идиотов.

№ 2. Васильев Семен Глебович. Сорок три года, холост. Подполковник, начальник инженерной службы ДШБр (десантно-штурмовой бригады). Специализация – взрывотехника, а вообще – просто золотые руки, из пачки гвоздей и отрезка канализационной трубы может миномет собрать.

Соавтор семи пособий по саперному делу. Во время прохождения службы в Афганистане был два месяца в плену. Взорвал базу моджахедов, на которой содержался. Бежал, прихватив с собой двух оставшихся в живых контуженных охранников, месяц прятался в горах. Непонятно как выжил, ушел от всех облав, добрался до своих, в процессе путешествия обоих моджахедов... съел. После лечения в психбольнице вернулся в строй, живет в «горячих точках», дома – проездом. Хобби: любит в пьяном виде, с завязанными глазами разминировать МВУ (минно-взрывные устройства) повышенной категории сложности.

Дополнительные характеризующие черты: болезненно свободолюбив, не выносит хамов, отсюда постоянные конфликты с начальством. Терпят исключительно ввиду высочайшего профессионализма – другого такого, пожалуй, во всех Вооруженных Силах не сыщешь.

№ 3. Петрушин Евгений Борисович. Тридцать восемь лет, холост. Майор, зам по БСП (боевая и специальная подготовка) командира седьмого отряда спецназа ВВ. ПрофорIENTATION – специальная тактика. Прозвище – Гестапо. Живет там же, где и Глебых, дома – проездом. В Первую чеченскую три недели был в плену, сидел практически в самой южной точке республики, высоко в горах. Не уколошили сразу только потому, что хотели обменять на известного полевого командира. Посидел три недели – надоело, вырезал всех лишних и удрал. Обозначил ложное направление движения, обманул

погоню, забрался во двор хозяина района – одного из полевых командиров, наглухо упразднил охрану, самого командира взял в заложники и, пользуясь им, как живым щитом, на его же джипе добрался до расположения наших. Командира сдавать не пожелал – застрелил на глазах бойцов блокпоста. Видимо, был не в настроении.

Хобби – пленных не брать. Вернее, брать, но до штаба не довозить. Есть информация, что лично любит пытаться пленных, и вообще слывет мастером допросов. Даже самые крутые горные орлы «раскалываются» на пятой минуте общения. Видимо, отсюда и прозвище. Обладает молниеносной реакцией, специалист практически по всем видам стрелкового и холодного оружия, бесстрашен, беспощаден к врагу и слабостям соратников. Персональный кровник девяти чеченских тейпов. Имеет маленький пунктик: вызывать на дуэль плохо обращающихся с ним старших чинов. Понятное дело – на дуэль с этим головорезом согласится не каждый, да и закона такого нету! Но прецедент, как говорят, место имеет...

№ 4. Воронцов Константин Иванович. Тридцать восемь лет, женат, двое детей. Майор, военный психолог. Кадровый военный, психологом стал, заочно окончив столичный «пед». Единственный в войсках доктор наук, проходящий службу в действующей части.

Среди своих имеет обусловленные профессией прозвища – Псих, или Доктор. Автор двух диссертаций, имеет нехо-

рошее отклонение: страшно не любит тупых начальников и подвергает их всяческой обструкции. Прекрасный педагог, мастер психологического прогноза, специалист по переговорам в экстремальной ситуации и так называемым «обменам». В начале второй кампании был в плену: на переговорах взяли в заложники. Посидел пять дней, от нечего делать расколупал психотипы охранников и каким-то образом умудрился так их поссорить меж собой, что те вступили в боестолкновение с применением огнестрельного оружия. Проще говоря, перестрелялись. Психолог, воспользовавшись суматохой, завладел оружием одного убитого стража и принял участие в ссоре – добил двоих раненых. И удрал, прихватив с собой других пленных. Короче, хороший солдат.

№ 5. Крюков Василий Иванович. 28 лет, холост. Майор, начальник разведки энской бригады. На должность назначили в конце прошлого года, хотя ВРИД ходил года три. Мотивация была простая: молодо выглядит, да и вообще... хулиганит маленько. Имеет репутацию отъявленного грубияна и задиры.

Потомственный сибиряк-охотник, мастер войсковой разведки, недоброжелатели утверждают – мутант, ночью видит, нюх как у собаки. Может бесшумно перемещаться по любой местности, сутками напролет лежать без движения, прикинувшись бревном, «читать» следы и так далее. Дерсу Узала, в общем, войскового разлива.

В жизненной концепции Крюкова отсутствует пункт, необходимый для успешного продвижения по службе. Вася не признает чиновничества и относится к людям сугубо с позиции человеческого фактора. Если человек достойный, но всего лишь солдат, Вася будет пить с ним водку и поделится последней банкой тушенки. Если же это генерал, но хам и «чайник» в своей сфере, Вася запросто выскажет ему в лицо свое мнение или просто пошлет в задницу. В общем, тяжелейший случай.

Если подходить к вопросу с официальной точки зрения, Вася – военный преступник и полный кандидат в группу «Н» (склонен к суициду). Примеры приводить не станем, это долгая история. Вот наиболее яркий: как-то раз, чтобы разгромить базу боевиков, скоординировал нашу артиллерию метр в метр на точку своего нахождения!

Особенности: страдает графоманией. Сочиняет жутко скабрёзные стихи и два года подряд рождает военно-полевой роман. Если таковой вдруг когда-нибудь родится, все, вместе взятые, литературные грубияны страны могут отдышаться...

№ 6. Старший лейтенант ГРУ Кочергин Сергей Александрович. Выглядит как минимум на тридцать. На самом деле парню в апреле сего года исполнилось двадцать три года. Взрослый товарищ. Выпускник МГИМО. Из семьи высшего столичного света. Холост, естественно.

Плюсы: свободно владеет чеченским, английским, араб-

ским и фарси. Отменный рукопашник и стрелок. В совершенстве знает компьютер. В общем, полезный малый. Дополнительные характеризующие особенности: несмотря на светское воспитание, в некоторых случаях склонен к силовому решению конфликтов. Было дело, избил двоих полковников своего ведомства, якобы оскорбивших его сослуживца. Кроме того, если верить оперативным данным, в биографии молодого человека имеет место какой-то расплывчатый эпизод с десятком трупов чеченской принадлежности. Эпизод четырехлетней давности, нигде официально не значится, но информация присутствует. Будучи еще гражданским лицом, находился в плену на базе Умаева-младшего (Итумкалинский перевал). Организовал и возглавил побег (опять оперативные данные, фактов нет) полутора десятков пленных, в результате которого небольшой отряд Умаева был полностью уничтожен. Больше ничего по нему нет.

№ 7. Васильева Елизавета Юрьевна. Уроженка Санкт-Петербурга. Майор ФСБ. Двадцать восемь лет, вдова. Муж, полковник ФСБ, погиб при выполнении особого задания в конце Первой чеченской. Детей нет.

Специалист по радиоэлектронике, устройствам видеонаблюдения и аудиовизуального контроля (читай – шпионской техники). Владеет английским, разговорным чеченским, сносно знает турецкий (и, соответственно, азербайджанский). Серебряный призер Северо-Западного управления по стрельбе, мастер спорта по биатлону. Хобби – китайская философия,

у-шу, макраме.

В свое время была сослана в команду за нанесение «тяжких телесных» непосредственному начальнику. Вроде бы этот непосредственный воспылал к Лизе нездоровой страстью и пытался в условиях командировки неправильно воспользоваться своим служебным положением. Такое частенько случается: вдали от семьи, на чужбине, дивчина симпатичная и так далее...

Однако что-то там у них не заладилось. Задумчивая Лиза к начальственным поползновениям отнеслась без должного понимания и... прострелила непосредственному мошонку. Из табельного оружия. Трижды. И, как утверждает пострадавший, сделала это без какого-либо оттенка скандальности. Задумчиво улыбаясь и глядя вдаль туманным взором. Вот такая тихоня.

№ 8. Ростовский Валерий Иванович. Вдовец. Отличный спортсмен. Единственный в команде штатский товарищ. Однокашник Воронцова и Петрушина, в прошлом – офицер спецназа, затем оперуполномоченный убойного отдела, последнее место работы – горнолыжный инструктор. В некоторой связи с деятельностью команды потерял работу, оказал ряд неоценимых услуг, за что и взят в штат. Товарищ полезный: хорошо знает Москву и область, имеет неплохие связи в правоохранительных органах, владеет спецификой оперативно-следственной работы.

Все, по составу полный расклад.

Теперь пара слов о большом мужике Вите. Сразу, чтобы не было никаких недомолвок: Витя – бывший чекист, человек из Питерской Команды, лицо, особо приближенное к Хозяину. А то знаете, как бывает – подпустят туману и намекают постоянно: высокое покровительство, какие-то там офигенные связи, потому, мол, все и решается на раз... Нет, тут все просто и ясно, хотя, если честно, на раз или даже на раз-два-три что-то решается крайне редко, а в норме – с большими потугами и страшным скрипом.

В свое время Витя пытался единолично бороться с разнообразными иноразведками и их вредными резидентами на Северном Кавказе. Потом парню на Кавказе стало тесно, и он решил, что пора перебираться в центр и попробовать свои силы в каком-нибудь очередном грандиозном предприятии. Пробовал силы в качестве спецпредставителя Президента по ЦФО, одновременно будучи председателем Государственной комиссии по борьбе с коррупцией.

Команду перетащил с собой в полном составе. Не потому, что полюбил всех, как братьев, а просто привык. Удобно, знаете ли. Надежный, проверенный агрегат для решения разного рода вопросов. Если обратиться к практике повышений, такое зачастую случается даже без учета какой-либо полезности той или иной составляющей прежнего бытия. Человек получает новую должность, переезжает в новый кабинет – и тащит с собой, допустим, какие-нибудь старинные часы с кукушкой или обшарпанный письменный

прибор. Ему бы, конечно, новые аксессуары дали, современные, красивые, эргономичные и так далее... Но он привык к старым вещам. Они удобны, и в некотором роде уже не просто вещи. Они – свидетели карьерного роста, сожители, соучастники, если хотите. А все новое, кстати, надо осваивать, подгонять под себя, доводить до ума, тратить на это достаточно много времени.

Будучи главой Государственной комиссии по борьбе с коррупцией, своенравный Витя вел себя не самым лучшим образом. Как бы это помягче... В общем, порой не совсем корректно обращался с некоторыми господами из разряда сильных мира сего.

Интимные детали опустим, сразу сообщаем результат: вышеуказанным персонам и их кругу это здорово не понравилось и, несмотря на довольно большие достижения на избранном поприще, Витю решили наказать.

Совсем упразднить его не получилось – сам персона высшего ранга, член «клана», заслуженный деятель и прочая, и прочая.

Но в почетную ссылку отправили. В настоящий момент, номинально оставаясь в статусе спецпредставителя Президента по ЦФО, Виктор Николаевич занимает должность ректора НИИ стратегических проблем развития стран СНГ.

Имелась робкая надежда, что команду в полном составе вернут к месту постоянной службы. Всем порядком надо-

ело состоять в полугражданской организации и заниматься черт знает чем (просто не те люди, чтобы радоваться безделью).

Однако Витя, не изменивший своей дурной привычке переезжать на новое место со старым инвентарем, сообщил уже паковавшему документы Иванову:

– Я там смотрел штат... Короче, у них там какое-то дебильное структурное деление: не отделы, а кафедры. И никто не знает, чем занимаются соседи!

– А зачем вы это мне говорите?

– Вы правильно делаете, что собираетесь, – мы переезжаем. Я решил внести новацию. Будет им новое подразделение – бюро.

– Бюро?

– Да. Это вы. Привыкайте к новому названию: Экспертно-аналитическое бюро...

* * *

Иванов вошел в огромный вестибюль, отделанный черным мрамором, и привычно проследовал к турникету. Дежурно улыбнувшись девице в оконце справочной, приложил пластиковый прямоугольник пропуска к экрану детектора и миновал линию охраны. Секьюрити за стойкой, оживленно обсуждавшие турнирную таблицу, даже не посмотрели в его сторону.

Нормально. Гаси, террорист, полковника Иванова (на генеральской должности, кстати), бери пропуск и заходи. Никому до тебя нет дела. А на третьем этаже, между прочим, располагается бывшая Команда № 9, за голову каждого представителя которой некоторые «одиозные» деятели готовы с ходу выложить немалые деньги.

Иванов чертыхнулся, с досадой покачал головой и стукнул по кнопке вызова лифта. Нет, жить, конечно, можно... Работа не пыльная, платят вдвое больше, чем на фактическом месте службы, исполнением обязанностей никто не напрягает... Но вот эта бардачная безалаберность гражданских организаций иногда достает. Попроситься, что ли, в коменданты этого заведения да показать всем этим шпакам, где раки зимуют? Так ведь не возьмут – у них, кажется, и должности такой нет...

Третий этаж, широкий длиннющий коридор, цветной паркет вековой давности, ковровая дорожка. По обеим сторонам коридора – массивные двери из потемневшего от времени дуба, с бронзовыми табличками. Заходим в этот коридор, идем до небольшого холла с фикусами и кожаными диванчиками. Справа – выход в лоджию, слева – свежая дверь под орех. На двери, сверху, – герб (двуглавый орел – золото на вишне), чуть ниже, под стеклом, огромными буквами – «РОССИЯ», еще ниже, практически на уровне пупка Петрушина, петитом на скромной латунной табличке – «Экспертно-аналитическое бюро».

Не стоит обольщаться: это только буквы большие да местечко несколько наособицу. На самом деле эта дверь на третьем этаже вовсе не самая главная. Еще в феврале здесь было три общественно полезных помещения, каждое с отдельной дверью: туалет с курилкой, склад инвентаря и «ксероксная».

Теперь на этом месте располагается ЭАБ (Экспертно-аналитическое бюро), а туалета с курилкой на этаже нет. Все вынуждены спускаться на второй этаж. Неудобно.

Однако никто из старожилов не попрекает членов Бюро этим печальным фактом. И вообще, команда Иванова пользуется в институте непререкаемым авторитетом. Спросите в кулуарах мнение любого «аборигена», вам непременно скажут: ну что вы, «Русское бюро» – это круто! Это ребята что надо.

Согласитесь, про любимчиков нового босса такое вряд ли скажут. Это определенным образом характеризует. Попробуйте придите в новый коллектив и на ровном месте завоюйте в нем за три месяца такое отношение.

К уважению вернемся чуть ниже, объясняем, почему – «Русское бюро».

Вступив на территорию института и слегка освоившись, наши наблюдательные товарищи обнаружили некоторую странность в существующем порядке вещей. Как верно заметил новый руководитель данного учреждения (да Витя же, Витя), все подразделения здесь в соответствии с обычным институтским делением звучно именовались кафедрами. Ка-

федра стран Азии – две третьих второго этажа (там еще администрация располагается), кафедра стран Балтии – целиком третий этаж, Грузия, Армения, Азербайджан – четвертый, Украина, Белоруссия, Молдова – пятый.

Кафедры России в институте не было... То ли у России отсутствуют стратегические проблемы развития, то ли она не совсем страна СНГ, но факт – не было такой кафедры!

Данное обстоятельство вызвало у членов Бюро недоумение. Инициативный Вася Крюков предложил скинуться с «подъемных» и упразднить это странное недоразумение.

Скинулись, упразднили. Орел – РОССИЯ – Экспертно-аналитическое бюро.

– Ну вот, теперь у нас есть «Русское бюро», – рассеянно заметил завкафедрой стран Балтии, по старой памяти прибежавший в холл «привязать коня». – Сортир, правда, упразднили... Но хоть что-то русское появилось в нашем заведении. Кафедры, конечно, нет, но хоть Бюро... Короче – давно пора!

Так, с легкой руки завкафедрой стран Балтии, все стали именовать новое подразделение «Русским бюро».

Теперь пара слов об уважении. Сотрудники других подразделений понятия не имеют, чем занимается «Русское бюро». Интересоваться такими вещами в данном учреждении не принято (исследование стратегических проблем, в числе прочего, предполагает и действия разведывательного характера, отсюда и соответствующая этика отношений), так что

об уважении за какие-то особые профессиональные качества речь не идет.

Речь идет о физкультурном досуге. У НИИ есть прекрасная спортивно-оздоровительная база за городом, а в самом институте имеется отличный спортзал. НИИ по праву гордится своей сборной по волейболу, которая не первый год прочно держит первенство среди столичных и областных научно-исследовательских учреждений. Так вот, с момента своего возникновения Бюро засаживает всем институтским командам и самой сборной в буквальном смысле «в одну калитку».

– Да уж, эти ваши звери из «Русского бюро» жгут не по-детски, – с большим уважением заметил зам ректора по научной работе – капитан сборной.

Собственно, шороху наводит не все Бюро, а конкретное трио: Лиза – Ростовский – Петрушин. Лиза – единственная дама в институтских командах, и мало кто может взять ее подачу. «Блок» Петрушина над сеткой подобен титановому противоположному щиту, а Ростовский «гасит» так, что все оппоненты в ужасе приседают и прикрывают голову руками. Но более всех страшен мелкий Вася Крюков. Толку в игре от него немного, но он так жутко орет во время чужих подач, что оппоненты теряют присутствие духа и часто ошибаются – то в сетку запулят, то в потолок.

Однако только лишь волейболом наши физкультурно озабоченные товарищи не удовлетвоались. Побывав на заго-

родной спортивно-оздоровительной базе, они с удивлением узнали, что сие живописное местечко традиционно используется для пикников и корпоративных вечеринок, не постоянно, а от силы пару раз в месяц. Все остальное время там живет полупьяный сторож Игнат.

– Вот же уроды! – констатировал Петрушин и тут же поставил задачу Ростовскому: – Наведи мосты со своими «динамовцами», давай сделаем здесь что-нибудь путное...

Ростовский быстренько соотнесся со своими приятелями из «Динамо», достиг принципиального соглашения, и всю неделю члены Бюро вкалывали на базе, оборудуя полигон. Ректор выделил два грузовика, приятели Глебыча подарили мешки, Серегины знакомые бесплатно отдали целый вагон старых автомобильных покрышек.

Полигон получился на славу, и в следующую субботу на спортивно-оздоровительной базе НИИ был организован первый пейнтбольный турнир. Мероприятие всем понравилось и с той поры вошло в традицию: каждую субботу на базе НИИ в обязательном порядке устраиваются пейнтбольные баталии, на которые съезжаются команды едва ли не всех НИИ столицы и области, а также спонсоры – «динамовцы». Сборной института по праву руководит Петрушин, и она стабильно сидит в тройке лидеров.

Вот вам и уважение. Ребята из Бюро, может быть, чучела варанов готовят для Экспоцентра или колотят орехи телефонными трубками – это совершенно никого не волнует.

Зато по части спортивного досуга – полный респект.

– Свои люди, с такими не пропадешь!

Нашим тоже неплохо. Если по линии профессиональной деятельности особыми успехами похвастать пока не получается, то в плане физподготовки у них полный порядок. Четверг – волейбол до упаду, суббота – пейнтбол до потери пульса, вторник – вторая половина дня и до полуночи – стрельбы на полигоне дивизии Дзержинского. Петрушин договорился: у него там в учебном центре каждый второй – боевой брат, а каждый первый – бывший сослуживец. Так что, если насчет результативной работы еще бабушка надвое сказала, то хотя бы о том, чтобы слегка поддерживать форму, уже позаботились. И это радует...

Да, следует, наверное, пару слов сказать и о работе.

У нас сейчас не Средневековье, просто так, на ровном месте, содержать команду профессионалов для личных нужд не дадут никому. Даже государеву человеку такого ранга, как Витя. Будь ты хоть личным другом президента или общепризнанным и горячо любимым наргером (народным героем), но или крепко обоснуй необходимость существования данной штатной единицы, или распускай всех по прежним местам службы.

Обоснование для функционирования своего любимого инструмента Витя придумал играючи: исследование процессов, представляющих угрозу национальной безопасности страны. Согласитесь, дело нужное и важное, под такое обос-

нование можно попросить целый полк в личное пользование, не то что какое-то там бюро. А вот по специфике были вопросы, особенно на первых порах. Процессов, содержащих в себе прямую или косвенную угрозу национальной безопасности страны, у нас – вагон и маленькая тележка. Структур и организаций, которые занимаются аналогичной деятельностью (исследованием вышеуказанных процессов) – тоже хватает. Занимаются, надо заметить, совершенно безуспешно, какая-либо реальная польза от этих исследований отсутствует напрочь.

Чем заняться и как проявить себя? Как показать результат там, где до тебя все остальные потерпели фиаско или выдавали на-гора круглый нуль в сумме? Для чиновника любого ранга это вопросы далеко не праздные. Об их, чиновников, полезности судят именно по результатам, фактическим или липовым – это уже другой вопрос. Главное, чтобы эти результаты были.

Впрочем, Витя не долго думал, чем бы таким интересным занять свое Бюро.

Незадолго до того, как на третьем этаже института прекратили свое существование общественно полезные помещения, в столице случилось печальное событие: от героиновой передозировки умерла дочь Бориса Зубова, одного из первых людей страны. Странная, кстати, история: девочка была умненькая, одаренная и правильная, никогда и ничем не злоупотребляла...

Ну так вот, отец месяц был в шоке, вообще на люди не показывался. А потом слегка оправился и, горя справедливой жаждой мщения, развил кипучую деятельность. В чем конкретно выражалась эта деятельность? Ну, сами подумайте, чем может заниматься убитый горем отец, неадекватный в своем восприятии этого жестокого мира, даже если он один из могущественнейших людей России. Брызгая слюной, голословно обвинял крупных чиновников и госдеятелей в связях с наркомафией, клялся всех подряд посадить, сколотил какой-то думский комитет по контролю за деятельностью ФСКН и милиции, вроде бы нанял за большие деньги бригаду частных детективов, чтобы занимались слежкой за большими людьми в погонах, – типа того, они и есть основные мафиози, причем не покровители, а как раз самые активные члены...

Практической пользы от всех этих телодвижений было немного. Единственное, что удалось несчастному отцу, так это всколыхнуть общественное мнение, причем в самых что ни на есть верхах. Верно ведь подмечено: человек – это такое животное, которое волнует только то, что касается его лично. Вот, например, в Уганде люди повально мрут от укусов мухи цеце. Это, конечно, печально, но... Это, вообще, где? А, это где-то там, у негров? Ну и черт с ними, пусть себе мрут – нас-то это каким боком касается?

А если эта пресловутая муха вдруг тяпнет вашего соседа, с которым вы двадцать лет пили водку в гараже? Да тяпнет

не где-нибудь в рейсе, а именно в этом самом гараже, да на ваших глазах?!

Короче, верхи волновались и гудели. Это же надо! Вроде бы так славно отгородились от быдла: в общественном транспорте с ним не ездим, дрянные продукты, что едят все, не покупаем, паленую водку, которой поим их, сами не пьем, в убогих больницах, где их лечат синие от недоедания врачи, не бываем...

И вот – нате вам! Оказывается, не в безвоздушном пространстве живем. И если такая страшная беда случилась с правильной дочкой Зубова, которая, что называется, никогда «ни в одном глазу», то что там говорить о наших оболтусах, с их хроническим кокаиновым насморком и еженедельными «кислотными» дискотеками?!

Верхи горели страстным желанием: разобраться, почему у нас в стране не ведется эффективная борьба с наркомафией. Вроде бы и ведомство есть, специально созданное ради этой высокой цели. Мало было милиции – вроде бы они там срослись какими-то местами не с тем, с кем надо, вот и создали новую структуру... Какие-то научно-исследовательские центры есть, вроде бы изучают это дело... Чего изучают-то? А, у вас все цифры на руках, «закрытая» статистика? Ну-ка, предъявите. Да ничего, пусть закрытая – мы открывать никому не собираемся... Что?! Ежегодно от наркотиков гибнет сто тысяч человек, из них семьдесят тысяч – молодые люди?! Вы что там, совсем офонарели?! Ответьте

хоть кто-нибудь внятно, почему у нас в стране такая ужасная статистика? Семьдесят тысяч лиц репродуктивного возраста мрут от наркотиков, а никто даже и не почешется?! Вы что там, совсем охренели, такие цифры нам показывать? Вы еще опубликуйте это, пусть народ ахнет!

В общем, верхи хотели разобраться. Если смотреть по процентному соотношению, примерно половина депутатов и членов правительства вошли в негласную фракцию Зубова и готовы были поддержать его в любых начинаниях на данном поприще.

Другая половина депутатов и членов либо не реагировала на общественные брожения, либо наблюдала за всеми этими мутациями со сторонним интересом.

– Хе-хе... ну вот они как раз и есть та самая наркомафия, – шутил Витя. – Если по составу прикинуть – бороться будет либо очень сложно, либо сабсэм импосибал, как говаривал, бывало, один мой кавказский приятель... Гы-гы... Шутка!

Да уж. Хочется надеяться – и в самом деле шутка...

Развиваем тему. Витя – друг Зубова. Вместе в свое время в чекистах хаживали, только несколько в разных уровнях, принадлежат к одному «клану». Если брать по клановой иерархии, Витя для Зубова – младший брат. Ну и как водится, личные предпочтения решают все. Муха цеце, мистическим образом попавшая в ваш гараж, сделала беду далекой Уганды вашей личной проблемой.

– Так, все эти угрозы отложим на потом, никуда они не

денутся. А займитесь-ка, господа хорошие, наркомафией...

Вот такая примерно задача была поставлена Иванову.

– Интересно... – удивился Иванов. – А тут у нас ФСКН есть. Солидная организация – куда нам до них! Вроде бы уже давно занимаются, ловят там кого-то, изымают что-то...

– Да упаси вас боже кого-то ловить и тем более что-то там изымать, – успокоил Витя. – Ваша задача – исследовать процесс, не вмешиваясь в него. То есть посмотреть со стороны свежим взглядом.

– Цель?

– Цель... Цель такая: внятно и с фактологическим обоснованием ответить на интересующий всех вопрос: почему у нас в стране не эффективна борьба с наркомафией...

* * *

Апартаменты у Бюро весьма скромные, не сравнить с монументальными палатами исполкома Государственной комиссии по борьбе с коррупцией. Всего-то апартаментов: оперативный зал, кабинет Иванова, лаборатория НТО (научно-технического отдела). НТО у нас, как водится, это Глебыч и Лиза. А в настоящий момент – одна Лиза. Глебыч в отпуске, в пьяном виде катается по Дону на катере (сам собрал из разного хлама) в компании разухабистых земляков-станичников. Как приедет, придется недельный курс реабилитации проводить. Всем хорош инженер: руки золотые, лучший в

мире сапер, но... Больно уж неравнодушен к дружеским посиделкам. Одно слово – мастер спорта по военно-прикладному застолью.

– Товарищи офицеры!

– Всем привет. Присаживайтесь.

– Товарищи офицеры!

Вот вам еще один ностальгический анахронизм из военной жизни. Командир входит в помещение, первый увидевший подает команду. Когда в последний раз надевали форму, наверное, уже и забыли. Но каждый представитель подразделения с сугубо штатским названием «Бюро» – офицер. Это уже в крови, от присяги и до смерти. Если Париж – это праздник, который всегда с тобой, то офицер – это диагноз, который всегда в тебе.

Обратите внимание на команду «Товарищи офицеры» (ранее, до еврейского переворота 1917 года, – «Господа офицеры!»). Интересная команда, доставшаяся нам в наследство от легендарной Русской армии. Офицерам не командуют «смирно», как рядовым или смешанному контингенту на плацу. «Господа офицеры!» – то есть обратите внимание, кто пришел, и поступайте по своему разумению. Получается, можно не вставать и не приветствовать? Так точно, можно. В дореволюционной русской армии были четкие и бескомпромиссные требования к офицерскому достоинству и чести. И если кто-то из присутствующих офице-

ров имел основания полагать, что командир по каким-то причинам не соответствует этим требованиям, он мог позволить себе не вставать и не приветствовать. Разумеется, этому офицеру потом пришлось бы объясниться с коллегами и крепко обосновать свое наглое сидение. Но факт – мог, имел полное право, исходя из либерального характера команды. Кстати, были случаи (правда, очень редко, по пальцам можно перечесать), когда при появлении командира не вставали ВСЕ присутствующие офицеры. В таких случаях командир, даже не вдаваясь в подробности, сразу шел стреляться...

– Ну что, господа офицеры... Подведем итоги работы за истекшие сутки...

У господ серые от бессонной ночи лица и круглые от кофеинового передоза глаза. Этой ночью никто не спал, каждый на своем рабочем месте активно занимался рутинной. Кто-то шпионствовал – по графику, кто-то, сопя от усердия, обрабатывал материал. Вид, однако, у всех бравый: господа довольны собой и проделанной работой. А в круглых глазах вызывающе светится: ну да, понятно – малость напортачили. Задачу никто не ставил... Но по факту: уложили девять ублюдков наркомафии. Плохо, что ли?

Витя, кстати, на происшествие отреагировал на редкость терпимо. Кипеть и возмущаться не стал, только ехидно уточнил:

– Я что-то запамятовал... Какова основная задача вашего Бюро? Физическая ликвидация активных членов этнических группировок?

И, видимо прочитав во взгляде Иванова недвусмысленное: «...а было бы неплохо! Хорошая задача, я вам скажу...», покачал головой:

– Да уж, это, наверное, на генном уровне. Сколько волков ни корми...

А уже спустя минуту, прочитав рапорт Иванова, смеялся... Нет, давайте прямо: просто ржал, как некормленая артиллерийская лошадь, и в экстазе стучал кулаком по столу.

Чтобы понятно было, что же так развеселило большого государственного мужа, приведем выдержку из рапорта (весь рапорт оглашать не будем, он довольно подробный, кроме того, там содержится информация для служебного пользования).

Вот выдержка:

«Довожу до вашего сведения, что в ходе повседневных мероприятий научно-исследовательского характера были совершенно случайно убиты девять членов таджикской ОПГ, специализирующейся на торговле героином...»

– «Случайно»! «Совершенно случайно»!!

От избытка чувств Витя вспотел, стал опасно багровым и как-то непредсказуемо певучим:

– Какое замечательное слово! «Случайно»... «Когда мы встретимся совсем случайно, ваш взгляд, быть может, мне

откроет тайну!» Мгм... Гхм-кхм... А может, и не откроет. Потому что вы будете немножко убиты. Ну – совершенно случайно убиты! А мертвые, как известно, весьма неразговорчивы и потому не открывают никаких тайн. Эмм... Ну и что – много пользы вы получили, укокошив этих несчастных таджиков? Результат какой-нибудь есть?

Увы, насчет результата пока что был полный провал. После вчерашнего происшествия и вплоть до сегодняшнего утра «слушали» и азербайджанцев, и таджиков. Никаких намеков на какие-либо изменения в отношениях между указанными группировками не обнаружили.

Анвар весь день молчал как рыба. Ближе к вечеру через какие-то источники узнал о трагических последствиях своей встречи с Андижо, тут же перезвонил «старшим» и стал оправдываться:

– Я здесь ни при чем. Это таджики сами друга друга перестреляли. При мне Сохроба грохнули, собирались остальных мочить. Я уехал. Думаю, у тех, которых они собирались мочить, оказалась хорошая поддержка. Короче, я тут ни при чем.

– Ты зачем по телефону о таких вещах болтаешь? – сурово одернули Анвара сверху. – Ни при чем – молодец, сиди спокойно. Будут от таджиков звонить – ты ничего не знаешь...

Это все, что касается азербайджанской стороны – перевели с ходу, без задержек. Лиза знает азербайджанский.

Таджики, наоборот, трещали без умолку весь день, вечер

и полночи. Проводили свое расследование.

И вот тут возникли непредвиденные сложности. Клан, к которому принадлежал Андижо, в полном составе родом из Шахдаринского района Горного Бадахшана. То есть они, конечно, таджики, но... промеж себя почему-то общаются исключительно на шугнано-рушанском языке!

Записной полиглот команды – Серега – таджикский, в принципе, знает (как он утверждает, это просто изуродованный фарси), а вот шугнано-рушанским владеет на уровне «здравствуйте, спасибо, все было очень вкусно». Знаете, как-то не было мотивации учить шугнано-рушанский. В поле зрения Бюро «бадахшанские» попали примерно в то же время, что и азербайджанцы – в одной связке шли, но с контрагентами они общаются исключительно на русском, а с остальными членами таджикского землячества – на «общетаджикском». Материалов прослушки, которые требовали перевода с шугнано-рушанского, было мало – основной упор делали на азербайджанцев с их разветвленной дилерской сетью и крепкими связями с властью предержащими. Таджики-оптовики вообще достаточно закрытая система, проявляют себя мало, подступиться к ним трудно. В общем, пока как-то обходились.

Со вчерашнего утра и где-то до трех ночи информации от таджиков поступило больше, чем за весь истекший квартал. Вся информация была в аудио (для добычи распечаток нужно время), и это значительно усложняло задачу. На до-

бывании работали двое, меняясь по графику, все остальные члены Бюро занимались обработкой: делили информацию на фрагменты – на слух, по интонации, фрагменты распределяли между собой и искали в разговорниках похожие слова. Да, пришлось вчера побегать в поисках шугнано-рушанских словарей и разговорников! Хорошо – столица, попробовали бы где-нибудь в горах поискать эти пресловутые разговорники...

Работа очень трудоемкая, целую ночь убили на то, что заняло бы у профессионального переводчика полчаса. Увы, приглашать специалиста со стороны по понятным причинам было нельзя.

– Ну все, достали! – озверело рявкнул Серега, потев над очередным фрагментом телефонной беседы. – С завтрашнего дня сажусь учить шугнано-рушанский. А заодно ваханский и всю восточно-иранскую группу! Чтоб они там все в одночасье сдохли, в своем распрекрасном Бадахшане...

В результате вышеперечисленных титанических усилий удалось выяснить следующее: таджики расследование провели, по существу дела далеко не продвинулись и вообще пребывают в полном неведении. Выражаясь интернациональным языком контингента, с которым теперь приходится работать Бюро, «кругом сплошные непонятки».

Да, еще – у таджиков имеется хиленькая версия об участии в этом деле некой «третьей силы». С кем встречался Андижо, никто не в курсе: инициаторы сделки выбыли

по техническим причинам, таджики-строители знают только то, что родственники одного члена бригады привезли героин и хотели втихаря его продать. Ну да, покупателя им нашел Сохроб, есть такое дело. И – тишина.

Вполне закономерно, что Андижо, узнав о таком нехорошем поступке земляков, решил их наказать своими методами. Вопрос, кто наказал самого Андижо, остается открытым, отсюда и вытекает версия о «третьей силе».

«Привязать» Анвара к этому происшествию никто из таджикских «дознавателей» не догадался, его имя в телефонных разговорах вообще не упоминалось.

В общем, получилось нехорошо. Для чего, спрашивается, старались? Вся работа насмарку. Единственный плюс: убрали за собой грамотно, никаких приметных улик, способных хоть как-то пролить свет на ситуацию, таджики на месте происшествия не нашли.

В прессе и сводках правоохранительных органов по данному происшествию – полное молчание. Как будто его и не было. Впрочем, другой реакции и не ожидалось. Интервью, ведущие преступную деятельность на русской земле, делают все от них зависящее, чтобы общественность как можно меньше знала об их жизненной активности. У нас и так не любят иноземцев, а если все подряд предавать огласке, так ведь вообще будут бить без разговора где только поймают – и не только пресловутые скинхеды, а буквально все подряд!

– Вот ведь незадача... Что-то я слишком хорошо о них

подумал, – пробормотал Иванов, рассеянно листая рукописный перевод телефонных разговоров «бадахшанских». – Вроде бы такие крутые... С такими деньгами... Все везде схвачено... И не смогли сосчитать Анвара, проскочили мимо! Что-то у них там непорядок по части оперативной работы.

– Ну так давайте поможем людям, – предложил Серега. – У нас для них есть весьма интересная запись, аж с трех ракурсов. Вернее, с двух, но в трех экземплярах.

– Если выбрать правильный фрагмент, не нужно будет никаких комментариев и пояснительных записок, – поддержала Лиза. – Например, эпизод, где Андижо стреляет в Сохроба. Эффектный кадр получился, особенно если смотреть в замедленном режиме. Выстрел – маленький такой взрыв, как мгновенно распутившийся бутон смерти, – и весь внутренний мир Сохроба низвергся на Анвара...

Тут Лиза мечтательно прищурилась вдаль и на секунду умолкла, как бы вновь прогоняя этот мерзкий эпизод перед своим мысленным взором.

– Да, это получилось прекрасно... Операторы сработали хорошо: после выстрела – плавный «наезд» на Анвара, при трехкратном увеличении картинки видны все эмоции. А эмоции там – просто прелесть. Три часа понадобится, чтобы описать...

Иванов выпал из состояния рассеянной задумчивости и со вниманием посмотрел на Лизу.

В команде трудятся замечательные люди, каждый сам по себе – самородок, недаром ведь отбирали из огромного числа специалистов... Однако в процессе работы довольно часто возникают ситуации, когда командиру приходится все-таки задумываться: а не отправить ли всех этих замечательных людей на длительное лечение принудительного характера?!

Безусловно, Лиза рассуждает как технический специалист. Очень может быть, что вот это ее пристальное внимание к эстетике смерти имеет сугубо утилитарный характер и никак не связано с индивидуальным восприятием мира... Но она же в первую очередь женщина! Хранительница очага, мать, Создание божие, предназначенное для Любви и Добра...

– По этому вашему прекрасному эпизоду не все так просто, – Иванов недовольно покачал головой. – Много нюансов. Видно, что снимали со стороны, любой дилетант влет сделает вывод: значит, не свои снимали, прятались! Это раз. Потом, мне представляется неподъемно сложным придумать, как правильно подкинуть таджикам эту вашу замечательную запись. Как это сделать, чтобы не возникало вопросов насчет пресловутой «третьей силы»? Выходит на крылечко, а оно лежит себе на перилах, в подарочной упаковке с розовым бантиком? Как вы вообще себе все это представляете?!

– Насчет «со стороны» – не проблема, – Лиза небрежно

плеснула ручкой. – Я вам этот фрагмент за пять минут обработаю так, что будет выглядеть, будто снимали непосредственно из-за плеча Андижо.

– Насчет «правильно подкинуть», думаю, тоже не проблема. – Серега кивнул в сторону Кости Воронцова, подпиравшего голову рукой и сонно тарасившегося в окно. – Зря, что ли, мы кормим целого доктора психологии?

Костя перестал подпирать голову и наморщил лоб.

– Эмм... Ну, в общих чертах... Гм... Да, в принципе, это все решаемо. Надо будет подумать...

– Тогда начинай думать прямо сейчас, – Иванов несколько оживился, – если есть хотя бы один шанс поправить это дело, надо им воспользоваться.

– Да, конечно, будем думать... Эмм... Однако...

Тут Костино лицо исказила гримаса страдания – вот именно сейчас титан мозгового штурма не был готов рожать продуктивные идеи. Бессонная ночь, непосильная нагрузка, отсутствие сиюминутной внятной мотивации: а ведь никто не пострадает, если начать думать в этом направлении не прямо сейчас, а, допустим, завтра с утра...

– Ну, понял, – Иванов подытоживающе стукнул ладонью по столу, – поработали неплохо, за собой прибрали, короче, все нормально. Всем спасибо. Евгений – график дежурства на «прослушке», двое на посту, остальные – отдыхать.

– Есть.

– Набирайтесь сил, думать будем завтра. Кстати, все по

крупичам перемололи, а главное упустил... Жень, а чего бросал-то?

– В смысле?

– Ну, «ложись!» – и понеслась. А что бросил? Только не говори мне, что у тебя с собой была граната!

– Естественно, не было. – Петрушин как-то странно переглянулся с Васей и слегка заалел щеками. – Что ж я, по-вашему, совсем дикий – в городе гранаты таскать? Бросил первое, что под руку подвернулось.

– И что подвернулось?

– Рация.

– Ну ты выдумщик! И как поживает эта твоя чудесная рация?

– Никак не поживает. Умерла.

– Да, я смотрела – ремонту не подлежит, – доложила Лиза.

– Ну и бог с ней, – махнул рукой Иванов. – Умерла так умерла – спишем, дадим новую. Зато все остальные живы-здоровы.

– Нехорошо – без оружия, – насупившись, буркнул Петрушин. – Постоянно пасем всяких уродов, а они-то с оружием. Мало ли как в другой раз получится...

– Да не вопрос. Сейчас переговорю с Витей, обоснуем использование, выпишем вам ПСС для оперативной надобности.

– ПСС – это, конечно, уже кое-что, – Костя зевнул и неодобрительно помотал головой. – Но вот в данной ситуа-

ции скорее навредил бы.

– Думаешь?

– Угу. Начали бы Петрушин с Серегой «маятник» качать от лежек к забору да палить на ходу – ну и сделали бы люди Андижо из них решето.

– Это точно, – подтвердил Петрушин. – В два смычка от забора – моментом. Что этот пугач против автомата?

– Ну вот. А так – ничего не было, у Петрушина включилась эвристическая механизма, – резюмировал Костя. – Проявил смекалку на пустом месте, угробил рацию, всех спас.

– Нет уж, извините, – Иванов язвительно хмыкнул. – Я все, конечно, понимаю, но... За автоматы даже и просить не буду. Тут вам не здесь, это не милый вашему сердцу солнечный Кавказ. Москвичи – люди дикие, не поймут, если будете по городу с автоматами разгуливать...

* * *

Разогнав личный состав – кого спать, кого бдить, Иванов сел составлять для шефа ежемесячную «аналитичку». Дело уже привычное, за пару часов полковник, практически никуда не заглядывая, составляет объемный отчет на три раздела: наркомания – наркомафия – борьба. Первый раздел – абзац, второй – три, весь остальной текстовый массив – борьба с первыми двумя. Первые два раздела деятельности Бю-

ро практически не касаются и упоминаются лишь в связи с третьим, как неотъемлемые части единого целого.

Бюро исследует процесс борьбы с наркомафией. А если объективно – причины патологического отсутствия данного процесса. За квартал Иванову удалось более-менее разобраться в существующем порядке вещей и разложить по полочкам основные составляющие вот этой всероссийской фикции с громким названием «Борьба с наркомафией». Глубинной спецификой травить вас мы не будем, сообщим лишь самую суть из того, в чем разобрался Иванов, да приведем несколько цифр. Это чтобы было понятно, не напрасно ли поднимает шум «фракция» Зубова, громогласно заявляя о победе наркомафии и об отсутствии борьбы с ней как таковой в принципе. Может, у нас с этим делом все в порядке и Зубов с единомышленниками просто с жиру бесятся, пиар себе делают?

Смотрим статистику. Во избежание упреков в предвзятости и использовании дутых цифр, все данные – из официальных источников, от первых лиц ФСКН. Помните, наверное, один умный товарищ сказал: «В нашей стране нет необходимости проникать в секретные архивы, снимать на камеру объекты особой важности и вообще заниматься шпионажем. Просто читайте в прессе, что говорят наши высшие чиновники, и сопоставляйте цифры. Эти ребята до того простые, что частенько сами себя сдают – со всеми потрохами...»

Приведем несколько прямых цитат:

«Увеличение потока наркотиков афганского производства в Наркоконтроле напрямую связывают с изменением режима охраны таджикско-афганской границы. Худшие предположения о последствиях вывода российских пограничников из Таджикистана, похоже, начинают оправдываться. Федеральная служба по наркоконтролю (ФСКН) уже несколько месяцев высказывает озабоченность в связи с тем, что поток наркотиков афганского производства в Россию неумолимо растет. Как сообщил корреспонденту „Труда“ начальник оперативно-разыскного департамента ФСКН Алексей Чуваев, с начала года на территории России изъято более 50 тонн зелья, полторы из которых – героин. В Наркоконтроле это напрямую связывают с изменением режима охраны таджикско-афганской границы. Наркомафии, по сути, развязали руки. Так называемый Северный канал, идущий из Таджикистана через Киргизию и Казахстан в Россию и дальше в Европу, действует все с большей нагрузкой. Партии перебрасываемых наркотиков, что вызывает озабоченность российских спецслужб, день ото дня становятся все крупнее. В Подмосковье на днях удалось ликвидировать наркобанду, состоявшую в основном из представителей незаконных таджикских вооруженных формирований. У них изъято 165 килограммов героина. С учетом того, что местные дилеры, которым таджики сдают героин, разбавляют его то мукой, то крахмалом, то аспирином, эта партия „тянет“ на 6—8 миллионов доз. Их цена

на черном рынке составляет около 1,5 миллиона долларов. В конце июля опять же в Московской области оперативники Наркоконтроля изъяли 240 килограммов героина. Почти одновременно их коллеги из ФСБ взяли с поличным банду наркоторговцев, состоявшую из нескольких граждан России и восьми таджиков, торговавших наркотиками в областях Центральной России.

Между тем в Агентстве по контролю за наркотиками Таджикистана, как заявил его официальный представитель Аваз Юлдашев, не считают, что с выводом российских пограничников наркобизнес на афганско-таджикской границе начал расцветать пышным цветом. С начала года своими силами погранведомство республики изъяло более трех тонн наркотиков, половина из которых – героин. России, однако, от этого не легче. Урожай афганских наркотиков в нынешнем году эксперты оценивают не меньше чем в 420 тонн – это на 50—60 тонн больше, чем в прошлом. Как минимум половина этого потока оседает в нашей стране».

Источник – газета «Труд», август 2005 г.

Еще цитата:

«МОСКВА (Рейтер) – „Незаконный оборот наркотиков в России превышает 15 миллиардов долларов в год, а криминальные группировки наводнили страну героином из Афганистана“, – сказал в четверг заместитель директора Федеральной службы

РФ по наркоконтролю (ФСКН) Владимир Зубрин на пресс-конференции. „Некоторые называют ббльшие цифры, некоторые меньшие, однако на самом деле они, вероятно, выше. Потребление наркотиков возросло после распада СССР, причем Россия стала главным потребителем не только афганского героина, но и синтезированных наркотиков из Европы, поставляемых хорошо организованными преступными группами“.

Эти оценки, одни из самых высоких, которые назывались российскими властями, означают, что незаконный оборот наркотиков может превышать прибыль крупнейшей российской компании Газпром, составившую за девять месяцев порядка \$8 миллиардов. «Получаемые от сбыта наркотиков деньги отмываются через банки и финансовые схемы, а потом их вкладывают во всевозможные активы как в России, так и за рубежом», – отметил Зубрин.

«Опий-сырец, получаемый с маковых плантаций в Афганистане, преобразовывается в героин и доставляется через Центральную Азию в Россию, по „Северному пути“ через Таджикистан, Казахстан и Киргизию. Для нас поступление героина из Афганистана в Россию является главной проблемой», – заметил Зубрин.

«Прошлый год принес еще один хороший урожай опиума в Афганистане... и его значительная часть пошла в Россию по так называемому „северному наркотрафику“, – сказал он.

По словам Зубрина, поставки героина выросли после

того, как российские пограничники в прошлом году прекратили патрулировать границу протяженностью 1340 километров между Афганистаном и Таджикистаном, который в 2004 году потребовал от России вывести свои войска.

Россия начала охранять границу более 100 лет назад, когда Таджикистан был частью Российской империи, и продолжила делать это после распада СССР в 1991 году. «ФСКН намерена открыть представительство в Кабуле в этом году», – сказал Зубрин. «Широкое обращение в России наркотиков, вводимых в организм внутривенно, способствует распространению ВИЧ/СПИДа и ведет к росту преступности, сообщают контролирующие ведомства. Число смертей от передозировки наркотиков растет. В прошлом году это стало причиной смерти более 100 000 человек по сравнению с 70 000 в предыдущем году», – сказал Зубрин. «Это страшные цифры, – сказал Зубрин. – От умышленных убийств в России в год погибает 30 000 человек, около 35 000 – в результате ДТП».

«Число наркоманов в России может составлять пять-шесть миллионов при населении 143,5 миллиона человек», – отметил Зубрин, подчеркнув, что на самом деле цифра может быть еще выше...»

Итак, от употребления наркотиков в России ежегодно умирают в среднем около ста тысяч человек. Из них семьдесят процентов – люди в возрасте от 12 до 30 лет (в эту воз-

растную категорию и входит основной массив наркозависимых).

То есть это наша с вами цветущая молодежь, которая закладывает стратегическую базу генофонда нации. Все наши совокупно взятые войны последней четверти века – детские шалости по сравнению с потерями на этой необъявленной войне, которую ведет против нас наркомафия.

А теперь займемся арифметикой. Опять же, во избежание обвинений в предвзятости, будем округлять «вверх» для удобства подсчета.

За полгода изъяли полторы тонны героина. Будем верить в деловые качества бойцов с наркомафией и предположим, что за оставшиеся полгода они изымут столько же, не меньше. Получается, в среднем у нас изымают *три тонны героина за год*.

Грамм героина на просторах нашей необъятной Родины имеет разную цену, в зависимости от близости к «караванным путям», – от двухсот до тысячи рублей. Нас мало волнуют цифры в оптовом звене «Андижо – Анвар», берем розничную цену от «барыг», причем значительно выше средней – тридцать долларов за грамм (это почти под потолок). Нетрудно посчитать, что на выходе за кило героина получается тридцать тысяч долларов. Тонна будет стоить тридцать миллионов.

Таким образом, у нас в год изымают героина на сумму *девятьсто миллионов долларов*. Округлим для ровного счета –

пусть будет *сто миллионов*.

Поверим на слово зам директора ФСКН Зубрину и возьмем за основу, что *«Незаконный оборот наркотиков в России превышает 15 миллиардов долларов в год»*.

По содержанию нетрудно разделить рынок на три основные «рабочие группы»: это каннабис (конопля), «синтетика» и опиаты с явно выраженным преобладанием героина. Группа каннабис традиционно держит первенство по товарной массе, но так как «трава» на порядок дешевле «синтетики» и героина, можно смело делить доход от оборота наркотиков на три равные доли. То есть получается, что за год у нас в стране наркомафия в среднем продает героина на *пять миллиардов долларов*.

Изымаем на сто миллионов, продают на пять миллиардов. Получается, изымаем *ровно два процента от всего оборота*.

Ну вот и приехали. Вам дали подразделение, отобранное из лучших бойцов, экипировали всем необходимым и положили в засаду. Задача – уничтожить колонну из ста танков, идущих на ваш родной город. Вы уничтожили два танка и побежали с победным рапортом к руководству: готово, работа проделана!

А девяносто восемь уцелевших танков врага под прикрытием пехоты вошли в ваш родной город...

Скажите, вот такая статистика – это нормально? А еще скажите, Зубов и иже с ним – параноики или где?

А в завершение, чтобы не скучно было, еще два кусоч-

ка статистики: от главы полицейского департамента Испании и от мэтра Антонио Мария Коста (заместитель генерально-го директора ООН, исполнительный директор Управления ООН по наркотикам и преступности).

Испания не больше нас, верно? И народу там не больше, что-то около сорока миллионов, ну, пусть будет пятьдесят – вместе со всеми курортами. Так вот, в правительственном докладе (30 июля 2003 года – извините, более свежих данных нет) глава полицейского департамента Испании сообщил, что за прошедший период 2003 года *на курортах Испании полицейские изъяли 19 тонн кокаина и немногим более 80 тонн героина.*

Сравните с нашими тремя тоннами за год – скромники-то какие, прости господи...

Дадим слово Антонио Мария Коста. Выдержка из «ВСЕМИРНОГО ДОКЛАДА ПО НАРКОТИКАМ (WDR) ЗА 2005 ГОД»:

«Среднегодовой объем незаконного оборота наркотиков в мире оценивается в 320 миллиардов американских долларов, что выше показателей внутреннего валового продукта 90% стран мира. Нам противостоит не просто враг – это монстр, чудовище, устойчивость которому придает столь мощный капитал. Давайте вооружимся новыми знаниями, словом и реальными делами, уверенностью в битве за безопасность людей, существованию которых угрожает наркорынок...»

Это к вопросу об утверждении, что «Незаконный оборот наркотиков в России превышает 15 миллиардов долларов в год». Сразу предупреждаю: вот здесь – никакой конкретики, просто досужие рассуждения на основе приведенной цифры (предлагаю верить Антонио Мария Коста – товарищ компетентный, на таком уровне врать просто неприлично). Делим мир на две части – по полушариям. В Западном у нас земли поменьше, поэтому дадим им треть, а Восточному – две третьих от указанной суммы. Ну гляньте в атлас, все правильно поделили? Если правильно, рассуждаем далее: на долю нашего полушария приходится где-то двести миллиардов с мирового незаконного оборота. На Африку и Австралию (самый низкий уровень употребления, самые обширные площади на душу населения) щедро дадим тридцать миллиардов. Остается сто семьдесят. А теперь опять гляньте на карту и прикиньте, какой примерно процент от общей численности приходится на нашу долю. Да, еще не забудьте учесть, что практически все азиатские опиаты идут в Европу транзитом через Россию...

Если верить докладам ФСКН за истекший период (с начала функционирования службы – 1 июля 2003 года), арестованы десятки тысяч членов наркомафии и ликвидированы тысячи притонов. Ну-ка, навскидку, назовите фамилию хотя бы одного посаженного наркобарона? Фамилию хотя бы одного высокого покровителя наркомафии, взятого за мягкое место?!

Не будем приводить добытые в ходе работы Бюро разнообразные материалы, наподобие тайных показаний очевидцев-сотрудников, которые утверждают, что даже при проведении образцовых (для прессы и TV) актов уничтожения наркотиков мак обязательно с надрезами, а в мешках пополам с технической «лысой» коноплей – лопухи и сено. Это безосновательно и пахнет явной компрометацией органов (да неужто настолько жадные, что не дали «недоенного» нормального мака для съемок?!). Лучше послушайте резюме Иванова по общему состоянию борьбы с наркомафией в нашей стране.

Резюме.

Берут только тех, кого намеренно, для статистики, сдают «свои люди в наркомафии» (!!!). Изымают только то, что позволяют изымать «свои люди». В общем, борьба, как таковая, отсутствует напрочь.

Все. Коротко и по существу.

Объясняется все очень просто. На данном этапе торговля наркотиками – это САМЫЙ выгодный бизнес из всех существующих в мире видов коммерческой деятельности. Деньги в нем крутятся просто огромные, сопоставимые, как мы видим, с бюджетами самых крупных государств. И люди, как водится, в этом бизнесе – самые талантливые, влиятельные и могущественные. В буквальном смысле продавшие за успех в делах душу дьяволу.

А теперь, после всего вышесказанного, кто-нибудь еще

надеется, что рядовому оперу ФСКН Пете Распердяеву дадут изымать все что ему вздумается и сажать кого поймают?! Да пусть только попробует – мгновенно вобьют в землю по самые уши...

Иванов не успел закончить «аналитичку» – позвонила Лиза (она по графику «сидит на прослушке»):

– Анвар завтра встречается с кем-то из правоохранительных органов. Сотрудник из Черного Яра. Встреча в десять на Савеловском рынке.

– Интересно... Сотрудник?!

– Да, сказано было так: «новый начальник».

– Угу, понял... Ты с кем?

– С Васей.

– Дрыхнет поди?

– А все равно делать нечего. Никто пока не нападает, а с техникой только я работаю.

– Да типун тебе на язык – «не нападает»! Так... Кто и во сколько вас меняет?

– В десять вечера. По графику – Серега с Костей.

– Вот и передашь им: пусть завтра прокатятся аккуратно за Анваром да посмотрят, что это за сотрудник такой. Пусть снимут, потом разберемся.

– Есть.

– Ну все – удачи...

Глава 5

Дилер

Анвар как в воду глядел: автономно баловался я совсем недолго. Месяца не прошло – загребли.

Я ждал этого момента и все время представлял себе, как это будет. Знаете, ввиду отсутствия личного опыта, были такие, сугубо кинематографические, образы: темная ненастная ночь, засада возле усадьбы Люды, машины с громкоговорителями, снайперы на соседских крышах, вертолеты с камерами стрекочут, прожекторами светят, спецназовцы в камуфляже, слезоточивый газ в окна, штурм, стрельба... Гхм...

Сижу в полдень дома, обедаю. Звонят в дверь, мать открывает.

– Игоря можно?

– Одну минутку. Игорь, иди, к тебе пришли... Проходите в зал.

– Да нет, спасибо – я буквально на пару минут...

Выхожу в прихожую, утираясь салфеткой – смотрю, тщедушный мужчинка с добрым лицом, похож на в меру пьющего участкового ветеринара. В руках потертый старенький портфель. Лицо знакомое – город у нас небольшой, видел я этого типа неоднократно, но кто такой – что-то не припомню...

– Чем обязан?

– Извините за беспокойство, – мужчинка раскрыл портфель и достал какую-то книгу. – У нас там небольшие проблемы по работе...

В этот момент я рассмотрел книгу: мой журнал амбулаторного приема, с рисованной Людой ромашкой в правом верхнем углу. Тут же вспомнил, где видел этого типа: у местного отдела ФСКН. Это недалеко от нас, я часто мимо хожу, так что видел неоднократно...

В общем, увидел, вспомнил, осознал – и тотчас же впал в ступор...

– ...так что неплохо было бы прокатиться, кое-что уточнить...

Плохо помню, как оделся и вышел из дому – взгляд застилала красная пелена, дышать было трудно, соображать вообще перестал... В голове гудело набатом: «Попался, мерзавец!!! Попался!!!»

У подъезда стояла новенькая белая «Мазда», на заднем сиденье сидел грустный Люда.

– Это не я... Они сами... Они следили... Они...

– Ну что, голуби, как общаться будем? – ласково спросил мужчинка, поворачивая ключ в замке зажигания.

– В каком плане?

– Все расскажете сами или заставите меня поработать?

– Это недоразумение, – выдавил я. – Это... Так получилось... Понимаете...

– Ну, тогда поехали...

Поехали в отдел. По прибытии Люду сразу определили в камеру, а меня провели в кабинет. В кабинете, с ходу врубая кофеварку и с комфортом устраиваясь за столом, мужчинка представился:

– Андрей Иванович Исаев, начальник межрайонного отдела Госкомдури (это он так ласково ФСКН обозвал).

И тотчас же обозначил рубежи наших отношений:

– Явка с повинной и полное сотрудничество со следствием – от полутора условно до двух лет общего режима. Запирательство и вранье – от десяти до пятнадцати строгого.

– Но позвольте...

– Не позволю. Материала, чтобы усадить тебя прямо сейчас и навсегда, у меня достаточно. Зверев у нас «ноги», а ты основной, я ничего не перепутал?

– Даже и не знаю, как вам объяснить... Понимаете...

– Да, все правильно, ты – барыга. Так что общаться будем с тобой. Возражений нет?

Возражений, сами понимаете, не было. И вообще, не буду злоупотреблять вашим терпением, скажу сразу: мафиози из меня получился весьма скверный. Точнее, вообще не получился. На первом же получасовом отрезке «доверительной беседы» (а ведь не пытали, не били, даже не орали в ухо!) сдал все, что знал и о чем догадывался. Анвара, Мамеда – присочинил для убедительности, что он у них главный, – и всю азербайджанскую диаспору до кучи. Вот они, первейшие негодяи и мафия, шейте дело, арестовывайте, везите всех ра-

зом в карьер.

Андрей Иванович полистал журнал амбулаторного приема (заметно было, что он с ним уже ознакомился, листал бегом, не задерживаясь), усмехнулся:

– Первый раз встречаю такого барыгу...

– Какого?

– Такого аккуратного...

– Спасибо.

– ...и такого тупого.

– ?!

– Ну ты же сам себя сдал этим журналом! Даже без всяких «стуков» и наблюдений, бери журнал, делай графологическую экспертизу – и лепи срок. Ну ты что, совсем идиот? Зачем всякую дрянь в журнал писать?!

– Понимаете... Эмм... Я врач... Привычка... Пациенты...

– Точно – идиот, – покачал головой Андрей Иванович и, добравшись до раздела «Передозировки», уточнил: – Что, за месяц ни одного передоза не было?

– Не было, – подтвердил я. – Вот только те два, что на апробации.

– Интересно... А почему?

– Почему не было?

– Да.

– Ну, понимаете... Тут у меня индивидуальный подход... Я врач...

– Давай конкретнее. Объясни мне в двух словах, как ты сделал так, что у тебя целый месяц регулярно кололись полсотни самых разных «наркомов» и ни один не схлопотал передоз?! Мне это жутко интересно.

– Вот видите, все разнесены по группам.

– Вижу. И что?

– Мы знаем, что можно ожидать от каждого. Ну не совсем, абсолютно, – тут даже сам господь бог не даст гарантии...

– Конкретнее! На примере.

– Пример: человек садится на ремиссию, страдает, употребляет всякую дрянь для смягчения синдрома отмены, пьет водку...

– Потом, нажравшись как свинья и потеряв контроль, топают на автопилоте по знакомому адресу и просят грамм. Дальше!

– Да, вы владеете существом вопроса...

– Ну еще бы! Работа такая. Дальше!

– Можно продать и забыть. Пятьдесят на пятьдесят, что он тут же схлопочет овердоз. Неправильно рассчитывает дозу, потому что пьян, или просто поставит себе привычную норму – а он неделю не употреблял, организм отвык, рецепторы почистились малость, дезадаптация...

– Короче!

– Можно не продавать. Послать его подальше и все.

– Да ну, вот проблема! Найдет в другом месте – не все такие правильные. А еще торкнется спьяну какой-нибудь отра-

вой и откинет копыта.

– Точно. Поэтому надо ему сделать полдозы от нормы, желательнее сразу заправить шприц и тут же поставить. И посмотреть, как он оприходовался...

– Ты гонишь, доктор. Какой «приход» от героина?

– Ну, в смысле, какова реакция на инъекцию.

– Угу... Интересно... И что – со всеми вот так возитесь?

– Ну а чего? Не так уж много народу у нас на ремиссиях.

С «борцами» сложнее – приходится постоянно контролировать, где они и чем занимаются. Хорошо – их тоже немного. В основном все правильные, «системные».

– Понятно... Так, а вот эта графа – «Шприцы». В каком смысле – «шприцы»? Заправленные, что ли?

– Нет, просто шприцы. У нас «обязаловка»: к каждому грамму прилагаются три одноразовых шприца и три ампулы с дистиллированной водой.

– Это что, «в нагрузку»?

– Это бесплатно. Исходя из цены грамма – можем себе позволить.

– Ну блин... Прямо-таки какой-то наркодиспансер! Тут тебе и врач, и шприцы, и подход индивидуальный...

– Это что, плохо?

– Да, дела...

Андрей Иванович, склонив голову набок, некоторое время рассматривал меня с нездоровым любопытством, как некое загадочное чудовище. Знаете, агрессии в его взгляде я

не уловил. Недоумение, интерес, какие-то проблески необъяснимой досады – да. А злобы не было.

Это меня несколько ободрило и успокоило. Хорошо, когда человек, от которого зависит твоя судьба, не испытывает к тебе личной антипатии. Можно на что-то надеяться...

– Вот что, голубь. Ты посиди маленько, я поеду кое-куда, наведу справки по этому вашему Анвару и прочим...

«Посиди маленько» потянуло на остаток дня и всю ночь.

И камера, и сам «прием» – все в этом заведении было как-то неправильно, вне поля общепринятой милицейской специфики. При аресте не обыскивали, все, что было, осталось при нас. Камера – обычный кабинет, помещение четыре на четыре, в ряду прочих на первом этаже, только окна зарешечены да дверь (без «глазка») обита листовым железом. Чистые топчаны, обтянутые дерматином, три стула, стол – ничего не привинчено к полу, – шахматы, кипа газет, в отдельно выгороженном закутке – унитаз и раковина.

Специально нас никто не охранял, вертухай в коридоре отсутствовал, за дверью – глухая тишина, и вообще, создавалось такое впечатление, что в отделе никого нет!

– «Нарики» у них тут не сидят, – пояснил многоопытный Люда. – Здесь, вообще, по делу мало кто сидит. Если ловят какие-то там чмошные «ноги» торквеловские, содержат в ИВС, в горотделе. У них там отдельная камера зарезервирована. Тутошние госкомдурщики с ментами крепко дружат, у них общий бизнес. А тут держат барыг – если возьмут

с грехом пополам раз в полгода. Чтобы, значит, прониклись и легко отстегивали потом. Публика известная, бежать им некуда, в общем, все по-свойски, сам понимаешь...

– А ты что, уже был здесь?

– Нет, бог миловал. Камрады рассказывали. Я вообще здесь только как бесплатное приложение к твоей теме. Как пристяжь. Ты, конечно, извини, но с меня взять нечего, поэтому крутить будут именно тебя. Так что готовься. Заработать ты не успел, наверное, придется хату продавать...

Каков режим содержания, такова и отдача. Нас никто не беспокоил, к сумеркам мы освоились и вели себя вполне непринужденно. Если бы не мое подавленное состояние и неопределенность ситуации, можно было бы счесть все это забавным приключением.

Люда позвонил по моему мобильному, камрады принесли ему два «снаряда» (заправленные шприцы) и без особых предосторожностей передали через форточку. Меня это немного развеселило: вспомнил тупую шутку Анвара насчет «ларька с героином у мэрии». Мэрия через площадь наискосок, из нашего окна виден фрагмент ее парковки. Хе-хе...

Люда поставил дозу с моей помощью (на руках и левой ноге – тромбы, ставит под коленку правой, лодыжку бережет на резерв, а зеркала здесь не было) и прилег на топчан. Я к тому моменту успел проголодаться, тоже самую малость обнаглел и позвонил приятелям. Вскоре нам притащили ужин с пивом и постель и таким же макарон передали через фор-

точку.

Приятели мои по плану выходного дня и ввиду вечернего времени были уже в норме пьяными и потому бесстрашными. Несмотря на мои протесты, пошли «наводить мосты» с дежурной службой отдела (а просто подушки через решетку не пролазили – остальное кое-как протащили).

Вернулись они спустя пару минут, с ошеломляющим известием: входная дверь заперта, тишина, и вообще, кроме нашего помещения, в отделе нигде нет света! Короче, отдел закрыт, все ушли на фронт.

Определенно, все-таки есть какой-то особый флер в этой специфической безалаберности провинциальных учреждений...

Утром идиллия кончилась – я вновь угодил в цепкие объятия товарища Исаева.

– Ну что... Не получится у нас Анвара за ж... взять, – скучным голосом сообщил Андрей Иванович. – Я детально навел справки, так что... Короче, он уже из той категории, что у нас не сажают. Или если сажают, то по очень высокому указанию, целевым решением... Гхм...

– И что теперь?

– Что теперь? Да вот, думаю – что теперь... – Андрей Иванович задумчиво смотрел в окно, постукивая пальцами по столу. – Это ведь Анвар для меня недоступен. А ты у меня вот где, – моему взору тотчас же был явлен небольшой крепенький кулачок. – Как говорится, со всеми потрохами!

– Да уж... – согласитесь, не очень утешительное заявление. – Ну и как мы теперь?

– Как мы теперь? Гхм... Знаешь, ты ведь у меня один такой – от Москвы работаешь (интересно... Люда давеча примерно то же самое сказал. Нет ли в этом какой-то связи?!)... Порошок у тебя хорошего качества... Опять же, врач – вон, журнал вел... Идиот, блин...

– И?

– Ну что – «и»? Усадить тебя – проще простого. Но практического смысла в этом я не вижу, хоть убей.

– Я с вами категорически согласен! – горячо поддержал я. – Очень правильная мысль!

– Да еще бы ты был не согласен. Выглядишь ты как нормальный маменькин сынок. Думаю, тюрьма для тебя – хуже смерти.

– Удивительно верное наблюдение!

– Ну так вот... Я сюда пришел в 2003 году. И все это время борюсь с торквеловской наркомафией. А до этого работал в местном ОБНОНе. И также боролся с ней же...

Тут Андрей Иванович вычленил в моем взгляде вотум недоверия и счел нужным поправиться:

– Ну, скажем так: пытаюсь бороться. У меня, между прочим, работа такая: борьба с незаконным оборотом наркотиков.

– Я в курсе.

– Ну так вот. Несколько человек мы посадили, но это все

– «ноги». Разобраться – несчастные люди, типа твоего Зверева, который не сегодня-завтра помрет... Мм-да... Ну, одного барыгу усадил, было дело...

– Да, работа у вас – не позавидуешь...

– Ладно, это все туфта, тебе это не обязательно. В общем, получается такая штука. План по сдаче психоактивных веществ я выполняю и даже перевыполняю. Но в числе прочей статистики есть такая дрянь, как соотношение количества учтенных наркозависимых и количества смертей от употребления наркотиков на душу населения. Занижать не можем – это не по нашей теме, это местная медицина считает. И тут у нас полный провал.

– Что, все так плохо?

– Да уж, хуже некуда. Процент этот зашкаливает за триста от нормы! Прикинь? Это закрытая статистика, не всем доступно... Короче, получается парадокс. На территории города нет ни наркомафии, ни хотя бы даже одного нормального, полноценного дилера-барыги. Все рядышком, в Торквелове, здесь – только «ноги». Ну вот. А процент смертей от передоза на порядок выше, чем даже в самом Торквелове! Прикинь? С другими наукоградами даже сравнивать не стоит, на фоне нас они все – детский сад просто...

– Так рядом с ними нет такого гадюшника, как наше Торквелово.

– А кого это волнует? Есть статистика. А есть люди, которые отвечают за конкретный участок работы.

– Да, печальная история...

– Еще бы не печальная! Знаешь, почему меня не гонят за такую статистику?

– Почему?

– Потому что начальство в курсе всех дел и все прекрасно понимает. А сделать никто ничего не может: у этой торквеловской мафии очень сильные покровители. Везде все схвачено и подмазано. Вон, особняки у них там по десять «лимонов» баксов, все знают, на какие доходы, и никто даже пальцем не шевельнет... Мне только выговоры лепят за статистику да сочувствуют: давай работай, мы все понимаем! Но извини – в квартальном приказе мы тебя опять накажем...

– В общем, я так понял, что вы торквеловских ребят за это сильно не любите.

– Не люблю?! Хм... Да уж, точно, – не люблю. Так не люблю, что спать не могу. А не люблю в основном не за сам факт принадлежности к наркомафии, а за жадность, неряшливость и неразборчивость. Системы нет. Даже и не пахнет. Торгуют всем, что под руку подвернется: в диапазоне от «пластилина» и ханки до «белого китайца». Этот «китаец» – вещь вообще редкая, так и не разобрался, где достают. Одно хорошо – он в обороте нечасто появляется. А все остальное дрянного качества, и им плевать, как там будет чувствовать себя их клиентура на территории соседнего города. Пусть, типа того, хоть все разом сдохнут, все равно к нам две области ездят за «товаром». Мысль уловил?

– То есть... Гхм... В общем, я так понял, что моя методика индивидуального подхода к пациентам вам импонирует...

– Но-но! Ты шибко-то не воображай. «Импонирует»! Скажем так: тебя спасает твоя аккуратность и некоторым образом, как ни странно, твоя глупость. Надо же – амбулаторный журнал... Хе-хе...

Андрей Иванович достал из сейфа папку с надписью «оперативное дело» и древний «Полароид».

– Ну-ка, сядь ровно. Улыбаться не надо – птичек не будет...

Через пару минут моя синюшная фотография с красными глазами (как у Терминатора в одноименном фильме) уже красовалась на чистой анкете, а передо мной на столе лежали формализованные бланки, которые, как я понял, надо будет сейчас же заполнить.

– Позвольте... А что мы собираемся делать?

– Писать явку с повинной.

– А разве вы меня не...

– Это обязательно. Страховочный материал.

– Страховочный... Эмм...

– Для меня страховочный. Я тебя отпущу безо всего, а ты потом отопрешься – знать не знаю, ведать не ведаю. Такое случается, так что надо подстраховаться.

– Понятно... А эти бланки зачем?

– А потом оформим тебя как сексота на подписке.

– Как кого?!

– Секретного сотрудника. Сокращенно – сексота. Я тебе уже и оперативный псевдоним придумал – «Бубка».

– Но почему...

– Фамилия – Прыгунов. Псевдоним, согласишься, очень даже в тему. Гы-гы...

– Нет, я не то имел в виду...

– А что ты имел в виду?

– Эмм... Понимаете... Есть маленькая проблемка...

Тут я слегка напрягся. В нашем городке, осененном высоким покровительством и недреманным оком Первого отдела, к такого рода сотрудничеству отношение несколько специфическое. Дело в том, что многие тутошные уважаемые люди либо происходят из семей, где кто-то занимался наукой, сидючи в лагерях, либо сами вышли из печально знаменитой Шарашки.

В общем, это дело у нас на обывательском уровне как минимум не приветствуется. Если моя мать – интеллигент старой школы – вдруг узнает о том, что ее сын – сексот... Гхм... Ей будет стыдно смотреть в глаза друзьям, коллегам и просто знакомым!

– Ага... На совесть пробило? – Андрей Иванович, все так же мило улыбаясь и ничуть не изменившись в лице, вдруг выдал: – Интеллигенция вшивая. Гнилье пакостное...

– Простите?!

– «Проблемка», видите ли, у него! Угу... А ты, оказывается, не только тупой барыга. Ты еще и по жизни полный

тормоз!

– Да что случилось-то?!

– Случилось так, интеллигентик ты мой лоховатый, что у тебя просто нет выбора. А ты, сволочь, не понимаешь этого!

– Андрей Иванович...

– Он еще и сомневается! С совестью, бл... такая, сверяется! Думает, сволочь, как это будет вязаться с его моральными принципами! Героином торговал – совесть не мучила?

– Зачем вы так, Андрей Иванович?

– Короче, я тебя уговаривать не собираюсь. У тебя выбора нет – заруби это себе на носу. Вернее, есть, но только такой: или тюрьма – или сотрудничество. Третьего не дано.

– Но почему вы...

– Рот закрой, сволочь! Я тебе даже час на размышление не даю. Прямо сейчас берешь ручку и начинаешь заполнять бумаги. Считаю до десяти, потом сажусь и оформляю дело. Раз!

– Ну что за глупости, Андрей Иванович?! Что вы со мной, как с нерадивым ребенком?

– Два!

– Ну просто бред какой-то... Вы еще секундомер возьмите...

– Три!

– Ну все, все – уже пишу!

– Да я и не сомневался. Ты хоть и тупой барыга, но взгляд у тебя вполне осмысленный...

– И на этом спасибо.

– ...как у той старой суки, которая вполне осознает, что ее везут на живодерню.

– Андрей Иванович!

– Не нравится? Не тормози, и оскорблять не буду. Пиши давай, что неясно – спрашивай.

– Пишу...

Ну вот. Так я и стал сексотом...

* * *

Сразу оговорюсь: денег Андрей Иванович у меня не брал. И для первого знакомства наказал довольно мягко: изъял оставшиеся в усадьбе Люды пятьдесят грамм разбавленного порошка и все деньги, что Люда выручил за день и не успел сдать мне.

Как он зарабатывал деньги – я в курсе. Но темы это не касается, поэтому распространяться не буду.

Дав подписку о сотрудничестве, я был отпущен восвояси вместе с Людой и своим амбулаторным журналом. Копию, впрочем (с журнала, а не с Люды), Андрей Иванович снял: сфотографировал своим страшным «Полароидом», а на всякий случай еще и отксерил.

Люда отнесся к этому «забавному приключению» крайне легко. То ли не сомневался, что все закончится благополучно, то ли ему действительно глубоко до лампочки. Впрочем,

в тюрьму он не хотел:

– Нашему брату без поддержки в неволе трудно. Особенно попервости, пока не освоишься да не наведешь мосты насчет бесперебойного снабжения ширевом...

Некоторое время я напряженно выжидал, когда же меня начнут вовлекать в полную смертельного риска оперативную работу, которая потребует мобилизации всего моего творческого потенциала. Думаю, не надо объяснять, каковы были мои представления об этой самой оперативной работе. Про тяжкий труд сексотов и разных агентов под прикрытием я только читал книги да смотрел кино.

– Ты там не умер, Бубка? – спустя неделю позвонил мне Андрей Иванович. – Притих чего-то, не слышно, не видно тебя. Работать когда собираемся?

– Да я всегда... Я готов... Вы скажите, что надо делать, я тут же займусь...

– Ну ты странный! Что значит – «скажите»?! Ты там на месте сам смотри, чем можешь быть полезен.

– А чем я могу быть полезен?

– Да, тяжелый случай... Я же тебе сказал, кто меня интересуется. Попытай этак ненавязчиво свою клиентуру – кто чем «мажется», да где берут, помимо тебя. В плане того, как там поживают конкуренты, можно ли их перебить...

– «Перебить»?!

– Ну, в смысле, потеснить с рынка! Чтобы, типа того, в твоём районе брали только у тебя. Это будет наглядно и по-

дозрений не вызовет – зачем интересуешься. Давай, не пропадай...

Вот так. Оказывается, я сам должен проявлять инициативу и искать себе приключения на седалищный нерв.

Пытать никого не стал, просто сказал Люде:

– Пришло время платить за свободу. Нам нужна любая информация о торквеловских, которой располагаешь ты и твои камрады.

– Записывай!

И Люда, благостно улыбаясь, продиктовал список всех «ног», которых знал, а также дилеров, которых знал лично или слышал что-то о них, адреса, «явки», кто и что конкретно продает.

С этим списком я на крыльях оперативного рвения полетел к Андрею Ивановичу.

– Угу... – бегло глянув на список, Андрей Иванович зевнул. – А есть что-нибудь конкретное?

Оказывается, он в курсе всей этой обстановки. Знает всех в лицо, где живут и кто чем занимается.

– Интересно... Ну а чего тогда вам еще надо? Арестуйте их, и вся недолга...

Оказывается, это нереально. Для организации полноценной «наружки» только лишь за одним торчком, который за дозу работает на барыгу и, гордо именуясь «ногами», таскает ширево своим собратьям, не хватит всего штата тутошнего отдела ФСКН! А «ног» этих в городе – что собак нерезанных,

живут и носят дурь они неупорядоченно, можно сказать, хаотично и непредсказуемо.

– Понятно... И что вам нужно?

– Отвечаю. Мне нужна конкретная «наводка»: когда и где «ноги» берут у барыги дурь. Требование: дури у барыги должно быть больше, чем на десять разовых доз по классификатору. То есть чтобы можно было смело хватать и заводить дело.

– Кхм... И как вы себе это представляете? Дать телефончик барыге: звякни, родной, когда у тебя при себе будет двадцать доз?!

– С иронией у тебя все в порядке. Со смекалкой – проблемы.

– Ну, объясните.

– Объясняю. Ваш тандем, ты и Зверев – случай нетипичный. Ты привозишь порошок, прячешь, часть выдаешь Звереву, к нему идут торчки, покупают и уносят. Или тут же сразу и колются.

– Верно.

– Да еще бы неверно. Хм... Прячешь порошок, кстати, там же, в усадьбе Зверева. Не боишься?

– Мы с самого детства дружим. Я ему доверяю.

– Ну-ну... Так вот, Зверев у тебя – не «ноги», а скорее менеджер.

– Почему?

– Потому что «ноги» – ходят. И носят. Наглядный при-

мер: в парке у тубдиспансера сидит Химик – погоняло такое, вроде газетку читает. Имеет при себе 0,9 грамма порошка, за это не сажают, ты в курсе. По классификатору это девять разовых доз, а на деле с такого веса только-только двоим в «системе» торкнуться. Потому что порошок у них – дрянь. Подходят торчки, берут. Химик скинул порошок, пошел, еще 0,9 взял. Так это и работает. Вот это – «ноги».

– А он к дилеру ходит?

– Да ну, брось ты – к дилеру! Барыга сидит в Торквелове, выдает Химику на день по десять грамм, Химик прячет, где ему в голову взбредет, и носит помаленьку.

– Нас интересует момент, когда дилер дает Химику дневную партию?

– Точно. Вот этот самый ключевой момент... Короче, не думаю, что Химик ежедневно ездит в Торквелово.

– Почему?

– Потому что у каждого основательного барыги как минимум пять-шесть, а порой и около десятка приторченных «ног». То есть больные, по сути, люди, в дороге с ними может случиться что угодно. Нельзя их с товаром посылать. Я себе это так вижу: барыга едет сам, на своей машине, у него везде все пробито и подвязано, его никто не тронет. Назначает место, «ноги» туда подтягиваются, ждут. Барыга подъезжает, отоваривает их, забирает выручку за вчерашний день и убывает восвояси. Вот такая схема.

– Откуда вам известна эта схема?

– Тот барыга, которого мне удалось посадить, работал именно так. Не думаю, что за это время что-то принципиально изменилось.

– Но если они провалились на этой схеме, должны по идее что-то менять...

– Да брось ты! «Провалились»... Его свои же «бароны» сдали. Крысятничал он, они знали, но за руку поймать не могли. Больно ловкий был товарищ. Вот и сдали – чтобы я, как мне видится, малость поуспокоился да не ломал их тихую идиллию.

– Извините...

– Да?

– Гхм... Не хочу вас обидеть, но... Вы говорите так, словно представляете для них опасность. Это ведь мафия...

– Я тоже не один работаю, – Исаев сказал это уверенно, как человек, знающий себе цену, – за мной стоят люди. Понимаешь, о чем я?

– Понятно... Значит, вам нужна явка?

– Нравится шпионская терминология? Хм... Ну, пусть будет явка. Короче говоря, мне нужно место, где барыга раздает товар «ногам». И время. А беда в том, что у них куча таких укромных местечек и они каждый день «забиваются» встретиться на новом. Страхуются, короче.

– Да уж... Надо будет продумать способы. Думаю, это будет непросто.

– Непросто? Ха! Это будет единственно возможно толь-

ко в том случае, если вам удастся перевербовать кого-то из «ног» одного из торквеловских барыг. И – никаких других способов. Даже и не пытайтесь. Только время потеряете да спугнете еще ненароком.

– Перевербовать?! В каком плане?

– Да, Бубка, еще раз убеждаюсь, что со смекалкой у тебя нелады. Напекаю: у тебя хороший порошок.

– И?

– У торквеловских против твоего – полный отстой. Слабый, хрен знает с чем мешанный – постоянно травятся с него. Но твой дороже. Твой грамм – восемьсот, у торквеловских – пятьсот. Поэтому, кстати, вы пока не схлестнулись. Ты не перебиваешь им рынок. У вас берут только знакомые Зверева, и то не все, а те, которым эта цена по карману. Получается небольшой замкнутый кружок.

– Так... Нет, я все понял, но... что-то не понял...

– Вот ты тормоз, Бубка. – Андрей Иванович сокрушенно вздохнул. – Поболтай на эту тему со Зверевым. Может, вы попробуете прикормить пару-тройку «ног» своим хорошим порошком. Ради такого случая можно малость упасть в цене, чтобы люди к вам потянулись...

Я обсудил этот вариант с Людой.

– Да запросто! – блаженно улыбаясь, заявил Люда (уже и не помню, когда в последний раз видел его не под кайфом). – Но... Тогда мы вступим в конкретную конфронта-

цию с торквеловскими. Нам оно надо?

– Предлагаешь забить на Исаева? Идея – дрянь. Озвереет и опять арестует. Теперь уже навсегда. Нам оно надо?

– Да ладно, если надо – сделаем. Какие проблемы? Но ты будь готов. Просто так, без последствий, это не прокатит.

– Всегда готов...

Так. За три... нет, даже за два дня Люда безо всяких хитростей и уловок прикормил сразу троицу чужих «ног». «Ноги», обратите внимание, были от разных барыг! То есть мы, выражаясь языком Андрея Ивановича, взяли в оперативную разработку сразу трех дилеров.

Гиганты. Весь местный отдел ФСКН за год поймал одного дилера, а мы с Людой – нате вам!

Тут нюанс: эти хлопцы хорошо знали Люду, для них он был свой. Публика эта весьма недоверчивая, «стремаются» по любому поводу. Вряд ли они пошли бы на контакт с чужим – каким-нибудь опером, допустим. Тем более в таком небольшом городе, как наш.

Люда угостил отобранных для вербовки хлопцев нашим порошком, те «конкретно заторчали» и выпали в осадок. Вот так ни фига себе! Есть, оказывается, счастье на этом свете (все познается в сравнении: после торквеловской гадости, естественно, наш «999» показался им манной небесной).

– Ну а какие проблемы, камрады? – поставил вопрос Люда. – Берите у нас и носите, как раньше делали. Десять грамм бадяжьте на одиннадцать, один – ваш. Пойдем на уступки

широкой публике, грамм будете сдавать по семьсот. Ничего не меняется: даже с тем, что вы помешаете, два наших грамма по силе эквивалентны трем торквеловским. Считайте, три по пятьсот – полторы, два по семьсот – тысяча четырехста. То есть по цене плечо в плечо встанем. А уж про качество и говорить не стоит: небо и земля.

– Хорошее дело, – одобрили «ноги». – А что с нашими барыгами?

– Да сдадим их в утиль, на фиг. Хватит, побаловали – и будя...

Вот этот пункт, как и следовало ожидать, вызвал массу нареканий и поверг камрадов в тягостные размышления. Люде стоило значительных усилий, чтобы убедить объектов вербовки: об их неблаговидном поступке никто и никогда не узнает. «Ног» хватает, поди угадай, кто сдал.

– Мы будем у вас брать, а другие – нет, – высказал один из вербуемых трезвую мысль. – Ну и влет вычислят, кто сдал.

– Ну... Остальные тоже будут у нас брать, – неожиданно осенило Люду. – Так что вот именно этот пунктик пусть вас не заботит.

– Лады, – одобрили камрады. – Хватит «ставиться» всякой гадостью, даешь чистый продукт! Идем всей кучей под вас, банкуите. Только вы того... Будьте готовы. Торквеловские просто так это не оставят...

Эта плодотворная идея Люды была для меня полной неожиданностью.

Я обругал его последними словами, попричитал сколько положено, получил полную информацию по специфике и тут же забился с Анваром на «экстру». Прошу прощения, это идиотская специфика влияет: конечно же – просто договорился с Анваром о внеплановой срочной встрече.

Встретились, объяснил ситуацию. Привирать ничего не стал (а что-то еще пожить охота), рассказал все как есть. Пойман с поличным, отпущен под подписку, нужно отрабатывать право быть свободным.

– А я тебе говорил: недолго будешь сам на сам развлекаться, обязательно кто-нибудь прилепится.

Теперь возникла такая ситуация: есть возможность при помощи ретивого начальника отдела одним заходом подмять под себя солидный кусок черноморского рынка наркоторговли. То есть, если изъять из оборота троих торквеловских дилеров, а их клиентов взять под себя, все правобережье Черного Яра по факту будет нашим! Но последствия могут быть очень нехорошими: вплоть до кровопролитной войны с торквеловскими.

– Сколько один «нога» за сутки продает? – насчет «войны» Анвар как-то даже и не отреагировал, а целиком сосредоточился на «солидном куске».

– До десяти грамм – их. Нашего, следовательно – шесть-семь грамм.

– Почему так?

– У них слабее.

– А, понятно. Но мы же дороже продаем. Может, не так хорошо будут брать.

– Будут. Считаем три их за два нашего, падаем до семисот за грамм, по факту на выходе получается два грамма нашего хорошего на сто рублей дешевле трех грамм их дрянного. И гарантированно никто не траванется, это они уже опробовали.

– Ай, молодец! – Анвар, похоже, не на шутку обрадовался – глазенки сразу заискрились, ручки начал потирать. – Сколько «ног» у одного торквеловского барыги?

– Минимум пять. Минимум.

– Пять «ног» – по шесть граммов за день. Тридцать. Три барыги по пять «ног» – девяносто граммов за день. Это брат, почти что твоя пятидневная норма!

– Да, получается резкий прирост интенсивности продаж.

– Какие умные вещи говоришь, э! Ты один за пять дней сдавал сто. А теперь, с этими «ногами», будешь сдавать больше полкило!

– Гхм... Тут есть проблемка...

– Торквеловские?

– Да.

– Ну, это просто. Их дилеров посадят, вашим нарикам чем-то ширяться надо? Надо. Мы дадим им, чем ширяться. И лучшего качества.

– Они новых дилеров пришлют.

– Пришлют – а все уже, место занято! «Ноги» уже наши.

И клиенты тоже наши.

– Не думаю, что они просто так уступят нам этот фрагмент рынка.

– Мы у них последний кусок хлеба не отнимаем. Я про них все знаю, у нас есть совместные дела. Они всю Тверскую область и половину Московской кормят. Основной оборот – трава, «пластилин», химия и ханка. Чисто героином торгуют немного, потому что в основном у них покупают бедные люди, у которых нет денег на героин. А у вас там профессура, академики и студенчество – вообще не их рынок. Все эти категории в основном едят импортные дорогие вещи: ЛСД, «экстази», кокаин. Так что, вот эти полкило за неделю – за них никто даже не почешется.

– Ну, не знаю, тебе виднее.

– Нет, если проблемы возникнут – я с ними все решу, ты не волнуйся. Они не станут с нами ссориться из-за этого, я говорю, у нас есть большие совместные дела. А если этот твой опер хорошо дилеров посадит – так, что отмазать не сумеют, а потом и новых дилеров так же ловко повяжет... Тогда вообще ни с кем договариваться не придется.

– Ну так что, заниматься этим?

– Обязательно, дорогой. Все бросай, занимайся. Ежеминутно держи меня в курсе, если что – звони сразу...

Деталими утомлять не буду, сообщу результат. За неделю товарищ Исаев с нашей подачи «принял» троих дилеров. «Принял» правильно и грамотно, а тут еще какая-то

кампания по стране катила – пару-тройку каких-то вроде бы покровителей наркомафии показательно травили (наверно, пожадничали, делиться не пожелали), – так что «отмазать» этих дилеров никому не удалось.

«Ноги», с которыми мы договаривались, сразу перешли под нас, а за ними и остальные, с которыми не договаривались. И вербовать никого не пришлось: оставшиеся без хозяев «ноги» быстро навели «мосты» и в добровольном порядке попросились к нам под крылышко.

От торквеловских, конечно, приезжали, пытались наладить разрушенную сеть и мгновенно вышли на нас. Задали ряд процедурных вопросов: от кого торгуете, под кем ходите, с кем дружите и так далее. Сослались на Анвара – все вопросы к нему.

Больше никто не приезжал и вопросов не задавал.

Таким образом мы буквально за неделю забрали под себя все правобережье Черного Яра. Не бог весть какой контингент – едва ли две сотни, но все же. Левый берег традиционно остался за торквеловскими. Это ведь у нас на правом – «Силиконовая долина», университет и вся прочая интеллигенция. А у них там ЧМЗ (черноярский машиностроительный), «Риф» и прочие предприятия промышленного обеспечения. Короче, рабочая окраина, которая традиционно «мажется» ханкой и прочими недорогими гадостями, а по большей части со страшной силой «синячит». Бухает, то бишь.

Андрей Иванович был доволен: статистика овердозов рез-

ко пошла на убыль, торквеловские так же резко потеряли к нашему берегу интерес. Анвар все-таки решал с ними вопросы, это он потом мне сказал.

Анвар тоже был доволен – шутка ли, разом расширил рынок в пятикратном размере, не прилагая к этому никаких усилий. Сказал, чтобы я переговорил с Исаевым: не желает ли встретиться, обсудить перспективы...

Я передал его предложение. Андрей Иванович отреагировал в присущей ему манере:

– Больно много чести будет для какого-то урюка – со мной встречаться. Ну, разве что поцеловать меня в попку за то, что рынок ему освободил. Если он этого хочет, передай – пусть приезжает...

Я ничего передавать не стал, просто сказал – не хочет. Анвар пожал плечами: вольному воля, я ему хотел денег предложить за хорошее дело.

Вот так мы и зажили, счастливо и весело. За год я купил себе машину, однокомнатную квартиру, переехал от матери, сделал евроремонт, обставился с ног до головы...

А Люда забил тромбами вену под правой коленкой и перешел на резервную лодыжку.

* * *

После похорон я взял литр, поехал к Люде.

– Мне по фигу, есть у тебя в планах ремиссия или нет. Но

сегодня я собираюсь напиться в хлам. Один я не пью, так что делай выводы...

Люда с пониманием отнесся к проблеме, шуганул парочку студиозусов, приторчавших на веранде, рядом с калиткой повесил на штaketник драный носок (тайный знак – товара нет), достал из холодильника банку огурцов и приступил к жарке безразмерной яичницы с салом и зеленым луком.

Только сели, опрокинули по рюмке за упокой – вдруг тихонько за скрипела входная дверь.

– О! – Люда удивленно хмыкнул. – А ты кто?

Смотрю, в дверях стоит угрюмый, коротко стриженный товарищ, среднего возраста, невысокий, но на диво объемный. Про таких говорят: «Проще перепрыгнуть, чем обойти».

Стоит и смотрит. Взгляд его мне не понравился: смотрел так, словно это он был здесь хозяином, а мы с Людой без спросу и без стука вломились в его хату.

– На калитке, между прочим, звонок есть, – сурово заметил я незваному гостю и выразительно посмотрел на Люду – ты хозяин или где?!

– Не ха ми, Бубка, – незваный гость, криво ухмыльнувшись, без спросу взял стул, сел за стол и кивнул Люде: – Наливай.

Я в ступоре. Челюсть до колен, аналитическое устройство работать отказывается. Хорошего живописца сюда – и запросто можно брать с меня эскиз на тему «Пит здесь подкрался

незаметно».

Люда с готовностью метнулся, приволок стакан (у него на кухне жуткий бардак, нормально посидеть за столом можно только в зале).

– Спидные из него не пили? – деловито уточнил незванный гость, осматривая стакан на свет.

– Спидных не держим, – заверил Люда. – У нас даже с гепатитом никого нет.

– Молодцы, – похвалил незванный гость. – Наливай... Ну, пусть земля будет пухом...

Выпили. Закусили. Пауза. Вернее – зловещая пауза. Чего думать, даже и не знаю...

– Я новый начальник отдела, – увесисто заявил наш гость. – Собакин моя фамилия. Григорий Ефимович. Теперь вы автоматически переходите под мою эгиду.

– Я дело собственноручно сжег, – зачем-то начал запыряться я – безо всякого повода, просто вдруг такой стих нашел, не понравился мне этот толстун, и все тут! – У вас на меня ничего нет. Так что, никуда мы не переходим. И вообще, вам не кажется, что вы адресом ошиблись?

– Я просил не хамить. Не люблю повторяться, – Собакин вдруг повел плечами и...

...без замаха долбанул мне в лицо тыльной стороной кулака.

Шлеп! Получилось весьма увесисто: я опрокинулся вместе со стулом и на миг утратил способность к мироощуще-

нию. Во мгле передо мной рассыпались снопы белых искр, какие-то расплывчатые багровые протуберанцы плавали и набухали...

Спустя секунду я услышал звук оплеухи и болезненное «Ай!», завершившееся глухим стуком. Друг не бросил в беде, заступаться полез. Зря, друг. У такого бугая шибко не забалуешь.

Помотав головой, я кое-как восстановил функции восприятия и ощупал лицо. Нос цел, но «очки» обеспечены. Я очень не люблю Собакиных. Никогда ранее не встречал их, но теперь знаю: это плохая фамилия.

Люда сидел на полу и прикрывал голову руками.

– Ну что, голуби? Будем общаться, или мне придется постоянно лечить вас от хамства?

Ага, с Андреем Ивановичем знаком, «голуби» – это его.

– Общаться, – не раздумывая, решил я.

– Ну и ладно, – одобрил Собакин. – Приведи себя в порядок, прокатимся.

– Куда? – осторожно поинтересовался я, наблюдая за могучими кулаками гостя.

– В отдел. Да ты не дрейфь, арестовывать я тебя пока не собираюсь. Просто надо перетолковать по теме. И бить тоже больше не буду. Веди себя культурно – и обойдемся без этого...

По дороге в отдел Собакин доходчиво объяснил мне, почему за рыбу деньги и как бледно я буду выглядеть, если не

проникнуть серьезностью ситуации.

– Андрей Иванович был мужиком. Сказал – сделал. То есть никаких писулек у нас на тебя нет, это ты правильно подметил...

Тут резонно было спросить, откуда, в таком случае, он знает мой оперативный псевдоним и вообще, почему в курсе, что есть такой сексот – Бубка.

Собакин намеренно выдержал паузу, давая мне возможность задать глупые вопросы.

Я молчал. За год общения с Андреем Ивановичем кое-чего нахватался, представление о процессе имею.

Если такой опытный опер, как Исаев, говорит, что его скоро шлепнут, это не просто измышления пьяного ботаника. Значит, чуял, что обложили. Следили, по всей видимости, слушали-писали, «маяки» лепили. Да и шлепнули, скорее всего, свои же. С кем-то профиль не поделил или дорогу перешел. Это умозаключение на основе практического опыта: год назад он «принял» разом троих дилеров, за прекращение дела предлагали деньги – отказался, посадил всех троих. «Бароны» его не тронули, хотя имели все резоны. Потому что не по просто так, по своей инициативе, он куролесил, за ним, как он сказал, «люди стояли».

А сейчас – что называется, на ровном месте, без всяких громких арестов и прочих дел – и нате вам...

Однозначно – свои. Может быть, подмели вот под этого самого толстяка, что без раздумий пускает в ход кулаки. На

похоронах, кстати, его не было...

– ...но ты парень не дурак, сам прекрасно понимаешь... – Собакин, не дождавшись глупых вопросов, похоже, слегка меня зауважал. – Работать без оперативного прикрытия тебе будет сложно. Точнее, вообще никак не будет. Все по тебе известно, даже пасти тебя не надо. В любой момент возьмем с порошком и посадим.

– Что я должен буду делать?

– Ничего особенного. Как работал с Андреем Ивановичем, так и со мной будешь. Только теперь ты будешь не «на подписке», а «на доверии»...

Итак, мой оперативный статус изменился. Теперь я сексот на доверии. Прошу любить и жаловать...

В кабинете Андрея Ивановича все осталось по-прежнему. Собакин даже аксессуары на столе не поменял.

Невольно пришло на ум: быстро они... Человека только что не стало, а на его место тут же назначили другого. Обычно какое-то время проходит, выставляется вакансия, подыскивают кандидата...

Ну точно – свои. Может, вот этот самый толстяк его и...

– Садись, черти. – Собакин дал мне бумагу, тонкие фломастеры и офицерскую линейку.

– Чего чертить?

– Схему распространения.

– Эмм... Я думал, вы в курсе всего...

– Я в курсе всего. Но у меня есть одна мысль. Я хочу, что-

бы ты подтвердил либо опроверг ее. Черти покрупнее, чтобы в фигурах писать можно было.

Начертил. В самом верху, посредине, большой круг (пустой), от него стрелка вниз, кружок поменьше – я, от меня куча стрелок к треугольникам. «Ноги», стало быть. Вот и вся схема. Зачем бумагу портить – непонятно.

Собакин взял фломастер, вписал в большой кружок «Анвар». Сбоку от моего кружка пририсовал прямоугольник, написал в нем «Зверев», соединил нас красной линией. Затем достал из кармана блокнот и, сверяясь с ним, аккуратно вписал в треугольники «погоняла» моих «ног». Пришлось ему дорисовывать два треугольника, я ненароком обсчитался (это новые «ноги», просто светить их не хотел, думал, про них никто не знает).

Закончив графические работы, Собакин спрятал блокнот, скрестил ручищи на груди и выжидающе уставился на меня.

Я развел руками и покачал головой. Понял, не дурак: все знаете. Запираться нет смысла, будем работать.

– А дальше? – Собакин, оказывается, смотрел на меня совсем в другом контексте.

– В смысле – «дальше»?

– За «ногами» – что?

– За ногами? Клиенты. В смысле, наркозависимые. Вряд ли они вам интересны – это, скорее, уже по медицинскому профилю.

– Напротив. Как раз они-то меня и интересуют. Напиши,

кто и где из твоих «ног» работает, в каком районе, количество клиентов, какой примерно контингент. Ну, социальный состав, к какому слою общества принадлежат и так далее.

Вот новости! Андрей Иванович никогда такими вещами не занимался. У него было железное кредо: «Бороться не с наркоманами, а с наркомафией. Наркоманы – больные люди, их лечить надо!»

– Я точное количество не знаю. Да и по составу, боюсь, могу лишь приблизительно...

– Ничего, пусть будет приблизительно. Изложи все, что знаешь. – Собакин поощрительно подмигнул мне. – Мне нужна вся информация, которой ты владеешь. В нашем деле все стодится...

Я подумал: вряд ли это как-то навредит нашим клиентам. За употребление у нас не сажают, только за распространение. В общем, напярэг извилины и за час изложил на бумаге все, что знал.

Собакин внимательно изучил мои каракули и стал задавать вопросы:

– Не понял... Что, возле университета никто не торгует?

– Нет. Возле университета, возле школ, рядом с дошкольными учреждениями и детско-юношескими секциями и кружками – не торгуем.

– Ну надо же! Кодекс чести, что ли?

– Да ну какой, на фиг, кодекс... Это было требование Андрея Ивановича. Сказал так: поймаю кого в этих местах, за-

веду за угол и шлепну без разговора. Против него никто идти не смел, боялись. Вот и не торговали.

– Круто, – уважительно заметил Собакин. – Вот это мужик был!

– Да уж, это точно...

– Так. Получается, у Зверева контингент – в основном из благородных семей? Интересно...

Да, получается. Люда у нас из семьи академиков. Родители от непосильного «физического» труда рано умерли (да просто старые были, Люда – поздний ребенок, брат гораздо старше его). Брат – физик-теоретик, лет двадцать как вкалывает за бугром. Квартира в Европе, квартира в Штатах, дом на Окинаве. Сейчас трудится в Японии, ежемесячно шлет Люде штуку баксов на пропитание. И практически все камады Люды – из этой же среды. Он и живет-то в академическом дачном поселке.

– Да и у «ног» в клиентах практически никого нет из рабоче-крестьянского сословия. Угу... Студенты, интерны, сотрудники, инженеры... Гхм...

– Потому что у нас правый берег, – пояснил я. – Институтская часть. А работяги живут на левом берегу.

– Угу... – Собакин взял чистый лист, нарисовал круг и разделил его на две части. – Вот что у нас получается. Город у нас немногим более сорока тысяч. Делим на две части, примерно выходит в каждой по двадцать тысяч. Левый берег пока оставим, смотрим, что у нас на правом. А на правом у

нас примерно две сотни торчков. Тех, что берут у тебя порошок. Так?

– Верно.

– То есть получается, что на двадцать тысяч жителей правобережья – всего двести наркоманов?

– Ну да, выходит так.

– Так это же прекрасная статистика! – Собакин вдруг обрадовался, словно эту статистику он сделал собственноручно. – Это же один на сотню. То есть всего один процент!

– Ну вы особо-то не обольщайтесь насчет процентов, – не без скрытого злорадства осадил я толстого оптимиста. – Двести человек, что я указал, это только те, кто систематически употребляет так называемые «тяжелые» наркотики. В первую очередь героин.

– И что?

– Как там у нас: «Если более пяти процентов нации – наркоманы, нация обречена на вырождение»?

– Ну да, есть такое... И что?

– Вынужден вас огорчить. Если посчитать всех, кто употребляет наркотики вообще, а не только лишь героин, статистика у нас получится просто ужасная. Это я вам как врач говорю.

– Да ты что? Seriously, что ли?!

– Да ладно вам, сами, наверное, прекрасно все знаете. Почти все студенты поголовно глотают стимуляторы – ЛСД и «экстази» и курят травку, как простой табак. Профессура,

вся местная богема и прочие, и прочие, которые побогаче – нюхают кокаин. Вот соберите все эти категории в кучу и приплюсуйте к жалкой кучке наших системных... Такая статистика получится – закачаешься!

– Да это я в курсе... – Собакин покачал головой и задумчиво уставился в мои каракули. – Ничего нового ты мне не открыл, однако... Слушай, друг Бубка...

– Да? – Друг – это уже хорошо. Как минимум бить не будут.

– А вот скажи мне, как ты думаешь... Какова опасность того, что эти категории, которые употребляют «легкие» наркотики... Ну, допустим, если оставить их безо всего этого...

– Что, где-то в верхах витает мысль перекрыть все каналы? Ну, это они зря – вы скажите им: ничем хорошим это не кончится.

– Почему?

– Физиология, батенька, физиология, – тут я совсем распоясался – почувствовал себя в своей тарелке. – Если человек привык регулярно получать какой-то кайф и его вдруг этого кайфа лишат, он непременно будет искать заменитель.

– И?

– Если разом перекрыть каналы доставки «колес», «марок» и «снежка» – чисто студенческо-профессорской забавы, поступающей к нам из Питера, все подряд перейдут на усиленное потребление травы, всякой дряни из амфетаминовой группы и производных опиатов. Тут Торквелово ря-

дышком, если вы забыли...

– А если Торквелово перекрыть?

– Ну, не знаю. До сих пор никому это не удавалось.

– Ну, предположим – перекрыли. Дальше что?

– А мою сеть оставили?

– Ну да, предположим, что пока оставили.

– Все железно сядут на героин. Это к гадалке не ходи. То есть что есть, тем и будут трескаться, так уж устроен человек. А поскольку привыкание к героину практически моментальное, вся эта ваша богема и студенчество очень быстро переедут в разряд «системных». А закроете мою сеть – будут клей нюхать и синтезировать в подпольных лабораториях отраву наподобие «белого китайца». Народных умельцев по этой части у нас – пруд пруди, так что... Короче, если вдруг такие мысли витают где-то там в верхах, вы посоветуйте: не стоит экспериментировать. А то ведь такую статистику получите – вся страна ахнет. Было двести «системных», станет две тысячи. А то и больше.

– Угу... – Собакин, налившийся багрянцем, машинально расстегнул верхнюю пуговку рубашки, нервно дернул кадыком и как-то странно посмотрел на меня. – Гхм-кхм...

– Что-то не так?

– Да нет, все нормально... Гхм... Когда, говоришь, тебе за товаром?

Вообще-то ничего такого я не говорил.

– А вам зачем? – осторожно уточнил я.

– Есть мысль встретиться с твоим Анваром. Перетолковать о перспективах совместной деятельности...

Опять новости! Андрей Иванович от такого рода общения всячески открещивался, а этот, не успев в права вступить и в ситуации разобраться – сам лезет.

– Ну... Гхм... Давайте, я позвоню, спрошу...

– Звони.

– Прямо сейчас?!

– А что?

– Эмм... Ну хорошо, давайте. Когда вам удобно?

– Мне без разницы. Пусть скажет – когда, подъедем с тобой, познакомишь. Только пусть он будет один. Не хочу, чтобы меня с ним кто-то видел.

– Понятно...

Я созвонился с Анваром. Голос у моего босса был какой-то странный, как будто его только что смертельно напугали.

– Что-то случилось?

– Это тебя не касается. Что хотел?

Я передал ему предложение нового куратора.

– Ай, молодец! – Анвар, похоже, слегка приободрился. – Давно бы так. Давай завтра, в одиннадцать утра, на Савеловском. Пусть не волнуется – буду совсем один...

Глава 6

Управление «Л»

С божьей помощью дело сдвинулось с мертвой точки. Начали потихоньку работать, как говорил незабвенный лидер – «процесс пошел».

Заборы сняли, загадочных товарищей из третьего корпуса (это и есть «отдел обеспечения») увезли. Куда и зачем – никто не знает. Просыпаюсь утречком, смотрю: заборов нет, люди с широкими лицами и в синих спецовках укладывают последние метры сетки в фуру, из третьего корпуса спецы таскают в первый ангар какие-то доски и ящики, четверо наших доходяг из НТО скромно ждут, когда спецы освободят вход – хотят занести свое оборудование...

На стоянке у нашего и соседнего корпусов появился транспорт. Возле нашего – четыре «Газели»-«технички» и несколько иномарок: неброские, недорогие, внешне вроде бы уже хорошо побегавшие. Опробовали. Работают как часы, все отлажено и пригнано. Кто-то подбирал, готовил, чтобы не выделяться из числа прочих в городе (а наверное, вот этот самый загадочный «отдел обеспечения»).

У корпуса спецов – три микроавтобуса «Тойота» и четыре внедорожника «Ниссан Патрол». Тоже на вид вроде бы побитые, латанные, а моторы рычат вполне зверски, заводятся с полпинка, с места прыгают. Разуваевские хлопцы рез-

вились на площадке перед ангарами, выписывали выражи с заносами и на радость всей честной публике демонстрировали заливчатские «полицейские развороты». Впрочем, резвились они недолго, вскоре Разуваев загнал всех в первый ангар оборудовать тренировочный полигон.

Нам выдали мобильники со «служебными» номерами (вроде бы с защитой от «прослушки» – но любой опер в курсе, что полной защиты в этом деле не бывает в принципе) и радиостанции. Насчет личного оружия сказали, что оно хранится в арсенале у спецов и по мере надобности его можно будет получить буквально за считанные минуты. Понятно...

В основном на первом этапе работало отделение розыска. Ничего оно не разыскивало, а просто активно добывало информацию. Молодежи у них было немного, в основном солидные на вид люди, и, как я понял, дело свое они знали. К исходу первой недели с начала работы у нас уже был вполне отчетливый абрис местной ситуации по обороту наркотиков, имелся приблизительный круг лиц, участвующих в этом обороте, и массив данных для работы. Вечером мое отделение собиралось у них в оперативном зале, и мы совместно с розыскниками разбирали, что удалось им добыть за предшествующие сутки. Нарабатывали базу. Да, из «розыска» присутствовали обычно человека три-четыре. Остальные дежурили на «прослушке» и в «наружке» (в наблюдении).

Днем мое отделение в полном составе на несколько часов прикомандировывалось к спецам. Разуваев обучал нас рабо-

тать в коллективе (парами, тройками и всей кучей сразу) в режиме «адреналина» и в таком же режиме палить из разных видов стрелкового оружия, а также пользоваться холодным оружием и подручными предметами.

Надо вам сказать, тяжелые это были тренировки, хоть мы все молодые и крепкие. Поначалу я был жутко недоволен: зачем оперов гонять по программе спецназа?! Они этим годами занимаются, а мы вот-вот начнем активно работать, за неделю-другую все равно ничего путного из этого не выйдет...

Потом кое-что понял и смирился.

Одного парня из своего отделения я знаю, доводилось по работе встречаться. Такой же, как и я, звезд с неба не хватает, «серенький», скромный... Но – тоже «ворошиловский стрелок». Несколько раз за недолгий период службы применял оружие, и, по-моему, раза три – наповал.

Остальных не знаю, но все у меня как на подбор: жилистые, крепкие, молчаливые, тихие, скромные... Тренировки показали – все хорошо переносят нагрузки и боль и все неплохо стреляют. Даже крепко покувыркавшись, нахватав плюх от разубаевских садистов и побегав под завывание турбины, показывают стабильный результат...

Ага, вон оно что... Ну-ну... Не понял только, почему именно мы... У нас же спецназ есть! И вообще, поначалу я думал, что разными щекотливыми делами будет заниматься загадочный «отдел обеспечения». Зря, что ли, на них шапоч-

ки натягивали? Ну ладно, посмотрим, что из этого получится...

Больше всего из тех тренировок мне запомнилась «виолончель». Это Разуваев так ласково обозвал авиационную турбину. В тот же день, как убрали заборы, нам привезли несколько фур с кучей всякого хлама для полигона, и в числе прочего – авиационную турбину. Жуткая вещь, я вам скажу. Врубают эту турбину – и такой страшный рев стоит, что можно не только из обычного оружия стрелять, но, пожалуй, из гранатометов садить залпами. Турбина все глушит. А уж на нервы действует – я те дам! Вибрация, глухота, полная дезориентация. Поначалу, пока не привыкнешь, не то что стрелять по мишеням – непросто даже понять, что от тебя хотят вообще!

Думаю, для окружающих все вполне естественно: новое «КБ» занимается какими-то техногенными разработками. Тут, я заметил, таких звуков в округе хватает: частенько сирена орет истошно, как на учениях гражданской обороны, что-то завывает в разных местах наподобие нашей «виолончели», а то и помощнее, по ночам какой-то загадочный мелодичный звон раздаётся, странные выхлопы слышны, наподобие этаких «мягких» взрывов, при этом ощутимо потряхивает, как при подземных толчках, по небу разноцветные сполохи скачут...

Вообще, интересное здесь место. Постоянно какие-то чудеса творятся. Правильно придумали именно в этом месте

расположить нас: тут можно запросто дивизию спрятать, не то что там какое-то управление численностью едва ли в сотню лиц...

По выходным наше отделение осваивало «землю».

Тут следует сказать об особенностях, которые упоминали управленцы при ознакомлении нас с местной спецификой.

С понедельника до вечера пятницы Черный Яр как будто вымирает. Все взрослое население, не работающее в «закрытых» учреждениях, уезжает на заработки в Москву. Зато вечер пятницы, суббота и воскресенье здесь – столпотворение. Волга, лес, огромное водохранилище – настоящее море, берегов не видно, с многочисленными укромными островками, великолепными песчаными пляжами и заводами. Короче, маленький летний курорт всего в ста километрах от столицы. Скажу для примера: тут с некоторых пор проводят чемпионат мира по водным видам спорта, так что делайте выводы. Как только Черный Яр «распечатали», москвичи тут же быстренько распробовали, как здесь все здорово, и повадились ездить сюда толпами. Многие за бешеные деньги снимают у местных квартиры на три летних месяца, устраивают себе что-то типа «шорт-тура». Местные гостиницы летом ориентированы исключительно на отдыхающих, работают в режиме курортных пансионатов, также исправно функционируют несколько домов отдыха, располагающихся в живописных местечках.

В общем, по выходным можно было спокойно работать,

не утруждая себя «легендами». Разъезжай, где не перегорожено, знакомься с обстановкой и снимай, что пожелаешь, на видеокамеру. Где надо, стоят КПП и шлагбаумы, и все скрыто в густом лесу, так что лишнее снять не получится при всем желании.

Мы ездили по городу, отработывали оперативное взаимодействие, познакомились с местностью и достопримечательностями. Разделились так: три пары, три машины, плюс я – тоже на машине, но в связке с начальником отдела. Доценко хорошо знал город, ездил со мной, все показывал и объяснял.

Не знаю, почему Доценко катался со мной. Я изначально предложил такое деление: три рабочие пары и отдельно я – «основной», координатор. В таком составе удобно работать: вести «объект», чередуя машины, прикрывать «основного» при контактах с контингентом и так далее. Опер в обычном порядке на своей «земле» вообще, как правило, работает один, на свой страх и риск, три обеспечивающие пары – это предел мечтаний.

Доценко с таким раскладом согласился, но сказал, что на первых порах он меня малость «постажирует». Как будто бы я и сам не справился...

Черный Яр мне понравился. Красивый и тихий провинциальный городок, как будто застрявший в суровой эпохе сталинизма. Все здесь было сделано добротнo и прочно, на века. Строили его, когда у страны было полно денег и на

масштабные проекты не жалели средств. Повсюду сохранились лозунги из серии «Мирный атом – в каждый дом» и «Атом – не солдат, атом – рабочий». Теперешнее руководство города, неумело пытаясь заниматься коммерческим туризмом и строительством, палец о палец не ударит, чтобы поддерживать в порядке все, что им досталось в наследство от эпохи великих свершений. Набережная облицована великолепными гранитными плитами, от долгой неухоженности по стыкам проросла трава, кое-где плиты совсем сползли в воду. Огромный прибрежный парк в полном запустении, фонтаны, выложенные дорожущим разноцветным мрамором, не работают, фонари примерно через один выдраны с корнем, аллеи заросли. Спасибо, мусор убирают – столичные туристы жалуются, не дают совсем впасть в анабиоз.

Да, мусор убирают – но в девять утра, когда уже все гуляют и любуются видами. Лень встать пораньше. И вообще, все здесь существует в этакой меланхоличной полудреме. Любимая присказка местных – «Спокойнее, куда вы торопитесь?», обращение к незнакомцу – «товарищ». *«Товарищ, это ваш „Лексус“ на аллее стоит? Уберите, мне тележку с мусором надо провезти. Нет, вы мне не советуйте, когда мне вставать и во сколько начинать мести – у меня на это начальник ЖЭУ есть. Вы просто машину уберите, и все...»*

Ни одного живого профессора или просто физика-теоретика не видел (они, говорят, отдыхают так же закрыто, как и работают, тут для этого полно укромных местечек), зато вся

местная прислуга ведет себя так, будто это именно они двигают мировой прогресс вширь и вглубь. На москвичей смотрят свысока, с ленивой спесью, обслуживают в магазинах так, словно делают великое одолжение, жалобных книг тут нет в принципе. Вообще на всех, кто не принадлежит хоть каким-то боком к научно-исследовательской касте, смотрят как на людей третьего сорта. Поневоле вспоминается классик: *«...сами хозяева были милейшими людьми, но вот их прислуга... Ох и лютые же лакеи были у графьев Шереметевых...»*.

Вот такой славный городишко. Обидно, что совсем рядом со столь благодатным местечком (а по совместительству – величайшим наукоградом России) располагается Торквелово – величайшая наркодережня России. Но ничего, бог даст, мы это дело вскорости поправим...

* * *

К концу первого месяца работы мы уже имели на руках практически полный расклад по всем коллизиям местного наркорынка.

Левый берег (так называемый «рабочий» район) прочно держали торквеловские. Никакой более-менее отчетливой системы рынка здесь не было, царил полнейший бардак и хаос, и удалось выявить только одну закономерность: вся «дурь» на левый берег приходит из Торквелова, других по-

ставщиков нет (да и не нужны они), и все, что там имеет спрос, – дешево и отвратительного качества. Одно слово – отрава.

Работать в бардаке и хаосе всегда труднее (нет единой системы – придется работать с каждой отдельной составляющей этого хаоса). Поэтому для начала мы сосредоточились на правом берегу (институтская часть и «Силиконовая долина»).

В этом районе можно было наблюдать прямо противоположную картину. Здесь в полном объеме присутствовала классическая рыночная система с тремя дилерскими сетями, во главе которой стоял... только не надо падать в обморок... короче, здесь всем рулил начальник местного отдела ФСКН Андрей Иванович Исаев.

Сразу хочу внести коррективы. Не следует считать Исаева этаким злым гением и вообще исключительной личностью. Несмотря на кажущуюся значимость, он просто винтик, деталь отлаженной системы. Но он – активный винтик.

Я вам так скажу, по собственному опыту: среди оперов и сотрудников вообще есть две категории – активные и пассивные. Есть процесс – торговля наркотиками. Ты можешь пробовать что-то изменить, если приставлен для этого государством, но процесс все равно будет идти. Потому что у нас система такая: есть больные люди, наркоманы, есть мафия, которая на их наркозависимости делает огромные деньги, покровители мафии (вообще, на мой взгляд, ненужный

термин – это просто те же мафиози, только высокого ранга), «крыша» на местах и так далее...

Вдаваться в подробности нет смысла, уже и так сказано много. Если ты являешься главным борцом с наркотиками в каком-нибудь отдельно взятом населенном пункте нашей страны, у тебя, по сути, только два пути, и выбор каждого из них зависит от твоих личных качеств.

Первый – пассивный. Ты не пытаешься ломать систему, создаешь видимость борьбы с отдельными, особо злостными, ее проявлениями, на кое-что закрываешь глаза и за это получаешь небольшие подношения. Бороться с системой нельзя, потому что тебя попросту тут же уничтожат физически, ты это прекрасно понимаешь. Живешь спокойно, дивиденды небольшие, зато чувствуешь себя уверенно, спишь без судорог.

Второй – активный. Ты также создаешь видимость борьбы с системой, выдаешь какие-то показатели... А сам активно встраиваешься в эту систему. Допустим, берешь под себя какой-то ее участок. Это если у тебя хватит крутизны, чтобы вытеснить того, кто возглавлял этот участок до тебя, и обоснованно доказать всей системе, что так будет лучше. В противном случае система тебя скушает. Если все удалось – дивиденды неплохие, но надо постоянно отстаивать свое место под солнцем, демонстрировать свою значимость, показывать зубы, крутиться. Во сне вздрагиваешь, под подушкой держишь «ствол».

Это не только в наркорынке – все точно так же и в любой другой системе, связанной с криминалом.

Еще один вариант второго пути. Так сказать, местный, заточенный под Черный Яр. По ряду причин ты – круче всей местной мафии. Это, сразу скажу, большая редкость, но в данном конкретном случае получилось именно так. Потому что это непростой, необычный городок с особым статусом. Ты круче всех не только благодаря своим личным качествам, а потому, что за спиной у тебя стоят очень влиятельные люди (это главное, без этого твоя крутизна будет болезненной и недолгой). Ты активный, поддержка есть, делаешь ряд телодвижений и за какой-то небольшой период ухитряешься возглавить практически всю систему. Практически – это потому что есть еще левый берег, на котором работает другая система.

Но это мы рассмотрим позже, а сейчас вернемся к главе местной наркомафии и по совместительству к главному борцу с наркотиками – Андрею Ивановичу Исаеву.

Общий обзор. Исаев – «универсал», на одной специализации не зацикливается. Обеспечивает «дурию» три категории граждан: студентов, местную элиту и героиновых «торчков». Так... По третьей категории прошу извинить, малость оговорился. Скажем так: дает возможность обеспечивать.

В отличие от подавляющего большинства подобных образований в других местах, героиновая дилерская сеть в Черном Яре довольно цивилизована и на диво упорядочена.

У руля стоят два друга: некто Людвиг Зверев, отпрыск знаменитого академического семейства, наркоман со стажем, и бывший врач, Игорь Прыгунов – просто выходец из семьи интеллигентов, без регалий и вредных привычек. Порошок у них хорошего качества, берут в Москве, у азербайджанцев. Обслуживание наркоманов организовано едва ли не по стандартам нормальной клиники. Вплоть до того, что у них выдаются бесплатные шприцы, ведется амбулаторный журнал и существует индивидуальный подход к каждому клиенту.

Короче, мне про такое ранее слышать не доводилось, хотя я со всеми этими делами тесно соприкасался по работе и вволю общался с коллегами из ФСКН. На этих двоих – Звереве и Прыгунове – замыкаются десятка полтора «ног», которые таскают порошок за дозу – вот вам и вся сеть. Если сопоставить с другими городами, героинщиков в Черном Яре немного, особенно в процентном соотношении с употребляющими другие категориями «дури». Едва ли под пару сотен наберется. Это еще учтите, что тут под боком такая помойка, как Торквелово. Так что процент небольшой.

Что удивило поначалу: если судить по всему массиву полученных данных, Исаев со своей героиновой сети не получает ни копейки. Странно, правда? Зачем тогда ее держать?

Мы это дело анализировали и пришли к выводу: Исаев умный, и у него есть своеобразный кодекс чести. Понимает, что колоться все равно будут, хоть всех дилеров перестреляй. Найдут, где взять, это дело нехитрое. Вот он и упорядо-

чил все и взял под свой контроль. По имеющимся данным, раньше на правом берегу тоже торквеловские промышляли, и была тут плохая статистика по передозам. В прошлом году Исаев одним махом посадил сразу трех дилеров (для одного местного отдела, я вам скажу, это – результат), и теперь торквеловские на правом берегу вообще не работают. И статистика по передозам практически нулевая.

Знаете, я его за это дело даже зауважал. Нет, понятно, что гад – мафиози и все такое прочее... Но умный гад. И с принципами. Раз не берет деньги с героиновой сети, значит, считает это зазорным. Типа того – не пачкается, хотя и мог бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.